

Специальные беседы для группы, названной «Немногие избранные», члены которой собираются стать проповедниками учения Раджниша по всему миру.
Перевод с английского Ф. Садыкова
Редакторы К. Кравчук, А. Липатов

Содержание

- Беседа 1 – БЕЗМОЛВИЕ – ТЯГА ВНУТРЕННЕГО НИЧТО
- Беседа 2 – НЕ СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ, ПОТОМУ ЧТО Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ
- Беседа 3 – БОЖЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВУЕТ, НО НЕТ НИКАКОГО БОГА
- Беседа 4 – ОПИУМ, НАЗЫВАЕМЫЙ РЕЛИГИЕЙ
- Беседа 5 – БЫТЬ МЯТЕЖНЫМ – ЗНАЧИТ БЫТЬ РЕЛИГИОЗНЫМ
- Беседа 6 – ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ СВЯТЫЕ КНИГИ – ПРОСТО РЕЛИГИОЗНАЯ

ПОРНОГРАФИЯ

- Беседа 7 – ОТ «КРЕСТИАНСТВА» ДО ДЖОНСТАУНА
- Беседа 8 – ЖАЖДА ВЛАСТИ: РАК ДУШИ
- Беседа 9 – ПРОСТО РОДИТЬСЯ – НЕДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ БЫТЬ ЖИВЫМ
- Беседа 10 – ВАШЕ ДЕТСТВО – ОБУЧЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РАВСТВЕ
- Беседа 11 – ДА, Я УЧУ ВАС СЕБЯЛЮБИЮ
- Беседа 12 – ЖИВИТЕ СЕЙЧАС – МОЛИТЬСЯ БУДЕТЕ ПОТОМ
- Беседа 13 – ГОТОВАЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ РЕЛИГИЯ ИЗ МАГАЗИНА ПОДДЕРЖАННЫХ

ТОВАРОВ

- Беседа 14 – Я – ГНОСТИК
- Беседа 15 – СВЯЩЕННИК И ПОЛИТИК – МАФИЯ ДУШИ

Введение

БИБЛИЯ РАДЖНИША – это чистое, непосредственное общение. Это не проповедь по какому-либо случаю, не фрагментарное воспоминание, пересказанное и записанное много после того, как сам источник прекратил свое существование.

БИБЛИЯ РАДЖНИША – это чистое, непосредственное приобщение. Это – живой просветленный Учитель Бхагаван Шри Раджниш, говорящий о Его религии, о жизненной, расцветающей религии Раджнишизма.

С одной стороны, известие о том, что Бхагаван снова заговорил после 1315 дней безмолвия, пришло, как сюрприз. Но все же, с другой стороны. Его решение заговорить снова было, в конце концов, не таким уж сюрпризом – непредсказуемость нашего Учителя всегда восхищала нас. И, как Он сказал нам в тот первый вечер, период безмолвия хорошо послужил Его цели.

«Эти дни безмолвия, – говорил Он, – помогли отстраниться от меня тем, кто испытывал по отношению ко мне интеллектуальную любознательность, рациональный интерес. А кроме того, они помогли мне найти моих настоящих, подлинных людей, которым не нужны слова, чтобы быть со мной... Но сегодня, – продолжал Он, – я вдруг решил заговорить снова, снова, спустя 1315 дней, по простой причине: картина, которую я пишу всю свою жизнь, нуждается в нескольких мазках здесь и там для завершения ее...»

«Теперь впервые я говорю со своими собственными людьми – неиндусами, не мусульманами, не христианами, не иудеями. Это большая разница, и только благодаря этой разнице я могу нанести завершающий мазок на картину, которую пишу».

Лекции в этом первом томе БИБЛИИ РАДЖНИША как раз таковы: Учитель говорит со Своими собственными людьми. И между ними возникает восхитительная, тесная связь. < Учитель раскрывает себя вам, дает вам возможность почувствовать близость <, – говорит Бхагаван. Эти беседы как интимные разговоры с возлюбленной, как глубочайшее, сердечное общение с самым близким и самым дорогим другом.

За годы, проведенные в Бомбее и Пуне, в Индии, беседы Бхагавана на английском и хинди заполнили 350 потрясающих томов, в большинстве своем уже опубликованных издательством Раджниш Фаундейшн Интернейшнл. В те годы Он еще не беседовал только с раджнишистами, «с моими собственными людьми», – Он общался с буддистами при помощи Будды, с индусами при помощи Кришны, с христианами при помощи Христа.

«Да, — признавался Он недавно, — я использовал всех этих людей, как «подкидные доски»... Если Кришна вернется, он будет очень зол, особенно на меня. Но он не собирается возвращаться, так что проблемы нет. Я не думаю, что мы встретимся когда-нибудь. И даже если мы встретимся, — радостно посмеивался Он, — я могу просто попросить извинения».

А что по поводу этих религий, произрастающих в памяти этих людей? «Все эти религии прошлого, — говорит Бхагаван, — антижизненны. Ни одна — ради жизни, ни одна — ради живущих, ни одна — ради смеха. Ни одна религия не воспринимает чувство юмора как свойство религиозности. Поэтому я говорю, что моя религия — это первая религия, которая рассматривает человека в его всеобщности, в его естественности — воспринимает человека целиком, как он есть. Вот что для меня означает святость — не нечто священное, но нечто, принятое во всей его целостности... Это первая религия, которая ничего не отвергает из вашей жизни. Она принимает вас целиком, как вы есть, и находит пути и методы сделать целое более гармоничным...»

«Старые религии основаны на системах верования, — указывает Он. — Моя религия абсолютно научна. Это не вера, это не вероисповедание. Это чистая наука...»

«В качестве своего метода наука использует наблюдение; религия также использует наблюдение в качестве метода, но называет это медитацией. Это наблюдение, чистое наблюдение вашей собственной субъективности. Наука называет свою работу экспериментом, религия называет свою работу переживанием... Поэтому я не дал вам никаких верований, я дал вам только методы. Я лишь объяснил вам мое переживание, я рассказал вам способ, как я испытал это... Я не предложил вам ничего, что не основывалось бы на здравом смысле, логике, эксперименте, переживании».

И в этом удивительная красота и значительность БИБЛИИ РАДЖНИША. Это событие, беспрецедентное в человеческой истории: ведь еще не было микрофонов, чтобы записывать Будду, следуя за ним через Бихар. А здесь представлен из первых рук опыт человека, достигшего предельного цветения. И больше нет «подкидных досок». Здесь есть сам Бхагаван Шри Раджниш в полном великолепии. Он больше не играет на флейте Кришны. Теперь Он просто поет свою собственную песнь.

БИБЛИЯ РАДЖНИША — это революция, которая испугает даже тех, кто слышал слова Бхагавана ранее. В этих беседах проявляется полностью новое измерение. Неожиданно Бхагаван вынул Свой меч истины и безжалостно порвал в клочья лживость истории. Все покровы сорваны, показывая человека, его религию, его политику во всей их бесполезности. Даже Бог, Великая Белая Надежда, уходит навсегда. Религия за религией, миф за мифом, все они разрезаны на маленькие кусочки, тщательно обследованы и брошены по ветру, как клочки бумаги при расторжении брака.

Научные методы медитации Бхагавана и широкий комплекс новаторских терапевтических программ проводятся в Раджнишпуре в Международном Медитационном Университете Раджниша, штат Орегон, США, а также в Медитационных Центрах Раджниша и Коммунах Нео-саньясы по всему миру. А в этих лекциях раскрывается Сам Бхагаван. Вот они, слова без мистики или фетишей суеверия. Вот они, слова как маяки, указывающие нам путь к дому.

«Я просто обыкновенный человек, — говорит Он. — Как всякий другой. Если и есть какая-нибудь разница, то она не в качестве, она только в знании. Я знаю себя, вы нет».

«Когда вопрос касается нашего бытия, я принадлежу тому же существованию, той же экзистенции. Вы дышите тем же воздухом, но вы просто не пытались познать себя. В тот момент, когда вы познаете себя, разница совсем исчезнет. Теперь же все в точности так, словно я стою и смотрю на восход солнца, а вы стоите рядом со мной с закрытыми глазами. Солнце восходит и для вас точно так же, как оно восходит для меня. Оно так прекрасно, так красочно не только для меня, но и для вас. Но что может солнце? Вы же стоите с закрытыми глазами. Вот единственная разница. Велика ли эта разница? — спрашивает Он. — Вас нужно лишь встряхнуть и сказать:

«Откройте глаза. Уже утро. Ночь прошла»».

БИБЛИЯ РАДЖНИША – это не святая книга. Не является она и священным писанием. Она – открытое любовное приглашение. Она – приглашение прийти и отпить из реки, что бежит широко, истинно и свободно.

Махасаттва Свами Кришна Прем М.М., Доктор философии (Международный Медитационный Университет Раджниша), Ачарья

Беседа 1

БЕЗМОЛВИЕ – ТЯГА ВНУТРЕННЕГО НИЧТО

30 октября 1984 года

Бхагаван,

Почему Вы называете Вашу религию первой и последней религией?

Для меня нелегко снова начать говорить. Говорить мне всегда было непросто, потому что я пытался выразить невыразимое. Тем более сейчас.

После тысячи трехсот пятнадцати дней безмолвия я чувствую, что прихожу к вам как будто из совершенно другого мира. На самом деле, так оно и есть.

Мир слов, языка, концепций и мир безмолвия так диаметрально противоположны, что не имеют точек соприкосновения, они нигде не встречаются. Они не могут встретиться по самой своей природе. Безмолвие – это состояние без слов; и говорить теперь – все равно, что учить язык снова, начиная с букваря. Но это для меня не новое переживание; это случилось со мной и ранее.

В течение тридцати лет я говорил непрерывно. Это было так напряженно, поскольку все мое существо тянулось к безмолвию, а я направлял себя к словам, языку, концепциям, философиям.

Не было другого способа передать людям что-либо, а мне нужно было передать им откровения необычайной важности. Не было способа уклониться от ответственности. Я должен был нести ее.

В тот день, когда я реализовал свою собственную сущность, я стал таким завершённым, что замолчал. Больше не о чем было спрашивать.

Один из моих университетских профессоров, всемирно известный профессор, доктор С.К.Саксена – он многие годы был профессором философии в Америке – много раз, бывало, просил меня задать ему какой-нибудь вопрос. А это было в те дни, когда я был так исполнен, так удовлетворен; у меня не было никаких вопросов, нечего было искать.

Поэтому я говорил ему: «У меня есть ответы; вопросов у меня нет».

Он смеялся и говорил, что я сумасшедший: «Как можно иметь ответы, не имея вопросов?»

Я настаивал: «Пока у вас есть вопросы, вы никогда не будете иметь ответов. Если вы не прекратите спрашивать, вы не найдете главный ответ. И он не приходит в форме ответа, но он ответит на все, не отвечая на какой-то конкретный вопрос, но просто отвечая на все вопросы: возможно, невозможно, вероятно, невероятно».

После моего просветления ровно тысячу триста пятнадцать дней я пытался хранить молчание – насколько это было возможно в тех условиях. В силу некоторых причин я должен был говорить, но разговор мой был телеграфным. Мой отец очень сердился на меня. Он так сильно любил меня, что имел на это все права. Когда он посылал меня в университет, то взял с меня обещание, что я буду писать ему по крайней мере одно письмо каждую неделю. И когда я замолчал, я написал ему последнее письмо, в котором сказал: «Я счастлив, невыразимо счастлив, предельно счастлив, и из самой глубины моего существа я знаю, что навсегда останусь таким, как сейчас, буду ли я пребывать в теле или нет. В этом блаженстве есть нечто от вечности. Поэтому теперь каждую неделю, если вы настаиваете, я буду писать одно и то же снова и снова. Это не будет выглядеть нормальным, но я обещал, и поэтому каждую неделю буду опускать в почтовый ящик открытку с надписью «ditto» (то же самое). Пожалуйста, простите меня, а когда получите письмо с надписью «ditto», перечитайте это письмо».

Он подумал, что я совершенно сошел с ума. Немедленно он ринулся из деревни, прибыл в университет и спросил меня:

«Что с тобой случилось? Увидев твое письмо и твою идею с этим «ditto», я подумал, что ты сошел с ума. Но, глядя на тебя, мне кажется, что это я сумасшедший; весь мир сошел с ума. Я возвращаю твое обещание и слово, которое ты дал мне. Не нужно писать каждую неделю. Я буду теперь читать твое последнее письмо». И он хранил его до самого последнего своего дня; оно лежало у него под подушкой.

Человек, заставивший меня заговорить, – тысячу триста пятнадцать дней я хранил молчание – был также очень странным человеком. Сам он хранил молчание всю свою жизнь. Никто не слышал о нем; никто не знал о нем. И был он самым драгоценным человеком, которого я встречал в этой или в любой другой из моих жизней в прошлом. Его имя было Магга Баба. Это не совсем имя; «магга» означает просто «кувшин». Он обычно носил с собой кувшин – единственную свою собственность – пластиковый кувшин. Из этого кувшина он пьет, с этим же кувшином просит на пропитание. Люди бросают что-нибудь в кувшин: деньги, пищу, воду – вот и все. А если кто-нибудь захотел бы взять из его кувшина, то не встретил бы возражений. Так что люди берут у него деньги или пищу – особенно дети, нищие. Он не запрещал никому бросать, он не запрещал никому брать. И был он абсолютно безмолвен, так что ни у кого не было даже понятия о его имени, поскольку он никогда не называл себя. Его просто начали называть Магга Баба – из-за кувшина.

Но глубокими ночами, когда никого не было, я, бывало, посещал его. Было очень трудно найти время, когда никого не было, поскольку он притягивал к себе различных странных людей. Он не разговаривал, так что интеллектуалы к нему не ходили – только простые люди. И что же делать с ним? В Индии ходить к человеку, который реализовал себя, называется сева. Буквально это означает «служение», но такой перевод не дает объяснения, поскольку слово сева имеет священный смысл, которого не имеет слово «служение». Когда вы ходите к человеку, который познал, что вы еще можете делать, как не служить ему? Так что люди упорно приходили к нему и массировали его ноги, а кто-то массировал голову, но он ничего никому не говорил. Он не говорил ни «да», ни «нет». Иногда они не давали ему даже спать, поскольку массировали его впятером или шестером. Так они исполняют сеvu. Много раз я вынужден был выгонять от него людей, а жил он в бунгало, открытом со всех сторон. Время от времени, особенно холодными зимними ночами, я, бывало, находил его одного тогда он говорил мне кое-что.

Он заставил меня заговорить. Он сказал: «Посмотри, я был в безмолвии всю свою жизнь, но они не слышат, они не слушают. Они не понимают, это недоступно им. Я потерпел неудачу. Я оказался не в состоянии сообщить то, что нес в себе, а теперь мне осталось не так много времени. Ты молод, перед тобой долгая жизнь. Пожалуйста, не прекращай говорить; начни. Трудно, почти невозможно выразить сообщаемое в словах, ведь оно пережито в состоянии безмолвствующего сознания. Как обратить это безмолвие в звук? Кажется, что нет такого способа. Его действительно нет».

Но я понял смысл слов Магга Бабы. Он был очень стар и говорил мне: «Ты будешь в таком же положении. Если ты не начнешь вскоре, то внутреннее безмолвие, вакуум, внутреннее ничто, затянет тебя вовнутрь. И тогда придет время, когда ты не сможешь выйти. Ты утонешь в этом. В тебе предельное блаженство, но весь мир полон несчастья. Ты мог бы показать путь. Возможно, кто-нибудь и услышал бы, возможно, кто-нибудь и пошел бы по этому пути. По крайней мере, ты чувствовал бы, что сделал то, что ожидало от тебя само существование. Да, это ответственность».

Я обещал ему: «Я постараюсь сделать все, что смогу». И вот тридцать лет я говорю непрерывно, используя для этого любой мыслимый повод.

Но я дошел до смысла, до которого не дошел Магга Баба. Он спас меня от своего разочарования; но я дошел до нового понимания, до нового смысла. Я забросил свою сеть во все стороны, чтобы поймать в нее максимальное число людей, имеющих потенциал для цветения. Но затем я почувствовал, что слов недостаточно.

Теперь я нашел своих людей и организовал некое безмолвное приобщение, которое поможет по двум причинам. Во-первых, те, кто не понимает безмолвия, будут отброшены. И это будет хорошо. Это будет хорошая прополка. Иначе эти люди будут продолжать цепляться за меня, за мои слова, потому что их интеллект получает удовлетворение. А я здесь не для того, чтобы удовлетворять их интеллект. Мое назначение много, много глубже, оно лежит в ином измерении.

Эти дни безмолвия помогли отстраниться от меня тем, кто испытывал по отношению ко мне интеллектуальную любознательность, рациональный интерес. Кроме того, и это во-вторых, это помогло мне найти моих настоящих, подлинных людей, которым не нужны слова, чтобы быть со мной. Они могут быть со мной без слов. В этом различие между общением и приобщением.

Общение идет через слова, приобщение – через безмолвие.

Так что эти дни безмолвия были чрезвычайно плодотворны. Теперь остались только те, для кого достаточно моего присутствия, достаточно моего существа, для кого достаточно жеста моей руки, для кого достаточно моих глаз; для кого больше не нужен язык.

Но сегодня я решил снова заговорить – снова заговорить спустя тысячу триста пятнадцать дней – по простой причине:

картина, которую я пишу всю свою жизнь, нуждается в нескольких мазках здесь и там для завершения ее. Потому что в тот день, когда я неожиданно замолчал, все осталось незавершенным. Перед тем, как я уйду от вас, уйду из своего физического тела, я хотел бы завершить картину.

Я говорил с индусами, с христианами, с иудеями, с мусульманами, с джайнами, с буддистами, с сикхами, с людьми, принадлежащими почти всем так называемым религиям. И вот впервые я говорю со своими собственными людьми: не индусами, не мусульманами, не христианами, не иудеями. Это большая разница, и только благодаря этой разнице я могу нанести завершающий мазок на картину, которую пишу. Что дает эта разница? С вами я могу говорить прямо, непосредственно. С индусами я вынужден был общаться при помощи Кришны, и я не был счастлив этим. Но другого пути не было. Это было необходимое зло. С христианами я мог говорить только при помощи Иисуса. Мне это было нелегко, но другого пути не было. Нужно выбирать наименьшее из зол. Позвольте мне объяснить вам.

Я не соглашаюсь с Иисусом по всем основным вопросам. На самом деле, есть много вопросов, которые я оставил без ответа, поскольку касаться их было бы разрушительно для тех христиан, которые приходили ко мне. Теперь они чисты.

Люди говорят, что я занимаюсь промыванием мозгов. Нет, я не промываю мозги людям. Я определенно прочищаю им мозги, – но я сторонник сухой чистки.

И вот теперь я могу говорить вам в точности то, что думаю; иначе это лежало бы на мне тяжким бременем.

Необходимо/было говорить о Махавире, поскольку без этого невозможно было бы заполучить в свои слушатели ни одного джайна. И с Махавирой я не соглашаюсь по всем основным вопросам. На самом деле, мое несогласие относится к большему числу пунктов, чем согласие. Поэтому я вынужден был совершать странную работу. Я должен был выбирать те пункты, с которыми мог согласиться; и совсем ничего не говорить о тех пунктах, по которым я был абсолютно против. Но и в тех пунктах, по которым было некоторое согласие, мне нужно было справляться с еще одной задачей: дать их словам новый смысл, дать их словам мой смысл. Это был не их смысл. Если придет Махавира, он будет в гневе; если придет Иисус, он будет в гневе. Если где-нибудь вся эта толпа из Иисуса, Махавиры, Будды, Лао-цзы, Чжуан-цзы встретит меня, они все сойдут от меня с ума, поскольку я заставил их говорить то, что им никогда и не снилось. Они не могли говорить этого. Иногда даже я вкладывал в их слова смысл, идущий против их основ. Но другого пути не было.

Весь мир разделен. Невозможно найти ни одного чистого человека. Он или христианин – тогда он несет грязь одного рода; или индус – тогда он несет

грязь другого рода. Теперь я могу говорить точно и прямо даже то, что может звучать горько.

Шила спросила, почему я называю свою религию первой и, возможно, последней религией.

Да, я называю ее первой религией, потому что религия – это наивысшее цветение сознания. До настоящего времени человек не был способен постичь ее.

Даже теперь едва лишь один процент человечества способен постичь ее. Массы все еще живут в прошлом, отягощены прошлым, обусловлены в поведении прошлым. Сейчас едва лишь один процент человечества в состоянии постичь религию.

Все старые религии основываются на страхе.

Настоящая религия разрушает страх. Она не основывается на страхе.

Во всех старых религиях концепция Бога связана со страхом, с утешением. Иначе нет обоснования, нет свидетельства, нет доказательства существования Бога.

Люди, верящие в Бога, – это на самом деле люди, неспособные доверять самим себе. Им нужен отец, большой Папа.

Они все еще в детстве. Их умственный возраст что-то около двенадцати лет, не более того. Им нужен кто-то, кто даст им смелость, кто направит их, кто защитит их. Они просто боятся остаться одни. Они боятся смерти, которая приближается с каждым днем. Им нужен кто-то, кто защитит их от смерти.

Это защита от вашего страха. Если страх исчезнет, окажется, что Бога нет.

Если вы будете способны доверять самим себе, быть собой, то Бога не будет. Вы будете смеяться над всей этой концепцией Бога.

Вот Иисус молится Богу, постоянно поднимая свои руки к небу, как если бы Бог пребывал там, на небесах. И он не только молится, он принимает и ответы – слышит голоса! Вот они, симптомы невроза. Сказать по правде, Иисус – это психический больной. Он хороший парень. Он добрый человек. Но то, как он ведет себя, доказывает многое. Он фанатик. Он носит в себе ум такого же рода, что и Адольф Гитлер. Он фашист. Он полагает, что будут спасены только те, кто следует за ним. Все остальные, кто не следует за ним, попадут в вечный ад. Только простак мог сказать такое. Кто он, чтобы спасать кого-нибудь? Но он утверждает, что он единственный рожденный сын Бога. И он искренне верит в это. Он не только говорит, он искренне верит в это.

До самого распятия он искренне верит в это. Только распятие приносит небольшое понимание этому душевно нездоровому человеку. Только на кресте он кричит: «Почему ты оставил меня?» Он определенно ожидал чуда. Он – единственный сын Божий, а Бог не приходит. А если он не приходит при распятии, то когда же?

Если даже Иисус не спасается, то где гарантия, что спасутся собирающиеся последовать за ним? И дураки все еще верят, что будут спасены, если последуют за Иисусом. Даже сам Иисус не спасается. И он знал это. Он долго ждал, что произойдет чудо, – но чуда не случилось.

Чудеса не случаются вовсе. Они и не случались никогда. Они – лишь исполнение желаний мечтающих и галлюцинирующих людей. Они нереальны. Если вы верите в них, то они могут показаться почти реальностью, быть может, даже больше, чем реальностью. Это ваша вера создает галлюцинацию. Без этого нет ничего – никаких чудес.

Но сам Иисус верил, что совершал чудеса; и он ждал чуда. Все это очень детские черты. Кроме того, он был немного шизофреником. Он все время говорил: «Блаженны смиренные, ибо их есть царство Божье». Но сам он не был смиренным человеком. Он был очень высокомерным.

Если вы отягощены христианской обусловленностью, вы можете не увидеть, что он очень высокомерен. Но если вы чисты, вы увидите это ясно. Он входит в храм, великий храм иудеев, и расталкивает менял и торговцев, переворачивает их лавки, бьет их... и он говорит о смирении, покорности. Он и его последователи голодны, им отказали в пище в деревне. Он очень

зол. Они подходят к фиговому дереву; еще не сезон для фиг, поэтому, естественно, на дереве фиг еще нет. И он от этого становится совершенно безумным и начинает проклинать дерево: «Ты тоже против нас; ты не даешь нам фиги».

Ну, вот вам человек, проклинающий фиговое дерево, когда не сезон, – как вы назовете такого человека? И так говорю не только я. Его собственный Учитель... Иисус был учеником Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель был заключен в темницу, и когда он услышал такое об Иисусе, даже он стал сомневаться, стоило принимать его в ученики или нет. Он послал весть Иисусу из своего заточения: «Думаешь ли ты на самом деле, что ты мессия, которого ждали евреи?» Он стал подозревать – слова и дела Иисуса противоречили друг другу. И то, как он ведет себя, не подобает религиозному человеку. Он поступает очень нерелигиозно.

Религиозный человек не может стоять на такой точке зрения, как эта: «Я особенный, единственный сын Божий».

Религиозный человек знает, что он так же обыкновенен, как любая обыкновенная вещь. Он всего лишь как листья травы, как звезды, как горы. Он никоим образом не особенный.

Идея особости, необыкновенности, превосходства – это не что иное, как игра эго, порождающая всяческое высокомерие.

То же самое было и с другими религиями. Я говорил о Махавире, но я не могу согласиться с поведением этого человека. Не могу я согласиться и с идеологией и наставлениями, которые он давал своим ученикам и которые абсолютно противостоят естественности.

Махавира жил обнаженным. Но ведь это не случайно, что человек изобрел одежду. Это абсолютно естественная потребность, поскольку другие животные покрыты волосами по всему телу и защищены от зимы и холода. У человека нет такой способности. Даже если он порос волосами, они у него не такие густые, как у животного, живущего в снегах. Он не выживет. Он умрет. Он должен защищать свое тело. Его кровь не холодная, как у холоднокровных рыб, живущих в арктических морях. Их кровь холодна, холодна, как лед, она имеет определенный химический состав, предохраняющий ее от замерзания. Снаружи для нас леденящий холод, для этих рыб холода не существует. Человек – это животное с горячей кровью. Он нуждается в защите. Поэтому обнажить его – абсолютный идиотизм. А Махавира предписывал, что нельзя пользоваться никакими инструментами, даже такими простыми, как лезвие бритвы, не представляющими собой ни большой машины, ни большой технологии. Если вы хотите укоротить свои волосы, вам следует выдергивать их. Поэтому монахи-джайны круглый год выдергивают свои волосы. Это так глупо, так омерзительно, так неестественно... и для чего?

Все обоснование этому в том, что если вы делаете так, то вы утверждаете свою добродетель и будете на небесах. С одной стороны, он говорит: «Не будьте алчными, алчность – это грех». А с другой стороны, он не учит ничему, кроме алчности, алчности к иному миру. Это представляется намного большей алчностью, чем алчность к этому миру: иметь деньги и хороший дом – это ничто по сравнению с вечными наслаждениями на небесах. А у джайнов семь небес, и, поэтому, чем больше вы истязаете себя, тем выше вы поднимаетесь. Представляется, что в Махавире есть определенный элемент мазохизма. Но я не мог говорить этого джайнам.

Так что я нес в себе, в своем сердце, тяжелый груз. Мое здоровье было разрушено по многим причинам; самая главная из них – в том, что я говорил о людях, с которыми совсем не был согласен. Я не согласен – и не только не согласен, но нахожу их психопатическими, невротическими, шизофреническими, антижизненными.

Все эти религии прошлого – антижизненны. Ни одна – ради жизни, ни одна – ради живущих, ни одна – ради смеха. Ни одна религия не воспринимает чувство юмора как свойство религиозности.

Поэтому я говорю, что моя религия – это первая религия, которая берет человека во всей его целостности, во всей его естественности – воспринимает человека целиком, как он есть. Вот что для меня означает святость: не нечто священное, но нечто, принятое во всей его целостности.

Возможно, всё вокруг вверх дном, и вам нужно поставить все на свое место; совсем как в составной картинке-загадке, вам нужно все поставить на свое место. И затем из этой целостности возникает религиозное сознание.

Больше, чем о ком-либо еще, я говорил о Будде. Но он такой же антижизненный, как и все другие: «Эта жизнь должна быть использована только для достижения настоящей жизни, которая придет после смерти».

Но никто не возвращался после смерти. Нет ни единого доказательства возвращения кого-нибудь после смерти, нет ни одного рассказа о том, что там есть жизнь.

А все эти религии основываются на том предположении, что жизнь после смерти есть: жертвуйте этой жизнью ради той. А я говорю: «Жертвуйте той ради этой!» – поскольку это все, что у вас есть: здесь и сейчас.

А если и есть какая-нибудь жизнь после смерти, то вы будете там, и тогда это тоже будет «здесь и сейчас». И если вы знаете, как жить здесь и сейчас, вы сможете жить и там. Поэтому я учу вас жить здесь и сейчас.

Это первая религия, которая ничего не отвергает из вашей жизни. Она принимает вас целиком, как вы есть, и находит пути и методы сделать целое более гармоничным. У вас есть все необходимые составляющие.

Все, что необходимо, – внутри вас, может быть, правда, не на нужном месте. Нужно все расставить по своим местам. И когда все поставлено на свои места, это я называю добродетелью. Тогда в вас возникает человек характера, человек, которого я могу назвать моральным, религиозный человек.

Все старые религии основаны на определенных системах верований. Об этих верованиях нет смысла спрашивать, поскольку все они – фантазии, красивые вымыслы, – но все равно вымыслы.

Вы не можете спросить: «Откуда вы знаете, что Бог создал мир?» Не было ни единого свидетеля, не могло быть по самой природе, поскольку если там уже был свидетель, то это было не начало мира. Нужно будет вернуться назад до этого свидетеля. Мир уже был; свидетель был там. Этого свидетеля достаточно для доказательства того, что мир уже существовал. Так что не может быть никакого свидетеля, видевшего Бога, создающего мир.

Но все религии принимают это, и вам запрещено спрашивать, поскольку сомневаться – значит быть в «черном списке».

И тогда семь кругов ада ожидают вас, со всеми мучениями, которые мог бы только представить какой-нибудь Адольф Гитлер, или Иосиф Сталин, или Мао Цзе-дун, Эти религиозные люди представили себе задолго до этого... все виды мучений.

И не на несколько дней – христианство бросает вас в ад навечно. Такое абсурдное предположение!

Христианство признает только одну жизнь. За одну жизнь сколько грехов вы можете совершить?

Если вы постоянно день и ночь совершаете грехи в течение семидесяти лет, с первого до последнего дня, как постоянный грешник, то и тогда вечное наказание не может быть оправдано. Вечное наказание... навсегда? Этому не будет конца! И я не думаю, что вы совершаете грехи постоянно, каждый момент. Человек может совершить несколько грехов... может отправиться в тюрьму года на четыре, на пять лет; это может быть оправдано. Но вечный ад?

Итак, они эксплуатируют ваш страх, страх ада, и алчут наслаждений на небесах. Вот весь их шаблон воздействия на человеческий ум.

Я хочу сказать вам, что они – лишь так называемые религии. Они не религии совсем.

Это первая религия. Я не обещаю вам никаких небес, я не пугаю вас никаким адом; ничего этого нет. Я не говорю: «Вы должны следовать за мной, только тогда вы спасетесь». Так говорить – абсолютный эгоизм. Иисус говорит: * Приходи, следуй за Мною». Даже моя книга об Иисусе озаглавлена «Приходи, следуй за Мною». Это не мои слова. Это слова Иисуса. Если вы спросите меня, я скажу: «Никогда! Не следуйте за мной, поскольку я

потерял себя. Если только вы не выбрали для себя путь потеряться навсегда, как я... тогда все в порядке».

По мне, всякий, кто провозглашает превосходство любого рода и то, что вы должны следовать за ним, находится на позициях фашиста.

Мои санньясины – это не мои последователи, но мои попутчики, мои друзья, мои возлюбленные.

Они что-то увидели во мне, как вы что-то видите в зеркале. Вы не последователь своего зеркала, – но в зеркале вы можете увидеть свое лицо. Учитель – это зеркало. Вы не обязаны следовать за Ним. Вы должны увидеть ваше лицо в Его зеркале – вот и все. И помните одну вещь: зеркало вообще ничего не делает. Когда вы смотрите в зеркало, это вы что-то делаете; вы смотрите в зеркало. Зеркало не обеспокоено тем, смотрите ли вы в него или нет. И зеркало не делает ровным счетом ничего, когда вы смотрите в него; оно просто отражает вас. Это его природа, вот почему мы называем его зеркалом. Оно просто отражает. Это не деяние, это бытие.

Учитель вообще ничего не делает. Это Его бытие, Его присутствие становится источником отражения. Постепенно, мало-помалу, вы начинаете видеть себя в новом свете, на новом пути, в новом аспекте, в новом измерении.

Старые религии основаны на системах верований. Моя религия абсолютно научна. Это не вера, это не вероисповедание – это чистая наука.

Слово «наука» означает «познание». Конечно, эта наука отличается от той, которой учат в университетах. Та наука объективная, эта – субъективная.

Иногда слова потрясающе значимы. Задумывались ли вы когда-нибудь над словом «объект»? Оно просто означает то, что препятствует вам, возражает вам, стоит на вашем пути, мешает вам (англ. object – «объект» и «возражать, протестовать»). Наука пытается наблюдать объекты, окружающие вас. Они не должны мешать вам. Они не должны вставать на вашем пути. Напротив, они должны стать вашим путем; они должны стать камешками для перехода через ручей, они должны использоваться. Они не должны оставаться врагами, окружающими вас. Так что все усилия науки заключаются в преобразовании объектов, препятствий, в друзей, чтобы они больше не препятствовали вам, но позволяли вам двигаться, приветствовали вас.

И когда я говорю, что религия, моя религия, – это наука, то это означает, что религия наблюдает субъективность так же, как наука наблюдает объекты.

Субъективность – это противоположность объективности, диаметрально противоположность. Объект встает перед вами преградой, субъективность – это бездонная глубина. Вам ничто не препятствует.

Если вы пошли, вы начинаете падать в непостижимую бездну; вы никогда не достигнете конца. Но вы и не хотите идти до конца. Само это бесконечное падение является таким огромным экстазом, что невозможно думать об его окончании;

оно не имеет конца.

Объекты начинаются и кончаются; субъективность начинается, но никогда не кончается –

В качестве своего метода наука использует наблюдение;

религия также использует наблюдение в качестве метода, но называет это медитацией. Это наблюдение, чистое наблюдение вашей собственной субъективности.

Наука называет свою работу «эксперимент (ехрепшеп!)», религия называет свою работу «переживание (ехрепепсе)».

Обе они начинают с одной точки, но движутся в различных направлениях – Наука движется наружу; религия движется внутрь.

Поэтому я не дал вам никаких верований; я дал вам только методы.

Я лишь объяснил вам мое переживание, я рассказал вам способ, как я испытал это. И, однажды пережив это, я испробовал все способы, достигали они цели или нет. И я нашел сто двенадцать способов, с помощью которых можно достичь той же точки. И когда вы достигнете ее одним методом,

остальные сто одиннадцать будут очень простыми, поскольку вы знаете точку, вы уже достигли ее. Теперь вы можете попасть в нее откуда угодно.

Итак, я учил ста двенадцати методам медитации, – но не системе верований. Поэтому я называю это наукой.

И я сказал, что это, возможно, также и последняя религия по той простой причине, что я не дал вам ничего, против чего можно было бы возражать.

Я могу возражать Иисусу. Я могу возражать Махавире. Я могу спорить с Лао-цзы. Я могу спорить с Буддой. Со мной никто не может спорить, потому что я, прежде всего, не дал никакой догмы, с которой можно было бы спорить. Я дал только методы.

Методы можно испытывать или не испытывать, но с методом нельзя спорить. Если вы испытаете его, я знаю, вы преуспеете. По моему собственному переживанию я знаю, что вы преуспеете – в этом нет вопроса. Если же вы не испытаете его, то у вас не будет права ничего говорить по его поводу.

И поскольку я вложил в свою религию все личные свойства человека, то ничего не осталось. Все религии что-то оставляли вне себя. Так что какая-нибудь другая религия имела возможность что-то взять себе. Буддизм не разрешает алкоголя; христианство допускает его.

Я не предложил вам ничего, что не основывалось бы на здравом смысле, логике, эксперименте, переживании.

Поэтому человек может быть против меня только в том случае, если он меня не знает. Если он знает меня, то он не может быть против меня. Я не даю ни одного пункта, по которому можно было бы быть против меня.

И я могу говорить, что это последняя религия, потому что я не провозглашаю непогрешимости, как это делают глупые папы из Ватикана.

Только идиот может говорить, что он непогрешим. А эти папы провозглашали свою непогрешимость две тысячи лет.

И вот странная и красивая история о том, как один папа вынужден был поправлять другого папу, тоже непогрешимого! Один непогрешимый папа сжег заживо Жанну Д'Арк за то, что она была мятежной, была еретичкой, за то, что она не подчинялась приказам папы. Спустя триста лет, когда люди стали более и более понимать Жанну Д'Арк, ее жизнь, ее историю... папа, безжалостно убивший ее, становился все более и более виноватым в глазах людей. Спустя три сотни лет другой папа оказался перед необходимостью объявить Жанну Д'Арк святой. Теперь она святая – Жанна Д'Арк! Ее кости извлечены из могилы и стали предметом поклонения. Когда-нибудь другой папа найдет, что это неправильно, что она была ведьмой, – они снова вытащат ее кости из могилы и проклянут их, оплкнут их, затопчут их в грязь и будут делать все, что захотят. Что же это за глупость? Эти непогрешимые люди! И странно, что даже в этом веке...

Вот почему я говорю, что едва один процент людей подошел к той точке, когда они могут ощутить подлинную религию. Девяносто девять процентов все еще находятся под непогрешимыми папами. Они могут быть индусами, тогда непогрешимым является шанкарачарья.

Вы, может быть, будете удивлены. Я знавал одного шанкарачарью – я знавал многих, но одним из них я интересовался очень сильно, поскольку он был из тех же мест, что и я, и я знал его, а он знал меня с детства. И я интересовался этим человеком потому, что на публике он ничего не принимал от меня, но в частной жизни он был абсолютно согласен со мной. И он говорил: «Вы можете называть меня лицемером – я такой. Но я придерживаюсь такой позиции, чтобы публично не говорить, что вы правы. Вы правы; если дело касается меня, то я следую за вами, я испытываю ваши методы, я читаю ваши книги». Это был непогрешимый шанкарачарья. На публике он не имел мужества признаться, что то, что он делает, неправильно. И то, что он делает в частной жизни, совершенно противоположно и отлично от того, что он делает публично.

Этот человек умер. Он написал два завещания. Может быть, одно из них он писал раньше – на кого-то, кто, как он думал, имел очень большие способности быть шанкарачарьей... и забыл об этом завещании. А когда он

умирал, он написал другое завещание на другого человека. Теперь эти двое судятся друг с другом о том, кто из них настоящий шанкарачарья. Эти непогрешимые люди! Сейчас суд закрыл храм, и он не будет открыт, пока суд не решит, кто же настоящий шанкарачарья. А это очень трудно решить, поскольку оба завещания написаны одним человеком, подписаны одним человеком. Так что почти двадцать лет это дело остается в подвешенном состоянии. Сменилось множество судей, но ни один из них не смог завершить это дело. Как решить это дело? Они просто ждут, когда один из двоих умрет, и тогда дело решится. Иначе, на законном основании, решение невозможно. Оба имеют равные права.

Эти непогрешимые шанкарачарьи, непогрешимые папы, имамы, калифы... что это не так, очень легко доказать тысячью и одним способом.

Я не являюсь непогрешимым. Поэтому то, что я даю вам, — это открытая религия. Они же дали вам закрытую систему.

Закрытая система всегда боится любой новой истины, поскольку новая истина колеблет всю систему. Ее нужно будет организовывать заново.

Вы знаете эту историю... Когда Галилей обнаружил, что это не Солнце обращается вокруг Земли, а Земля обращается вокруг Солнца, непогрешимый папа немедленно вызвал его в суд и сказал: «Вам нужно отказаться от этого, поскольку Библия говорит, что Солнце обращается вокруг Земли. А Библия не может отклоняться от истины, поскольку она написана Богом». А если одно утверждение неправильно, то и все остальные утверждения становятся сомнительными.

Галилей был очень интеллигентным человеком; я люблю его. Очень немногие люди хвалили этого человека — даже такой человек, как Бертран Рассел, обвинял его как труса. Я не думаю, что Рассел понял позицию Галилея, ведь Галилей пришел на суд и преклонил колени перед папой — он был очень стар, ему было семьдесят пять лет, он умирал; со своего смертного ложа он был принужден явиться на суд — и он спросил: «Что вы хотите от меня?»

Папа сказал: «Вы просто скажете в своей книге, что Солнце обращается вокруг Земли, а прежнее утверждение устраните».

Он сказал: «Очень хорошо. Я напишу в своей книге, что Солнце обращается вокруг Земли. Но, дорогой сэр, вы должны запомнить одно: ни Солнце, ни Земля не слушаются меня. Земля все равно продолжает обращаться вокруг Солнца. Я с этим ничего не могу поделать. Я внесу изменение в свою книгу. Книга моя, и я имею все права изменять ее, но вселенная... с ней я ничего не могу поделать». Я думаю, он был человеком огромного юмора и совсем не трус. И он сделал все правильно — зачем без надобности спорить с этими идиотами? Он сказал:

«Хорошо. Но помните, не следует думать, что это изменит факт. Факт останется фактом».

Таким образом. Библия — это закрытая система. То, что я дал вам, — это не закрытая система. Это открытый эксперимент.

Любая истина, которая может возникнуть позже, будет поглощена этой системой без всякого конфликта, потому что, как я снова и снова говорю вам, в жизни нет противоречий; все противоречия дополняют друг друга.

Даже противоречащее любому из моих утверждений может быть поглощено этой религией без страха, поскольку моя позиция такова: всякое противоречие дополняет что-то другое.

Точно так же, как дополняют друг друга ночь и день, жизнь и смерть, дополняют друг друга и все противоречия, поэтому даже очень противоречивая истина, которая когда-либо придет в будущем, может быть поглощена и станет частью моей системы.

Поэтому я говорю, что это первая и последняя религия. Не будет необходимости ни в какой другой религии.

Беседа 2

НЕ СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ, ПОТОМУ ЧТО Я ПОТЕРЯЛ СЕБЯ

31 октября 1984 года

Бхагаван,

Иисус говорит: «Приходи, следуй за Мною». Вы против этого заявления. Что бы Вы хотели сказать об этом?

Иисус говорит: «Приходи, следуй за Мною». Это говорит не только Иисус, это говорит и Кришна, это говорит и Будда. Все старые религии мира основываются на этом заявлении. Но это заявление – психологическая эксплуатация человека.

Я не могу сказать: «Приходи и следуй за мной».

Прежде всего те, кто сказал это, искалечили человечество, сделали человечество беспомощным.

Они, конечно, удовлетворили определенную человеческую потребность. Люди не хотят быть самими собой. У них не хватает мужества прокладывать свой собственный путь, идти и прокладывать. Они хотят, чтобы их вели.

Но они не знают, что если человека вести, то медленно, медленно, даже если у него и есть глаза, он будет терять их. Он будет смотреть глазами Иисуса, Кришны, Мухаммеда. Свои глаза будут не нужны ему; на самом деле, глаза будут лишь причинять ему беспокойство.

Ведущий хочет, чтобы вы отдали ему свои глаза и смотрели его глазами; отдали ему свои ноги и шли его ногами; не верили в себя, но верили в него.

С моей точки зрения, это преступление; это калечит, парализует, разрушает вас. И это можно наблюдать по всему миру.

Все человечество разрушается такими заявлениями и такими людьми.

Я говорю вам: «Придите, и я поделюсь с вами», – но я не говорю: «Следуйте за мной». Кто я такой, чтобы вы следовали за мной?

И вам нужно также понимать, что каждый индивидуум настолько уникален, что если вы начнете следовать за кем-нибудь, то вы автоматически будете имитировать. Вы потеряете свою индивидуальность. Вы начнете превращаться в обманщика, лицемера. Вы не будете собой, вы будете кем-то другим. Вы начнете расщепляться.

Вы будете носить маску: христианин, индус, мусульманин, буддист – это будет всего лишь маской, которую создали вы и человек, которому вы следуете. Это не ваше подлинное лицо. Вы идете против себя, и вы будете страдать – и все человечество страдает.

Звучит довольно странно, что подобные утверждения преступны, потому что исходят они от прекрасных людей, таких, как Иисус, Будда, Конфуций... Вы можете понять и мое затруднение. Но я должен говорить обо всем так, как оно есть.

Каждый ребенок старается подражать своим родителям, своим соседям, своим друзьям, своим школьным учителям... а все они, в свою очередь, стараются усилить это подражание.

Я помню свое собственное детство. Это, конечно, очень случайно, что я родился в семье джайнов. Это очень редкая религия в Индии, это, возможно, самая древняя религия в мире. Но мой отец был, конечно, существом человеческим. Он, бывало, брал меня в храм, но при этом говорил, что я не обязан подражать ему. Он унаследовал идеи своих предков, но не нашел в них ничего. Он сказал мне: «Я не могу заставлять тебя следовать моими путями. Я могу лишь познакомить тебя с той дорогой, по которой шел я, с теми богами, которым я поклонялся, с теми молитвами, которые я совершал. Но ничего не случилось со мной. Я не буду настаивать, чтобы ты шел тем же путем. Напротив, я буду настаивать, чтобы ты не делал этого, если, конечно, ты не почувствуешь своего желания к тому».

Я никогда ни за кем не следовал, и это дало мне очень многое.

Великое благословение пришло ко мне в понимании, что для человеческого существа это возможно – не следовать.

Я старался оставаться просто самим собой.

Вам потребуется смелость. Вам потребуется разумность. Вам потребуется поиск истины. Только тогда вы сможете рисковать. Иначе все эти люди вокруг вас, все они – торговцы...

Иисус просто торговец, когда говорит: «Приходи, следуй за мной, поскольку те, кто следует за мной, найдут Бога, найдут небеса и все

удовольствия там. А те, кто не следует за мной, навечно попадут во мрак ада».

Этот человек не собирается никому помогать. Он эксплуатирует вашу потребность в наставлении, вашу потребность в поиске пути; главным образом, вашу потребность иметь какой-то смысл в своей жизни. И он обещает это: «Я готов дать его вам. Все, что вам нужно делать, — это верить в меня, без вопросов, без сомнений. Все, что требуется от вас, — это абсолютная вера».

Просить веры — это калечить разумность человека, делать его посредственностью, осуждать его на вечное пребывание идиотом.

Христианин не может спросить: «Что есть Бог? К чему вся эта чепуха вокруг Святого Духа?» И он совсем не представляется святым. Он насильник; он изнасиловал девственницу Марию. А эта троица: Бог, сын и Дух Святой — в нее не допущена ни одна женщина. Без матери рождается сын... В этой троице нет места для женщины.

Никто не спросил: «А где доказательства того, что вы — единственный порожденный сын?» Но и не предполагается, чтобы вы спрашивали. Предполагается, что вы будете верить.

Это торговая сделка. Он даст вам после смерти все удовольствия жизни; будут исполнены все мыслимые фантазии. И вы удивитесь, какого рода фантазии предлагали исполнить эти религиозные люди-

Мухаммед говорит о своем рае — и запомните, слово «рай» (англ. рагаЛве) происходит от арабского «фирдоус», рай, в основном, это мусульманское понятие, — Мухаммед говорит, что в его раю реки вина- «Пейте, сколько хотите, тоните в вине, плавайте в нем». И там полно прекрасных женщин, которые всегда остаются молодыми, шестнадцатилетними. Им все время шестнадцать лет. Когда бы вы ни пришли, им шестнадцать; они не взрослеют. И не только это — поскольку в мусульманских странах гомосексуализм был давней традицией, Мухаммед обещает также молодых, прекрасных мальчиков для великих святых.

Это торговая сделка. Оставайтесь искалеченными, неразумными, посредственными, глупыми, — а после смерти получите все.

И никто не знает, что случится после смерти. Никто не возвращался и не рассказывал, что случается после смерти.

Вот так они делают свой баснословный бизнес. Они продают такой товар, который невидим, неосязаем! А взамен они берут всю вашу человечность, всю вашу целостность. Они полностью разрушают вас.

Я говорю: «Приходите, и я поделюсь с вами». Это совершенно иная точка зрения.

Я познал что-то. Я видел что-то. Я пережил что-то. И я могу поделиться с вами этим.

И помните, я не накладываю на вас обязательств, когда делюсь с вами этим; я обязан вам. Ведь когда туча полна дождя, это она оказывается обязанной земле за то, что та принимает ее воду. Я говорю вам: я полон некоего восхищения, некоего блаженства. И здесь нет вопроса торговли о том, что

будет после смерти.

Я не обещаю вам ничего в будущем. И я не прошу у вас ничего взамен, мне не нужно даже «спасибо», поскольку это я благодарен вам, что вы разделили что-то со мной.

Моя религия — это религия тех, с кем можно поделиться, а не тех, кто будет следовать за мной. Это — религия любви.

Сама идея следования делает меня больным. Это болезнь. Вам нужно быть самим собой, и когда вы расцветете, вы не будете таким, как я, или Иисус, или Будда.

Вы будете точно таким, каким вы и являетесь: такого, как вы, никогда не было раньше, такого, как вы, никогда не будет снова. Для вас это единственная возможность. Вы неповторимы.

Если вы начинаете следовать кому-либо, вы упускаете великую возможность, которую существование предусмотрело для вас, вы никогда не будете счастливы. Ни один христианин не счастлив, ни один

индус не счастлив, ни один буддист не счастлив, они не могут быть счастливыми. Как можно быть счастливым?.

Только представьте себе: если цветок розы пытается стать лотосом, лотос пытается стать розой, оба будут потрясюще страдать, поскольку ни роза не может стать лотосом, ни лотос – розой. Самое большее, они могут притворяться. А притворство – это не исполнение, не удовлетворение.

Цветок розы может быть только цветком розы. И это несчастье, когда цветок розы начинает пытаться стать лотосом, его энергия уходит на это усилие стать лотосом. Он никогда не сможет стать лотосом, для этого у него нет потенциала. Он – не лотос, и ему нет нужды становиться лотосом. Если существование хотело бы, чтобы был лотос, был бы лотос. Существованию нужна роза. Пытаясь быть лотосом, роза потеряет свою энергию в бесполезном, безнадежном усилии и, возможно, никогда не сможет быть даже розой.

Откуда она возьмет энергию быть розой, жизненные силы быть розой?

Это одно из важнейших психологических явлений, которое нужно понять: каждая индивидуальность уникальна. Такой индивидуальности никогда не было раньше, такой индивидуальности никогда не будет снова.

Если вы следуете за кем-то, вы предаете существование, поскольку вы предаете свое собственное сокровенное бытие. Вы предаете ваше цветение.

И почему люди так легко становятся последователями? Почему весь мир следует то за тем, то за другим? И если иногда кто-то насыщается христианством, то становится индуистом;

если индуист пресыщается индуизмом, то становится буддистом... но следование за кем-то продолжается.

Шаблон поведения в целом остается тем же. Меняется священное писание, меняется ведущий, но следование, последователь... и весь процесс в целом остается тем же, все тот же разрушительный, самоубийственный процесс.

Я против следования, потому что оно против основного психологического принципа уникальности индивидуума.

Вам следует уделить немного больше внимания слову «индивидуум». Оно означает «неразделимый», то есть тот, которого нельзя разделить. В тот момент, когда вы следуете, вы разделяетесь. Вы есть нечто, и вы пытаетесь стать чем-то еще; вы есть где-то, и вы пытаетесь достичь чего-то еще. Так вы создаете напряжение в своем существе. Отсюда страдания во всем мире.

Моя религия – это не религия следования. Я могу только делиться с вами всем, что случилось со мной. Я не говорю, что то же случится и с вами.

Я просто говорю, что если могу видеть я, то и вы можете видеть. Если могу чувствовать я, то и вы можете чувствовать.

Конечно, вы будете чувствовать по-своему. Рождающаяся поэзия будет вашей поэзией, не моей.

Так что люди, которых вы видите здесь вокруг меня, – это не мои последователи. Я никого не веду.

Эти глупые слова «ведущий», «лидер» очень хороши в политике, но не в религии. В политике, конечно, нужны идиоты. Большой идиот ведет малых идиотов. Но в религии нужна не идиотия, нужно цветение разума. Поэтому вся моя работа заключается, в основном, в том, чтобы поделиться с вами. Она просто... Я хотел бы рассказать вам старую прекрасную притчу.

Львица рождает малыша в стаде овец. Малыш растет среди овец и, естественно, полагает, что он овца. Что еще может делать львенок? Однажды старый лев проходит мимо стада овец и видит – что за чудо: среди стада овец разгуливает прекрасный львенок. И ни овцы не боятся его, ни он своим поведением никак не отличается от них.

Старому льву становится интересно. Он гонится за львенком. С большим трудом он хватает его, поскольку, как и все остальные овцы, львенок спасается бегством. Но наконец лев хватает его. И львенок начинает кричать и плакать, как овца. Старый лев говорит: «Прекрати всю эту чушь!» Он ведет его к ближайшему водоему, тащит его к водоему, заставляет его посмотреть в воду... и неожиданно львенок рычит, как настоящий лев.

Старый лев ничего не делал. Он просто показал львенку его лицо, его настоящее лицо, и тот осознал, что он лев – что он не овца. Как раз этого осознания и достаточно. Это преобразование. Старый лев совсем ничего не делал. Он не говорил львенку: «Следуй за мной», – или: «Подражай мне», – или: «Эти заповеди – для тебя», – или: «Вот характер, которого ты должен достичь», – или: «Вот принципы», – или:

«Вот вещи, которые ты не должен делать». Он не делал ничего такого.

В этом функция Учителя: просто подвести вас настолько близко к его собственному переживанию, чтобы оно совершило в вас открытие.

Неожиданный рев льва... и преобразование – и вы становитесь собой: ни индуистом, ни мусульманином, ни христианином.

Но мир хочет стада, толпы. Он боится индивидуальностей, поскольку каждый подлинный индивидуум обязан быть мятежным, поскольку он будет настаивать на том, чтобы быть самим собой.

Адольфу Гитлеру не нравились индивидуальности, и Иисусу не нравятся индивидуальности.

И странная вещь – даже Иисус не может понять, что он не нравится евреям. Он родился евреем, он жил, как еврей, он умер, как еврей. Запомните, он в своей жизни никогда не слышал слова «христианин». Он не был христианином, поскольку слова «Христос» нет в арамейском языке, на котором он говорил и который был языком его матери. Не было этого слова и на древне-еврейском, который был языком образованных раввинов.

Триста лет спустя после Иисуса, когда Библию переводили на греческий, древне-еврейское слово «мессия» перевели как «Христос». Спустя триста лет слово «Христос» обрело значение, и в честь Христа его последователи, конечно, стали называться христианами.

Но Иисус не был христианином. Его единственное преступление состояло в том, что он был собой, индивидуальностью, пытающейся жить подлинно своей собственной жизнью, не беспокоящейся особенно о традициях. Вот почему евреи и были на него в таком гневе. Они бы полюбили его, они сделали бы его великим раввином; но он шел своим собственным индивидуальным путем, путем нетрадиционным.

Он должен был умереть на кресте просто потому, что настаивал на том, чтобы быть индивидуальностью.

Я удивляюсь, что такой человек, пострадавший от своей индивидуальности, снова совершает ту же ошибку с другими людьми: просит их следовать за ним. Раввины просили Иисуса об этом: «Следуй за нами. Не пытайся быть сам по себе». Они говорили: «Следуй за Авраамом, следуй за Моисеем, следуй за Иезекиилем». Они спрашивали Иисуса: «Кто дал тебе эту власть?» И Иисус говорит: «Я сам себе власть».

Вот так должна говорить индивидуальность: «Я сам себе власть. И я был раньше Авраама». Авраам был затри тысячи лет до Иисуса, а он говорит: «Я раньше Авраама». Он просто утверждает, что не принадлежит традиции, что он цветет в согласии с самим собой.

Но даже сам Иисус не замечает, что совершает ту же ошибку, что и раввины. И, конечно, папы повторяли эту ошибку.

Если не замечает Иисус, то как можно надеяться, что заметят папы? Они просто слепые последователи.

И они пытаются обратить весь мир в христианство; они не удовлетворены тем, что христиан уже и так много. И что же получилось из этого? Что человек выиграл от этого?

Христиане пролили крови больше, чем кто-либо еще, христиане развязали войн больше, чем кто-либо еще. Христиане избивали людей, безжалостно убивали, сжигали заживо.

И все они следуют за Иисусом!

На самом деле они следуют за теми евреями, которые распяли Иисуса. Они распинали других людей; они распинали каждого, кто проявлял свою индивидуальность.

Мой путь – это не путь следования за кем-либо. Быть последователем – просто болезнь. Быть ведущим – просто болезнь.

Ведущий не уверен в своей подлинной индивидуальности. Ему нужны последователи, поскольку, если они у него есть, он становится более уверенным в своей правоте. Если за ним следует так много людей, то как он может быть неправ? В одиночестве он начинает сомневаться – Когда он один, возникают сомнения. Кто знает, прав он или нет? Ему нужны последователи. Его потребность заключается в том, чтобы у него были последователи. Чем больше вокруг него последователей, тем больше он удовлетворен и доволен. Он знает, что он прав. Иначе, как это столько людей могут следовать за ним? Такая вот логика.

А почему эти последователи идут за ним? Они видят его согласованные друг с другом, властные утверждения, его определенное усилие, отсутствие колебаний. Когда Иисус властно говорит: «Я единственный порожденный сын Божий», – то, естественно, бедные люди... Кто были люди, следовавшие за ним? Думали ли вы когда-нибудь об этом? Двенадцать апостолов – кто были эти люди? Все необразованные: рыбаки, крестьяне, дровосеки, плотники... Только Иуда был немного образован; так он и предал его. Все другие были абсолютно необразованными людьми, бедными людьми, искавшими того, кто мог бы держать их за руку и дать им определенные силы, которых не доставало у них.

Ведущий и последователь чувствуют свой общий тайный сговор. Может быть, бессознательно. Ведущий не осознает, что ему нужны последователи, чтобы чувствовать себя удобно со своей собственной идеей, со своей собственной фантазией. А последователь не осознает, почему он следует за этим человеком. Он следует, потому что ведущий выглядит таким властным, авторитетным, а сам он, последователь, чувствует себя таким колеблющимся, таким сомневающимся, таким неверящим. Он думает, что лучше быть с известным ему человеком. Оба поддерживают друг друга.

Мне не нужны последователи, потому что все, что я знаю, я знаю; я являюсь тем, кем я являюсь.

Даже если весь мир будет против меня, это совершенно меня не беспокоит, не поднимет во мне ни единого вопроса. Для меня весь мир исчез.

Я абсолютно в покое сам с собой и с существованием.

Мне не нужны никакие последователи, и я настаиваю на том, чтобы, зная то или не зная, вы не попадали в эту ловушку – быть последователем, потому что тогда вы не сможете быть подлинно собой, своим индивидуальным цветением.

Коммунизм породил в мире идею о том, что все люди равны, а это абсолютно абсурдно.

Каждый человек так уникален, что не может быть равным никому другому.

Это не означает, что он выше или ниже. Это просто означает уникальность каждого. И нет вопроса о сравнении, сравнения нет.

Роза совершенно прекрасна как роза; лотос совершенно прекрасен как лотос. Трава совершенно прекрасна как трава.

Если удалить с земли человека, то трава, роза, лотос не изменят своей ценности. Они все будут одинаково уникальными. Ветры не будут шевелить их по-другому, солнце не будет по-другому светить им, облака не будут по-другому поливать их дождем.

Это человек со своей глупостью привносит во все идею сравнения, высокого, низкого, а потом и проблему – нет, все равны. Ни один человек не выше другого, ни один человек не ниже другого, ни один человек не равен другому.

Запомните мое третье положение чрезвычайной важности: каждый уникален. И я уважаю эту уникальность...

Как я могу сказать вам: «Придите и следуйте за мной?» Из уважения я могу сказать только: «Придите и разделяйте со мной нечто. Разделяйте мое изобилие».

И красота в том, что чем больше вы разделяете свое внутреннее богатство, тем больше его у вас. Чем больше вы даете, тем больше вы имеете его. Если вы накапливаете, вы теряете его.

Так что никто, достигший внутреннего блаженства, не накапливает его. Накопление убивает. Нужно разделять свое блаженство, абсолютно необходимо разделять его. Только когда его разделяют, оно остается живым и текучим. И все больше его прибывает к вам. Это просто поразительно.

Обыкновенная экономика здесь не работает. Если у вас есть деньги и вы раздаете их людям, конечно, их у вас будет меньше. Это обыкновенная экономика.

Но если у вас есть безмолвие, покой, любовь, радость, восторг – раздайте их и посмотрите, что случится. Чем больше вы раздаете это, тем больше существование изливает это в вас.

Итак, вы ничем не обязаны мне, это я обязан вам.

Бхагаван, Верите ли вы в Бога?

Я не верю в верование. Прежде всего нужно понять это...

Никто не спрашивает меня: «Верите ли вы в Солнце? Верите ли вы в Луну?» Никто не задает мне такого вопроса. Я встречался с миллионом людей и в течение тридцати лет отвечал на тысячи вопросов.

Никто не спрашивает меня: «Верите ли вы в цветок розы?» В этом нет необходимости. Вы видите; цветок розы или есть, или его нет.

Только фантазии, вымыслы, не факты, нуждаются в веровании.

Бог – это величайшая фантазия, созданная человеком. Следовательно, вы должны верить в Него.

А почему человек вынужден был создать этот вымысел – Бога? Для этого должна быть внутренняя потребность... У меня нет этой потребности, поэтому нет и вопроса. Но позвольте мне объяснить вам, почему люди верят в Бога.

То существенное, что необходимо понять о человеческом уме, заключается в том, что ум человека всегда в поиске какого-нибудь смысла жизни.

Если смысла нет, то внезапно вы задумываетесь: что же вы делаете здесь? Зачем вы живете? Зачем вы дышите? Зачем завтра утром вы снова должны вставать и погружаться в ту же самую рутину? Чай, завтрак, та же жена, те же дети, тот же неискренний поцелуй жене, то же учреждение и та же работа;

и наступает вечер, и скука, предельная скука, вы возвращаетесь домой... Зачем постоянно делать все это?

Ум задает вопрос: есть ли смысл во всем этом или вы просто живете, как растение?

Итак, человек все время искал смысл всех явлений. Он создал Бога как вымысел для удовлетворения своей потребности в смысле.

Без Бога мир становится случайным. Он больше не создание мудрого Бога, который создал его для вашего роста, для вашего развития или для чего-нибудь еще. Без Бога... удалите Бога, и мир становится случайным, бессмысленным. А ум внутренне не способен жить без смысла. Поэтому он создает все виды вымыслов: Бог, нирвана, небеса, рай, другая жизнь после смерти – и создает целую систему. Но это – вымысел для удовлетворения определенной психологической потребности.

Я не могу сказать: «Бог есть». Я не могу сказать: «Бога нет». Для меня этот вопрос не относится к делу. Это вымышленное явление. Моя работа совершенно иная.

Моя работа заключается в том, чтобы сделать ваш ум настолько зрелым, чтобы вы могли жить без смысла жизни, и при этом жить прекрасно.

В чем смысл розы или облака, проплывающего в небесах? Смысла нет, но какая потрясающая красота! Смысла нет. Река все время течет, и она дает так много радости, что смысла не нужно.

И если бы человек мог жить, не спрашивая о смысле, жить от мгновения к мгновению, прекрасно, блаженно, без всякого объяснения... Достаточно просто дышать. Зачем вы спрашиваете, для чего жить? Зачем вы делаете жизнь такой деловой?

Разве не достаточно любви? Нужно ли спрашивать, в чем смысл любви?

И если нет смысла в любви, тогда, конечно, ваша жизнь становится безлюбовной. Вы задаете неправильный вопрос. Любовь достаточна сама по

себе; ей не нужен никакой другой смысл, чтобы сделать ее прекрасной, радостной. Птицы поют по утрам... в чем тут смысл?

По мне, все существование бессмысленно. И чем больше я становился безмолвным, настроенным на существование, тем яснее становилось, что нет нужды в смысле. Достаточно того, что есть.

Не создавайте фантазий. Когда вы создаете один вымысел, вы обязаны создать для поддержания его еще тысячу и один вымысел, ведь в реальности он не имеет поддержки.

Например, есть религии, которые верят в Бога, и есть религии, которые в Бога не верят. Так что Бог не является необходимостью для религии.

Буддизм не верит в Бога. Джайнизм не верит в Бога. Так что постарайтесь понять, поскольку на Западе это проблема. Вы знаете только три религии, основанные на иудаизме:

христианство, иудаизм, ислам. Эти три религии верят в Бога. Поэтому вы не осознаете Будду - Он никогда не верил в Бога.

Я вспоминаю о Г. Дж. Уэллсе, о его утверждении по поводу Гаутамы Будды. Он сказал: «Он - самая безбожная личность и, в то же время, самая божественная». Безбожная личность и божественная? Вы думаете, здесь есть какое-нибудь противоречие? Противоречия нет. Будда никогда не верил в Бога, в этом не было необходимости. Он был так предельно завершен, что вся его завершенность становилась благоуханием вокруг него. Махавира тоже никогда не верил в Бога, а его жизнь была так божественна, как это только возможно.

Поэтому, когда я говорю, что Бог - это вымысел, пожалуйста, не поймите меня неправильно. Бог - это вымысел, но божественность - не вымысел; это качество, свойство. «Бог» - это личность... как личность - это вымысел.

Нет Бога, сидящего на небесах, создающего мир. И вы думаете, это Бог создает всю эту кутерьму, называемую миром? Тогда что же остается для дьявола?

Если кто-то создал этот мир, то это должен был быть дьявол, а не Бог.

Но вымысел - старый вымысел, повторенный миллионы раз, - начинает обретать реальность сам по себе. Он был повторен так много раз, что невозможно даже спросить, что за мир создал Бог, что за человека создал Бог? Это сумасшедшее человечество...

За три тысячи лет человек вел пять тысяч войн. Это творение Бога?

И человек все еще готовится к тотальной, самоубийственной, окончательной войне. «Бог» - за всем этим.

И какие еще глупые вымыслы могут стать реальностью, если вы верите в них! «Бог» создал мир - христиане думают, что это было в точности за четыре тысячи четыре года до Иисуса Христа. Конечно, это должно было быть в понедельник утром, первого января, я полагаю, потому что так говорит Библия. Теперь имеются свидетельства, тысяча и одно свидетельство, что эта земля насчитывает миллионы лет. Найдены погребенные в земле останки животных возрастом в миллионы лет и даже окаменелые тела людей возрастом в тысячи лет. Но что сказал по этому поводу последний папа? Он сказал: «Мир создан в точности так, как сказано в Библии». Четыре тысячи и четыре года до Иисуса? Это значит шесть тысяч лет назад. Все свидетельства противоречат этому.

В Индии найдены города, имеющие возраст семь тысяч лет. В Индии имеются Веды, которым, по крайней мере, десять тысяч лет согласно самым научным подходам. Согласно индуизму им девяносто тысяч лет, поскольку в Ведах есть упоминание об определенном положении звезд, которое было девяносто тысяч лет назад. Как это могло быть описано в Ведах, если им не девяносто тысяч лет?

Но что сказал последний папа? Он сказал: «Бог создал мир со всеми этими вещами. Для Него все возможно, Он создал мир за четыре тысячи и четыре года до Иисуса вместе с телами животных, которые выглядят на миллионы лет».

Все возможно для «Бога». Один вымысел, затем вы должны поддерживать его другим вымыслом, так можно дойти до абсурда. И зачем? Снова и снова человек задает этот вопрос.

За этим был простой, очень простой аргумент. Вы видите глиняный горшок. Вы знаете, что он не мог быть создан сам по себе; должен был быть горшечник. Это был простой аргумент для всех этих религий: даже если единственный глиняный горшок не может быть создан сам по себе и для его создания нужен горшечник, то и эта огромная вселенная нуждается в создателе. И это удовлетворило простой человеческий ум. Но это не может удовлетворить изощренный, рациональный ум.

Если вы говорите, что вселенная для своего создания нуждается в Боге, то обязан возникнуть вопрос: «Кто создал Бога?» И тогда вы приходите к абсурду. Тогда Бог номер один создается Богом номер два, а Бог номер два создается Богом номер три, а Бог номер три – Богом номер четыре, и так далее без конца. Я не хочу быть таким абсурдным. Лучше остановиться на первом вымысле. Иначе вы будете сеять семена для других вымыслов.

Я говорю, что существование достаточно само по себе, ему не нужен творец. Оно само творит.

Так что вместо того, чтобы спрашивать меня, верю ли я в создателя, вы бы спросили, в чем моя замена Богу-создателю? Моя замена – вездесущая энергия созидания.

И по-моему, быть созидательным – самое важное религиозное качество.

Если вы создаете песню, если вы создаете музыку, если вы создаете сад, вы религиозны.

Ходить в церковь глупо, но создавать сад – потрясающая религия.

Вот почему в моей общине работа называется «поклоне-нием». Иначе мы не молимся. Мы молимся только путем созидания чего-либо.

По-моему, созидание – вот Бог. Но будет лучше, если вы позволите мне заменить слово «Бог» на «божественность», поскольку я не хочу быть понятым неправильно.

Нет личности Бога, но есть потрясающая энергия –распространяющаяся, никогда не кончающаяся, расширяющаяся. Эта распространяющаяся, никогда не кончающаяся, расширяющаяся энергия, энергия созидания, и есть божественное.

Я ^наю это; я не верю в это. Я испытал это; я не верю в это.

Я прикоснулся к этому. Я дышал этим. Я познал это глубочайшей сердцевинной моего существа; и этого так же много в вас, как и во мне.

Просто посмотрите вовнутрь, небольшой поворот на сто восемьдесят градусов – и вы осознаете истину. Тогда вы не спросите о вере.

Только слепые люди верят в свет. Те, у кого есть глаза... они не верят в свет; они просто видят его.

Я не хочу, чтобы вы верили во все, что угодно, я хочу, чтобы у вас были глаза, и если есть глаза, то зачем удовлетворяться верой и оставаться слепым?

И вы не слепые. Может быть, вы лишь держите свои глаза закрытыми. Может быть, никто не сказал вам, что можно открыть глаза. Поэтому вы живете в темноте и из темноты спрашиваете: «Есть ли свет?»

Я вспоминаю небольшую историю из жизни Будды. К Гаугаме Будде привели слепого, но очень логического человека. Он был так логичен, что его деревня и все мудрецы из его деревни полностью пресытились его логикой. Они не могли доказать ему, что свет существует. Вся деревня знала; каждый видел свет, только слепой логик не мог видеть его. Но он был очень логическим человеком. Он сказал: «Всего, что существует, можно коснуться. Принесите свет, я хотел бы коснуться его. Все, что существует, я могу ударить чем-нибудь, и оно издаст звук. Дайте мне послушать звук вашего света, по которому ударили чем-нибудь. Если он имеет какой-нибудь запах, поднесите его к моему носу, я понюхаю его. Если у него есть какой-нибудь вкус, я попробую его. Эти четыре чувства при мне».

Но нельзя испытать вкус света, нельзя извлечь из него звук, нельзя ощутить его запах, нельзя прикоснуться к нему. И слепой логик смеялся, бывало, и говорил: «Вы просто хотите доказать, что я слеп, и поэтому выдумали эту фантазию о свете. Света нет. Все вы слепы, как и я; вы дурачите самих себя».

Рядом с этой деревней проходил Будда, и жители подумали: «Вот прекрасная возможность; приведем этого логика к Гаутаме Будде, может быть, он сможет помочь».

Будда выслушал всю историю и сказал: «Этот слепой человек прав, а вы все неправы, потому что ему не нужна аргументация; ему нужно лекарство, чтобы вылечить глаза. И вы привели его не к тому человеку. Отведите его к врачу».

У Будды был свой собственный личный врач, предоставленный великим царем Бимбисарой для заботы о теле Будды. Поэтому Будда сказал: «Вам не нужно ходить далеко, чтобы найти великого врача. Такой есть со мной. Можете показать ему этого слепого». И он оставил врача в этой деревне, а сам пошел дальше. Через три месяца глаза слепого открылись. Он не был по-настоящему слепым – лишь небольшое заболевание;

небольшая тонкая пелена закрывала ему видение. Пелена была удалена. Человек пустился в пляс. Он упал к ногам Будды и сказал: «Если бы они не привели меня к вам, вся моя жизнь прошла бы в спорах против света. И они не смогли бы доказать его существования».

Божественность – это не то, что могут доказать или опровергнуть документы. Это то, что вы можете пережить.

Вы удивитесь, узнав, что слово «лекарство» (англ. teall-сте) и слово «медитация» происходят от одного корня. Лекарство лечит тело, медитация лечит вашу внутреннюю сущность; это внутреннее лекарство.

Я переживал божественность повсюду, поскольку ничего другого не существует. Но Бога нет.

И если вы хотите пережить божественность... просто еще немного медитации, еще немного продвижения в состояние без мыслей, в состояние осознания.

Когда ваша осознанность присутствует, а мысли начинают опадать, как листья в листопад, и когда остается только осознанность и нет ни одной мысли, тогда вы ощутите на языке вкус, самый вкус того, о чем я говорю.

А если вы не ощутили вкус, не верьте мне; не верьте никому, потому что вера может стать нищетой. Вы можете удовлетвориться этой верой и никогда не попробовать самостоятельно.

Как раз вчера я слышал... Шила сказала мне, что президент Рейган хочет ввести минуту молчания в каждой школе, колледже и институте. Идея великая, но я не знаю, понимает ли Рейган, что это означает – одна минута молчания, одна минута безмолвия. Он, должно быть, предполагает просто одну минуту сохранения тишины, отсутствия разговоров. Отсутствие разговоров – это не безмолвие. Вы можете не разговаривать, вы можете не произносить ни звука, но внутри вас бежит тысяча и одна мысль. Это постоянный поток мыслей, изо дня в день.

Я хотел бы посоветовать президенту Рейгану сначала попробовать провести одну минуту безмолвия.

Это означает, что в течение одной минуты ни единая мысль не движется по экрану вашего сознания.

Это не просто. Это одно из самых трудных дел в мире. Но это может случиться, если вы постоянно пытаетесь.

И если это происходит в течение одной минуты, этого достаточно. Если в течение одной минуты вы можете находиться в состоянии, когда ни единая мысль не движется... Это была работа всей моей жизни: научить людей, как быть молчаливыми, безмолвными.

Люди пытались, держа рядом с собой часы: даже двадцати секунд – одна минута слишком много – даже двадцати секунд они не могли оставаться без мыслей. Одна мысль за другой, бегут... И даже если они могут оставаться без мыслей в течение двадцати секунд, то приходит мысль: «Ага! Двадцать секунд!» Конечно – пришла мысль.

Если вы можете быть в безмолвии одну минуту, вы постигли искусство. Тогда вы сможете быть в безмолвии две минуты, поскольку это одно и то же. Вторая минута не отличается от первой. Вы можете быть в безмолвии три минуты; все минуты одинаковы.

Когда вы знаете путь... а этот путь – не то, о чем можно рассказать; вы должны просто сидеть с закрытыми глазами и начать наблюдать свои мысли. Вначале будет великая суматоха, как в час пик, но постепенно вы отыщете улицу, где толпа будет все меньше и меньше; где будет меньше машин, меньше мыслей, меньше людей, просветы становятся больше.

Если продолжать терпеливо, то через три месяца можно достичь определенной способности к одной минуте безмолвия.

Я не знаю, пытался ли когда-нибудь президент Рейган, поскольку всякий человек, способный вкусить безмолвие, не будет пытаться быть президентом страны, не может быть политиком. Это не для медитирующих, это для посредственностей. Это для дураков и идиотов всех сортов.

Я слышал: до того как Рейган стал президентом, у него была обезьяна... Я просто слышал, я не знаю, так это или нет. В тот день, когда Рональд Рейган был избран президентом, один из моих американских санньясинов принес мне фотографию Рональда Рейгана со своей обезьяной и сказал: «Рейган сегодня объявлен президентом, ваши комментарии?»

Я долго смотрел на фотографию. Санньясин казался озадаченным и спросил: «В чем дело? Что вы рассматриваете на этой фотографии?»

Я сказал ему: «Я не могу сообразить, кто здесь Рейган, а кто обезьяна. Который из этих двух парней избран президентом?»

Он рассмеялся и показал мне Рейгана, а я все еще помню свой комментарий: «Было бы лучше, если бы выбрали обезьяну».

Конечно, тогда Кремль незамедлительно последовал бы этому примеру и выбрал бы обезьяну в качестве премьер-министра. Они не могут допустить, чтобы Америка была впереди них. В одном можно быть уверенным абсолютно: с обезьяной в Белом Доме и с обезьяной в Кремле мир был бы спасен от третьей мировой войны, которая собирается разрушить все человечество и всю жизнь на земле.

Политики – это обезьяны. На самом деле, обезьяны должны извинить меня – политики хуже. Но идея хорошая;

иногда даже в обезьяний ум может прийти хорошая идея. Но если Рейган действительно имеет в виду минуту безмолвия, я мог бы предоставить людей, которые учили бы, как быть безмолвным, в каждом университете, в каждом колледже, в каждой школе. Я могу послать моих санньясинов по всей Америке учить безмолвию.

Беседа 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВУЕТ, НО НЕТ НИКАКОГО БОГА

1 ноября 1984 года

Бхагаеан.,

Если никакого Бога нет, то почему вас называют Бхагаеан?

Никакого Бога нет, но это не означает, что я атеист. Я, конечно же, не теист: я говорю, что Бога нет, но это не означает прыжка в противоположность, к атеизму.

Атеист тоже говорит, что Бога нет, но когда я говорю, что Бога нет, и атеисты, такие, как Чарвака, Карл Маркс, Ленин, Эпикур... Когда эти люди говорят, что Бога нет, есть огромная разница между моим и их утверждениями – сами утверждения абсолютно одинаковы, – потому что я в тот же момент говорю, что есть божественность.

Чарвака не будет согласен с такой точкой зрения; Эпикур, Маркс и другие атеисты не будут согласны с этим. Для них отрицание Бога означает отрицание сознания. Для них отрицание Бога означает то, что мир просто материален и ничего более, а то, что вы видите как сознание, всего лишь побочный продукт определенной материи, скомпонованной особым образом, просто побочный продукт. Разделите материю на части, и побочный продукт исчезнет.

Это в точности как воловья повозка: снимайте колеса, убирайте другие части и каждый раз, снимая колеса, спрашивайте: «Это воловья повозка?» Конечно, каждый раз ответ будет: «Нет». Никакая часть не является целым. Вы можете мало-помалу снять все части и устранить целое, и ни единая часть не окажется воловьей повозкой. И в конце вас могут спросить: «Где

же воловья повозка? Ее ведь не удаляли; ни в один из моментов вы не сказали, что удалена воловья повозка».

«Воловья повозка» была лишь комбинацией. Она не имела своего собственного существования, она была лишь побочным продуктом. Вот что имеет в виду Карл Маркс, когда говорит, что сознание является надстройкой: снимите тело, удалите мозг, снимите все, что составляет тело человека, — и вы не найдете ничего, похожего на сознание. И когда вы сняли все, за всем этим не останется сознания; оно было только комбинацией. Вы разобрали комбинацию на части.

Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я не нахожусь в согласии с Марксом или Эпикуром. Я, конечно, не соглашаюсь и с Иисусом, Кришной, Моисеем, Мухаммедом, когда они говорят, что Бог есть, поскольку они используют Бога как личность. Но думать о Боге, как о личности, — это просто ваше воображение. Бог китайцев имеет китайское лицо. Бог негров — лицо негра. Бог евреев, конечно, имеет еврейский нос; и не может быть иначе. И если лошади думают о Боге, то их Бог будет лошадью. Так что это просто ваша проекция. Придавать Богу черты личности — ваше проецирование.

Когда я говорю, что Бога нет, я отрицаю личность Бога.

Я говорю, что Бога нет, но есть потрясающая божественность.

Это неперсонализированная чистая энергия. Навязывать ей какую-нибудь форму мерзко. Вы навязываете ей себя.

Иисус называет Бога «отцом». У Иисуса, должно быть, была определенная идея, означающая «отца»; он навязывает Богу некоторую идею. В Индии есть религии, которые верят не в Бога-отца, а в Богиню-мать. Статуя их Бога имеет вид женщины, самой прекрасной женщины, которую они могли себе представить, но это индусская женщина. Столетия прошли, религии рождались, умирали, исчезали. Их Боги, естественно, исчезли.

В Индии есть место', Моханджодро... оно оказалось самым древним городом в мире. В Моханджодро есть семь слоев. Похоже, что цивилизация вынуждена была сталкиваться с одним и тем же бедствием семь раз. Когда был обнаружен первый слой, то подумали, что это все: Моханджодро найден. Было определено, что ему семь тысяч лет. Но еще немного раскопок, и обнаружен другой город, ниже первого, которому, должно быть, было десять тысяч лет. Затем работы продолжались. Люди, работавшие на раскопках, продолжали копать, и город за городом... Семь городов было найдено в Моханджодро. Седьмому было, по крайней мере, двадцать тысяч лет. У них были храмы, у них были статуи Бога. Те цивилизации исчезли, исчезли их религии, исчезли их Боги.

Христианский Бог исчезнет в тот момент, когда исчезнет христианство. Индуистские Боги исчезнут в тот момент, когда исчезнет индуизм. Вы понимаете, что я имею в виду, говоря это? Это ваша проекция. Если вы проецируете его, Бог есть. Если вы не проецируете, если нет того, кто проецирует. Бог исчезает.

Я не на стороне таких Богов, которые порождаются проецированием крошечного человеческого ума. И конечно же, крошечный человеческий ум ограниченно придает Богу только те свойства, которые являются его свойствами.

Бог евреев в Талмуде говорит: «Я сердитый Бог. Я не хороший; я не ваш дядюшка». И для евреев это имеет совершенно ясное значение. Но для индуса Бог, говорящий: «Я сердитый Бог», — абсолютная чепуха. Гнев и Бог? Они не пересекаются. Еврейский Бог гневлив; это очень по-еврейски, очень по-человечески. И если вы не поклоняетесь ему, если вы против него, он уничтожит вас. Он разрушил два города, потому что сексуальное поведение людей в этих двух городах было извращенным, а он был очень настроен против этого. Содом и Гоморра — эти два города он полностью разрушил.

Для индуса такое действие не может быть привлекательным, для него это невозможно. Это не будет привлекательным для мусульманина, потому что мусульманин каждый день молится: «Боже милосердный...» Милосердие — самое сокровенное свойство, которое он проецирует в Бога. Бог может быть только милосердным, ничего другого. Мусульманин молится, зная, что просто

признание греха уже является достаточным, поскольку Бог милосерден. Вы будете прощены.

Омар Хайям, один из великих поэтов персидской литературы, говорит: «Не запрещайте мне пить вино, наслаждаться женщинами, ведь Бог милосерден. Не говорите, что я совершаю грех, дайте мне совершить столько грехов, сколько я смогу. Его милосердие намного больше всех моих грехов, собранных вместе. Прекратить определенное дело из страха быть наказанным Богом – значит не верить в его милосердие*. Вот иная позиция, – но все это человеческие позиции.

Поэтому, когда я говорю, что Бога нет, я говорю, что нет личности Бога; вся личностность Бога – это человеческая фантазия.

Я хочу, чтобы вы отбросили личностность и позволили Богу быть свободным, свободным от оков личности, которые вы навязываете Ему.

Я не атеист. Для меня вся вселенная наполнена энергией Бога и ничем другим.

Вы должны понять одну очень фундаментальную вещь. Мир состоит из глаголов – не из существительных.

Существительные – это человеческие изобретения, необходимые, но человеческие изобретения. Но существование состоит из глаголов, только из глаголов, а не из существительных и местоимений... Вглядитесь в это. Вы смотрите на цветок, на розу. Назвать ее «цветок» неправильно, поскольку она не прекратила «цветения». Она еще цветет; это глагол, это течение. Назвав ее цветком, вы сделали ее существительным. Вы видите речку. Вы называете ее «речка» – тем самым вы сделали ее существительным. Но это «речкование». Для существования более точно будет называть ее «речкованием», течением. Все в изменении, в течении. Ребенок становится юношей; юноша становится взрослым; жизнь переходит в смерть; смерть переходит в жизнь.

Все находится в непрерывном, постоянном изменении; это непрерывность. Остановка, полная остановка, не наступает никогда. Она происходит только в языке.

В существовании нет полной остановки.

Вы помните, когда перестали быть ребенком? Когда, в какой точке наступила остановка ивы стали юношей? Нет такого места, нет демаркационной линии, нет полной остановки.

Ребенок еще течет в вас.

Если вы закроете глаза и посмотрите внутрь себя, вы обнаружите, что все, что было, еще есть, течет. Вы накапливали больше и больше, но все, что было, еще есть. Река становится большой, в нее вливаются новые ручейки, но исток все еще есть.

Если вы видели Ганг в Индии, одну из самых красивых рек, вы сможете понять это. Место, где она возникает, такое крошечное, что его накрывает лик коровы – конечно, камень, камень, сделанный в виде лика коровы. Через этот коровий лик ниспадает Ганг, начинающий свое путешествие... такой маленький. А когда вы видите его вблизи океана, когда он достигает места встречи с океаном, он сам выглядит, как океан... такой огромный. Но тот маленький поток, падающий в Ганготри, там, далеко, за тысячу миль в Гималаях, из каменного рта коровы, – тот поток еще есть. Так много рек впало в него, сделало его большим, как океан. А поток все еще жив. Даже когда он впадет в океан, он останется жить, он будет продолжать движение. Возможно, он станет облаком; возможно, он снова прольется дождем. Он будет продолжаться и продолжаться. Существование продолжается и продолжается;

оно никогда не останавливается. Нет периода покоя. Нет места, где вы могли бы отметить, что что-то подошло к своему концу. Ничто не подходит к своему концу.

Нельзя найти начала, нельзя найти конца. Это всегда продолжающийся процесс.

Когда вы говорите «Бог», вы используете имя существительное, нечто статичное, мертвое.

Когда я говорю «божественность», я обозначаю этим словом нечто живое, текущее, движущееся.

Вот эти позиции должны быть ясны вам. Я не теист, как Иисус, или Мухаммед, или Кришна, поскольку не могу согласиться с мертвым богом.

Мне вспомнилось об одном из моих профессоров. Это очень хороший человек – профессор С.С.Рой. Сейчас он ушел на пенсию с поста декана философского факультета в Алла-хабадском университете. В первый день, когда я пришел к нему на занятия, он объяснял концепцию «абсолюта». Он был крупным специалистом по Брэдли и Шанкаре. Оба они верили в «абсолют» – это было их именем для Бога.

Я спросил его одну вещь, которая очень сблизила меня с ним впоследствии, и он открыл мне целиком свое сердце. Я просто спросил: «Совершенен ли ваш «абсолют»? Дошел ли он до полной остановки? Или он все еще растет? Если он все еще растет, тогда это не абсолют, он несовершенен – и только тогда он может расти. Если что-то еще возможно, еще побольше ветвей, еще побольше цветов – тогда он жив. Если он завершен, полностью завершен – в этом значении слова «абсолют», – тогда нет возможности для роста, тогда он мертв». Поэтому я спросил его: «Поясните, ведь для Брэдли и Шанкары «абсолют» представляет «Бога». Это их философское имя для Бога. Жив или мертв ваш Бог? Вы должны ответить на этот вопрос».

Он был действительно честным человеком. Он сказал:

«Пожалуйста, дайте мне время подумать». Он имел докторскую степень по Брэдли из Оксфорда и докторскую степень по Шанкаре из Бенареса и считался крупнейшим специалистом по этим двум философам, поскольку пытался доказать, что Брэдли с Запада и Шанкара с Востока пришли к одному и тому же заключению. Он сказал: «Пожалуйста, дайте мне время подумать».

Я сказал: «Всю свою жизнь вы писали о Брэдли и Шанкаре и об «абсолюте». Я прочитал ваши книги, я прочитал ваши неопубликованные тезисы. И вы преподавали здесь всю свою жизнь – разве никто не задавал вам такой простой вопрос?»

Он сказал: «Никто не спрашивал меня; и не только это, я сам никогда не думал об этом: ведь точно, если что-то совершенно, то оно должно быть мертво. Все живое должно быть несовершенно. Эта идея никогда не приходила мне в голову. Поэтому, пожалуйста, дайте мне время».

Я сказал: «Вы можете располагать таким временем, каким захотите. Я буду приходить каждый день и задавать тот же вопрос». И так продолжалось пять, шесть дней. Каждый день я упорно приходил на занятия, он кивал, и я поднимался и говорил: «Мой вопрос».

И он сказал: «Пожалуйста, простите меня. Я не могу решить. Оба подхода одинаково трудны. Я не могу сказать, что Бог несовершенен; я не могу сказать, что Бог мертв. Но вы завоевали мое сердце».

Он перенес мои вещи из общежития в свой дом. Он сказал:

«Достаточно, вы не можете жить в общежитии. Вы должны жить с моей семьей, со мной – Я многому могу научиться от вас, поскольку такой простой вопрос никогда не приходил мне в голову. Вы перечеркнули все мои степени».

Я жил с ним почти шесть месяцев, пока он не перевелся в другой университет. Он хотел перевести с собой и меня, но мой заместитель декана отказал. Он сказал: «Профессор Рой, вы можете ехать. Профессора приходят и уходят, но мы не сможем найти другого такого студента. Поэтому я не собираюсь отдавать ему его документы и не собираюсь разрешать ему покинуть университет. И я напишу в ваш университет, куда вы направляетесь, что моего студента не следует принимать туда».

Но он продолжал любить меня. Это редкое явление: он почти каждый месяц приезжал из своего университета повидаться со мной, почти за две тысячи миль от моего университета. Но он, по крайней мере, раз в месяц упорно приезжал повидаться со мной, просто посидеть со мной. Он сказал мне:

«Сейчас я получаю более высокую плату, и там все более удобно, но я скучаю без вас. Занятия кажутся мертвыми. Никто, как вы, не задает таких вопросов, на которые нельзя ответить».

Я сказал ему: «Это соглашение между вами и мной, что я могу называть вопросом только тот вопрос, на который нельзя ответить. Если на него можно ответить, что же это за вопрос?»

Бог совершенный, абсолютный, всемогущий, вездесущий, всеведущий — эти слова использовались всеми религиями для Бога — мертв, не может жить, не может дышать. Нет, я отвергаю такого Бога, поскольку с таким мертвым богом будет мертва и вся вселенная.

Божественность — это совершенно иное измерение.

Тогда и зелень дерева, и цветение розы, и полет птицы — все является частью ее.

Тогда Бог не отделен от вселенной. Тогда Он — сама душа вселенной.

Тогда вселенная вибрирует, пульсирует, дышит... божественностью.

Поэтому я не атеист, но я и не теист. Имеется также третий термин — «агностик». Сократ, Бертран Рассел, люди, подобные им, — агностики. Агностик — это тот, кто говорит: «Я не знаю, есть Бог или его нет».

Эти агностики, по крайней мере, более честные, чем ваши так называемые теисты в церквях, синагогах, храмах, мечетях — все обманщики и лицемеры, не знающие, что есть Бог, и все же поклоняющиеся ему. Их сердца пусты, их молитвы ложны, они не осознают, что говорят и делают. Они просто подражают своим предкам; они просто куклы в руках традиции.

Они загипнотизированы своим обществом, культурой, цивилизацией; они обусловлены преподавателями, священниками, родителями. То, что они говорят, — не их собственное, оно заимствовано.

Мне вспомнился один из моих друзей. Он был средним человеческим существом, я имею в виду — просто идиотом. Все студенты постоянно говорили о девушках, о том и о другом, они спрашивали и его, — а он был очень трусливым, нервным... Вы не можете понять индийских условий. Даже в университете девушки и юноши сидят отдельно. Они не могут открыто разговаривать, они не могут открыто встречаться... Но его сердце билось; наступал соответствующий возраст. Однажды он пришел ко мне, поскольку он думал, что я был единственным человеком, который никогда не смеялся над ним, который никогда не шутил по поводу его нервности, по поводу того, что, увидев девушку, он начинает дрожать — на самом деле дрожать, можно было видеть его трясущуюся пижаму — и покрываться потом. Даже зимой в холод он покрывался потом.

Он пришел ко мне, закрыл дверь и сказал: «Только ты можешь помочь мне. Что мне делать? Я хотел бы полюбить девушку, но я не могу сказать девушке даже одного слова. Внезапно я теряю голос, начинаю дрожать и покрываться потом». Поэтому я должен был подготовить его.

Я знал девушку из моего класса и сказал ей: «Ты должна немного помочь этому бедному человеку. Поэтому будь немного доброй и сострадательной и, когда он покрывается потом, не обращай внимания. Лучше ты скажи: «Люди говорят, что ты начинаешь потеть, когда видишь девушку, но сейчас ты не потеешь, а я девушка, ты не забыл, и ты не трясешься...» Он будет трястись, но ты должна говорить: «Ты не трясешься».

Я писал для него любовные письма, а он посылал их. Девушка была подготовлена мной, и поскольку я просил ее, она отвечала ему. Она отвечала на письма, и он бежал ко мне показать ответы. Он был так счастлив этими письмами. И наконец я сказал ему: «Теперь надо начать самому. Как долго буду я писать за тебя эти письма? И знаешь, то ее письмо написал тоже я... потому что девушка говорит: «Я не люблю его, как я могу писать? Поэтому напиши, пожалуйста, и это!» И она показывает мне твое письмо, а ты показываешь мне ее письмо, и я один пишу оба письма!»

Это фальшивое дело, это любовное приключение... но именно это и происходит во всех синагогах, храмах, церквях.

Ваши молитвы написаны кем-то другим, возможно, тысячи лет назад — Они не являются частью вашего существа; они не возникли в вас. Они не несут никакой вашей любви. Они не хранят биения вашего сердца.

Вы не знаете, к кому адресуетесь, существует ли кто-нибудь на другой стороне или нет. В той же самой книге, откуда вы взяли молитву, написано: «Он существует».

Это порочный круг. Одна и та же книга говорит, что Бог есть, одна и та же книга дает вам молитву, одна и та же книга говорит, что если вы совершите эту молитву, то получите ответ.

И если вы по-настоящему загипнотизированы, – а загипнотизированы миллионы, почти все, – вы начнете принимать ответ, один и тот же ответ.

Индус принимает не тот ответ, что христианин. Странно – никогда не возникает ни единой ошибки? Христианин получает христианский ответ. Вопрос заимствуется, ответ заимствуется; молитва – чья-то чужая, ответ – чей-то чужой;

и вы участвуете в этом фальшивом любовном приключении. Может ли это удовлетворить вас? Какое удовлетворение здесь возможно?

Агностики, по крайней мере, много честнее вашего так называемого теиста и честнее также вашего так называемого атеиста, поскольку эти атеисты не предпринимают никаких усилий для поиска и после этого говорят: «Бога нет». Они прочитали это у Эпикура, они прочитали это у Карла Маркса. Но и сам Карл Маркс не предпринял никаких усилий обнаружить, существует ли Бог на самом деле или нет, есть ли в этом что-нибудь или все это вымысел. Нет, он заимствовал у других атеистов, у Эпикура, у Дидро.

Теперь весь коммунистический мир, занимающий почти полмира: Советская Россия, Югославия, Чехословакия, половина Германии, Польша, Китай, Вьетнам, Корея... Теперь почти полмира атеистов. Вы что думаете, эти люди искали Бога? Они все были теистами, как и другие люди. Россия была одним из оплотов христианства, самого ортодоксального христианства в мире. Русская церковь была гораздо более ортодоксальной, чем Ватикан. Что случилось со всеми теми христианами? Они просто исчезли. Они исчезли, как капли росы под ранним утренним солнцем, не оставив даже следов. Они были фальшивыми. И то, что они восприняли сейчас, снова фальшь. Тогда это были церковь и царь, правительство, могущественные люди, которые навязывали свою веру, а они верили. Теперь это коммунистическая партия, коммунистический президиум, которые навязывают идею, что Бога нет. Каждого маленького ребенка учат, что Бога нет.

Один из моих друзей, Рахул Санскритайяна, отправился в Россию преподавать санскрит. Там он влюбился и женился на русской женщине. Но когда срок его пребывания закончился, его жене и двум детям не разрешили поехать с ним в Индию. Он был совершенно разбит, когда вернулся назад. Он говорил:

«Они испортили мне всю жизнь».

Я спросил: «Почему они не разрешили?»

Он сказал: «По простой причине. Мой ребенок учит в школе, что Бога нет, что религия – это опиум для народа, а я религиозный человек».

Он был буддийским монахом, а его жена была атеисткой. И жена, и дети, и все общество, и другие профессора в университете – все они пытались сделать из него атеиста. И правительство не разрешило его жене и детям поехать с ним:

«Поскольку в Индии они испортятся; их умы снова наполнятся тем опиумом, что Бог, якобы, есть. Мы не можем допустить этого».

И он рассказал мне очень странную вещь, которую позднее подтвердили другие друзья, вернувшиеся из России:

у них есть много всяких обществ для маленьких детей, школьников. У них есть юношеская коммунистическая лига, которая шпионит за родителями и доносит коммунистической партии, что они делают, поскольку людей из заграницы подозревают, что они теисты, что они молятся. Поэтому его маленькие дети действуют как детективы. Они донесли в учреждение коммунистической партии: «Наш отец молится. У него за книжным шкафом спрятана статуя Будды». И люди коммунистической партии пришли и обнаружили единственное сокровище буддийского монаха, маленькую статую, которую его Учитель подарил ему, точно в том месте, на которое указал ребенок, иначе они не могли бы узнать, что она спрятана за книгами.

Жены шпионят за мужьями, у жен есть своя коммунистическая лига. Мужья шпионят за женами – каждый детектив, шпионящий за всеми остальными.

Теперь за несколько лет вся Россия, Китай, Корея – все стали атеистами: были вынуждены. Теизм стал посмешищем.

Рахул Санскритайяна рассказал мне, что, когда он впервые был в России, он спросил одного школьника: «Веришь ли ты в Бога?»

Мальчик рассмеялся. Он сказал: «Что вы говорите? Это примитивная идея. Когда люди были абсолютно примитивными, темными, когда еще не знали огня, было так много страха, что из страха люди начали верить в Бога. Мы не видим в этом никакой надобности. А вы верите в Бога?»

И Рахул сказал мне: «Я не мог смотреть в глаза этому маленькому ребенку».

Я сказал: «Причина в том, что ваша религия тоже заимствована, как заимствована и его религия. Вас заставили ваши родители, его заставило его правительство. Вы не всмотрелись в веру по-своему, отбросив все, что вам дали другие, полностью очистив свой ум от всякого мусора и хлама. Вы не пошли прямо, без чьего-либо вмешательства, кто бы он ни был:

Иисус или Маркс, Кришна или Конфуций, Мухаммед или Махавира, – не беспокоясь о нем, следуя прямо в реальность, наблюдая ее, рассматривая ее, обнаруживая ее».

Если вы не находите Бога, вы говорите: «Бога нет». Если вы все еще ищете, можете сказать: «Я еще ищу, поэтому не могу ответить на этот вопрос ни «да», ни «нет». Тогда вы агностик. Но я не думаю, что Бертран Рассел прав или что он честный агностик – Он просто спорил со всеми доказательствами существования Бога, – а спорить очень просто. Он спорил также со всеми аргументами против существования Бога – и это тоже очень просто. Видя, что и те и другие аргументы неверны, что и теист, и атеист говорят чепуху, он объявляет себя агностиком: «Я не разделяю никакую позицию».

Но я – не агностик. Я, во всяком случае, очень странный, поскольку вы не можете отнести меня к какой-нибудь категории.

Это три категории, четвертой нет, а я принадлежу к четвертой, безымянной категории. Я смотрел, искал. Я не обнаружил Бога, правда, но я нашел нечто гораздо более значительное – божественность.

Я не атеист, я не теист, я не агностик.

Моя позиция абсолютно ясна.

Вы спрашиваете меня. Шила:

Если никакого Бога нет, то почему меня мои люди называют «Бхагаван»?

Этот вопрос представляет небольшую сложность. Нужно войти в лингвистику слова «бхагаван». Это очень странное слово. В индуистских священных книгах бхагаван является почти синонимом Бога. Я говорю почти, поскольку в других языках есть только одно слово – Бог. На санскрите, в индуизме, есть три слова: бхагаван – первое, ишвара – второе, параматма – третье. Индусы используют эти три слова в трех различных случаях.

Параматма означает высшую душу; парам означает «высшая», атма означает «душа»; параматма – высшая душа. Поэтому тот, кто по-настоящему понимает, использует для Бога слово параматма. Второе слово товара. Это красивое слово. Буквально оно означает «богатейший» – тот, кто имеет все, кто есть все. Это, конечно, верно.

В тот момент, когда вы переживаете божественность, вы имеете все – все, что стоит иметь. Вы можете не иметь совсем ничего, это безразлично, но вы имеете все, что обладает какой-либо значимостью для жизни.

И третье – бхагаван. Бхагаван очень трудно объяснить или понять на другом языке. В индуистских священных книгах... запомните это, поскольку бхагаван используется в Индии двумя группами людей: первая – индусы, вторая – джайны и буддисты. Джайны и буддисты не верят в Бога, хотя и используют слово «бхагаван». Для Будды буддисты используют слово «бхагаван» – Бхагаван Гаутама Будда. И джайны тоже не верят в Бога, но для Махавиры используют это слово – Бхагаван Вардхман Махавира. Так что их значение совершенно иное.

Индусы очень близки к земле. Вы удивитесь, вы будете даже шокированы, но исходный корень в индуизме для слова «бхагаван» – это бхаг, что означает «влагалище*». Вы не могли бы и подумать такое. Абхагаван означает

«тот, кто использовал влагалище вселенной для создания, создатель». Индусы поклоняются женскому влагалищу и мужскому фаллическому символу, тивалинге: Если вы видели шивалингу, мраморный стоящий символ мужского полового члена, то стоит он во влагалище. Под ним, если вы посмотрите, располагается мраморное влагалище, в котором он стоит. Индусы поклоняются этому символу, и для них представляется значительным, что любое творение обязано быть встречей мужского и женского начал, инь и ян. Поэтому для «создателя» они используют слово «бхагаван». Но происхождение этого слова довольно странное.

Буддисты и джайны не верят в Бога, не верят, что кто-то создал мир, но они используют слово «бхагаван». Для них происхождение этого слова иное. В джайнизме и буддизме бхаг означает «счастье», а бхагаван означает счастливого, благословенного; того, кто достиг своего предназначения, кто созрел. Поэтому, когда тридцать четыре года тому назад я начал говорить, люди начали использовать это слово. Поскольку в Индии, если вы уважаете человека, вы не используете его имени; это представляется неуважительным. Вот почему жена не будет называть своего мужа по имени. При переписи населения это представляет большую проблему в Индии, поскольку если мужа нет дома, он ушел на работу, и приходит чиновник, обеспечивающий перепись, то жена не может произнести имени мужа. Также из уважения и муж не использует имени жены; он может использовать его, традиция позволяет, но он не использует. Он позовет ее – если у него есть мальчик и имя мальчика, скажем, А или Б, любое имя,

–то он позовет ее так: «Где мать А или мать Б?» Но он не будет называть ее прямо по имени. Это просто традиционное уважение.

Так что, когда я начал говорить и люди начали чувствовать что-то по отношению ко мне, они сами начали называть меня «Ачарья».

Ачарья означает «Учитель», но не просто «Учитель», а нечто большее. На самом деле оно означает человека, который говорит только то, чем живет, чьи дела и мысли находятся в абсолютной гармонии. Так что почти двадцать лет люди называли меня «Ачарья».

Это было до того, как я начал посвящать людей. Со всей Индии люди обращались ко мне с просьбами посвятить их. Но я ожидал нужного момента, и я никогда не позволял никому диктовать мне. Я просто жил в соответствии с моей собственной спонтанностью. Многие годы люди говорили мне, что хотели бы, чтобы я посвятил их в санньясу. И я говорил им:

«Подождите. Пусть наступит момент, когда я почувствую».

День настал. Я принял лагерь медитации глубоко в Гималаях, в Кулу-Манали, одном из красивейших мест в мире. Оно называется «долина богов», оно так прекрасно, просто как из иного мира. Когда вы входите в Кулу-Манали, вы начинаете чувствовать себя входящим в другой мир. В последний день пребывания в лагере пришло ко мне: «Теперь настал момент»,

– и я объявил: «Кто хочет быть посвященным, я готов». Немедленно встали двадцать один человек. Они приняли санньясу. И тогда для них возник вопрос, как называть меня. Все остальные называли меня «Ачарья»; теперь для них этого было недостаточно. Я стал для них кем-то гораздо более важным, гораздо более значительным, гораздо более близким. Они подошли очень близко к моему бытию, и они решили называть меня «Бхагаван».

Они спросили меня, я сказал: «Это очень хорошо, поскольку для меня это очень значительное слово: тот, кто благословен».

Для меня это слово не означает «Бог», не означает «создатель», оно просто означает «тот, кто благословен»: тот, кто дома, кто добрался; тот, кто нашел; тот, кто повстречал себя.

Тогда нет ничего, кроме благословения, и благословение проливается над ним. День за днем на него изливается благословение.

Поэтому запомните, Бхагаван не имеет ничего общего с Богом.

Это нечто определенно относящееся к божественности, поскольку божественность – это то, в чем заключается достижение дома, возвращение домой.

Это то, что делает вас «тем, кто благословен».

Беседа 4

ОПИУМ, НАЗЫВАЕМЫЙ РЕЛИГИЕЙ

2 ноября 1984 года

Бхагаеан, Вы мессия?

Нет, Шила, абсолютно нет. Сама идея в корне неверна. Не только я не мессия, но никогда не было и никогда не будет никакого мессии.

Вам нужно будет углубиться в эту концепцию. Идея мессии – вторичная идея. Сначала вы должны верить в Бога, как в личность, только после этого вы можете начать думать о Боге, посылающем специальных посланников, мессий.

Для меня совсем нет личностного Бога, который мог бы послать мессию.

Мне вспомнился очень красивый инцидент с одним из самых знаменитых мусульман – Халифом Омаром. Халиф в мусульманстве – аналог папы в христианстве; он одновременно и религиозный, и светский глава. Омар был очень хорошим и добрым человеком. Однажды его солдаты привели на его суд человека, которого провозглашали новым посланником Бога, мусульманское слово для этого – паигамбара.

Мусульмане верят, что последним паигамбарой является Мухаммед, он – последнее слово, посланное Богом. Поэтому теперь нет никакой потребности в другом паигамбаре. Это порочная логика, очень странно, что миллионы людей продолжают верить, не поднимая даже простого вопроса. В книге, в Коране, которая, как говорит Мухаммед, является посланием Бога... она ниспослана ему; он не писатель, он только получатель. И в Коране говорится, что Мухаммед – последний паигамбара и больше не будет необходимости ни в каком другом паигамбаре. Поэтому мусульмане настроены очень резко против всякого, кто говорит, что он паигамбара.

Омар приказал своим солдатам бросить этого человека в темницу: «Дайте ему семь дней подумать, а через семь дней я приду в темницу. Если он все еще будет настаивать, что он паигамбара, то он будет немедленно обезглавлен. Если возьмет свои слова обратно, будет немедленно отпущен». Через семь дней невыносимых мучений – человека привязали к столбу и били день и ночь, почти не давали спать и есть – как раз на седьмой день Омар не смог узнать в нем того человека, так сильно его били и мучили. Он был прикован цепями к столбу, обнаженный, все тело в крови, так сильно его били кнутом. Омар спросил: «Я надеюсь, к тебе вернулся твой здравый смысл». <

Человек засмеялся и сказал: «О чем ты говоришь? Это доказало, что я самый последний паигамбара, самый последний посланник. Поскольку, когда я расставался с Богом, Он сказал мне: «Тебя будут мучить, бить», – так и получилось».

Омар не мог поверить этому. И как раз в этот момент другой человек, который был привязан к другому столбу и которого мучили уже месяц, закричал: «Омар! Не верь этому человеку, он все врет. Я не посылал его своим последним посланником». Месяц назад этот человек был схвачен за то, что объявлял себя Богом.

У этих людей мания величия. Это определенное психическое заболевание. Вы хотите превосходить всех, быть выше всех. Вы хотели бы быть президентом страны, премьер-министром, королем, королевой, но это трудно – такая большая конкуренция. Только один человек во всей стране может быть президентом, а вся страна глубоко внутри себя стораает, все жаждут быть выше, поверх голов всех остальных, быть чем-то особенным, уникальным. Теперь такие люди могут найти очень простые пути. Объявить себя мессией... для этого нет выборов, на это не нужна ничья санкция. Можно написать книгу, в которой вы объявляете себя мессией. Это порочный круг. Книга истинна, поскольку написана мессией, а вы мессия, поскольку так написано в истинной книге.

Какие еще свидетельства имеет Иисус о том, что он мессия, кроме его собственных утверждений? Что есть у христиан для доказательства того, что Иисус – мессия? Потому что так написано в Новом Завете... А Новый Завет – не что иное, как утверждения этого человека. Видите порочный круг? Они

истинны, потому что исходят от мессии, а он мессия, потому что так написано в истинной книге.

Иисус не был таким плохим человеком, что его надо было распять, — его единственное преступление было в том, что он объявил себя мессией. Но и в этом нет ничего, о чем нужно было бы беспокоиться. Если кто-то думает, что он мессия, он не причиняет вреда другим; пусть себе радуется. Но евреи не могли допустить этого. Поэтому я должен буду углубиться во всю эту концепцию и в историю Иисуса.

За распятие Иисуса несет ответственность Моисей.

Никто так не говорил ранее, поскольку временное расстояние между Моисеем и Иисусом — три тысячи лет. Но я говорю вам, что Моисей несет ответственность за распятие Иисуса — по двум причинам. Во-первых, он объявляет, что собирается прибыть мессия, который разрешит все проблемы, все трудности. Это было чистой политикой.

Евреи были рабами в Египте. Моисей был великим лидером, наделенным божьим даром, одним из величавших лидеров, которого когда-либо знал мир. Он убедил этих рабов, что они могут быть свободными, и не только это: что они народ, избранный Богом. Эти рабы были, во всяком случае, удовлетворены тем, как жили. Ситуация была не очень удобная. Они были бедными, их человеческий образ был почти разрушен. На них смотрели не как на человеческие существа, на них смотрели хуже, чем на животных. И постоянная работа... бессмысленная работа.

Видите эти пирамиды... все эти пирамиды построены евреями. Ученые сейчас удивляются, как перемещались такие огромные камни на расстояния во многие мили, поскольку поблизости нет каменоломен; каменоломни расположены на расстоянии многих миль. Как перемещались эти огромные камни? Не было кранов, не было возможной технологии. Они перемещались просто людьми, евреями. И потом, положить эти камни друг на друга и построить эту огромную пирамиду высотой до неба было почти невозможной задачей. Это было возможно только при наличии огромной массы рабов.

Итак, евреи перемещали эти камни — один камень могли передвигать сорок, пятьдесят человек, — а вокруг них на лошадях разъезжали египтяне, которые постоянно били их, чтобы не было остановки. Люди умирали и немедленно замещались другими рабами. Сколько людей умирало при постройке одной пирамиды — трудно теперь подсчитать. При постройке этих глупых, совершенно бессмысленных пирамид умерли миллионы людей.

Но человеческое эго... Каждый египетский царь и царица хотели, чтобы их могила, — а это все могилы, — чтобы их могила была самой большой, самой высокой, самой изысканной. И каждый царь и царица, поскольку у них не было уверенности, что после смерти их преемники приложат так много усилий — пирамида не строится в один день; Рим может быть построен в один день, но пирамиды не строятся за один день, — итак, каждый царь и царица сооружали их сами. Начиная с момента своего воцарения, они начинали копать себе могилу, готовиться, поскольку постройка пирамиды занимала тридцать, сорок, пятьдесят лет. Умирали миллионы людей.

И Моисей был, должно быть, потрясюще сильным лидером, если убеждал этих рабов: «Вы можете сбросить это рабство, вы созданы не для этого. Напротив, вы — раса господ;

вы — немногие, избранные Богом». Это был огромный качественный скачок — от рабства к расе господ. Моисей сделал чудо! Но если просто убедить людей, дать им мечты, прекрасные мечты, дать им надежду, дать им утопию, то исполнить все это не так просто, и Моисей очень скоро понял это. Он вывел рабов из Египта, дав им надежду: «Скоро мы достигнем земли обетованной, Израиля. Там все вы будете блаженны и счастливы и у вас будет все».

Сорок лет они скитались по пустыням Среднего Востока. Израиля не было. За эти сорок лет скитаний они претерпели больше страданий, чем они когда-либо имели в Египте. Вы удивитесь, узнав, что из четырех человек трое умерли. К тому времени Моисей решил остановиться вблизи Иерусалима, он потерял почти всех людей; осталась только четвертая часть. Сорок лет — большой срок. Люди, что были молодыми, состарились и умерли. На самом

деле, то были новые дети, родившиеся в пути, и новые молодые люди. У них не было понятия об Египте, они видели только страдания от скитаний по пустыне.

Если вы скитались по пустыне, вы поймете, что значит скитаться сорок лет без пищи, без воды, просто испрашивая подаяния везде, где можно найти людей, какой-нибудь караван, какой-нибудь оазис. Люди умирали от голода, люди умирали от жажды. Люди просто умирали от того, что год за годом они брели по пескам. Сорок лет – большой срок.

И запомните, Моисей остановился не потому, что он нашел Израиль. Он остановился потому, что сам уже пресытился; он должен был остановиться где-нибудь. Теперь он понял, что очень просто спровоцировать людей, дать им прекрасные мечты, ободрить их, дать им надежду, но очень трудно материализовать это. Поэтому он должен был дать им новые надежды снова; это лишь опиум, как-то поддерживающий в людях жизнь. Поэтому он сказал: «Не беспокойтесь, наши усилия не напрасны. Мы достигли земли».

А какой земли он достиг? Иерусалим – ничто, пустыня. А люди думали о реках из меда, о реках из молока. Они думали о рае – вот что нарисовал им Моисей. И когда они остановились в Иерусалиме, почти мертвые, поскольку отказались двигаться куда-нибудь дальше... с них было достаточно. Сорок лет их тащили, подталкивали и говорили: «Мы достигаем, уже близко, еще всего несколько дней».

Несколько людей были настолько разочарованы, что оставили Моисея. Это то, что называют последней трибой, племенем, то, что не потеряно; они просто ускользнули, видя тщетность всего дела. Они ускользнули и по счастью добрались до лучшего места: они добрались до Кашмира в Индии. Сам Моисей устал, его люди устали.

Он снова дал им надежду – так делают все лидеры, лидеры всегда делают только это – опиум, называемый надеждой, надеждой на то, что завтра будет лучше. «Забудьте вчера, с ним покончено, и не слишком беспокойтесь о сегодня, оно увядает. Завтра, пусть наступит завтра, и все будет хорошо», – но завтра никогда не наступает.

Моисей поступил так же. Он сказал: «Не беспокойтесь, мы нашли то место». Глубоко внутри своего сердца он знал, что ошибся, полностью ошибся; зная то или не зная, он обманул этих бедных людей. Они были в нищете, они страдали, но то были не такие нищета и страдания, как теперь. Но Моисей не мог признаться в этом; сказать так было бы по-настоящему фатально. Поэтому он сказал: «Мы нашли то место. Я теперь стар. Мессия придет скоро. Бог обещал мне; Он пошлет мессию, который спасет вас, который будет вашим спасением». И лишь чтобы дипломатично скрыть свое лицо, он сказал:

«Я должен вернуться назад, поискать потерянную трибу».

То была просто стратегия бегства от реальности, вставшей перед ними. Рай не открыл своих дверей, и люди приходили в гнев. Возможно, они убили бы Моисея. Было опасно, поскольку это был человек, из-за которого и возникла вся эта проблема. Иначе они жили бы как-нибудь и были бы удовлетворены, смирились бы со своей судьбой.

Я знаю бедных людей, предельно бедных, у которых ничего нет; им даже трудно добыть себе пищу на один раз в день. Иногда они просто вынуждены пить воду и спать – воду, чтобы наполнить свои пустые желудки и почувствовать, что там что-то есть. Но они по-своему удовлетворены, они смирились со своей судьбой, они не думают, что может быть лучше, чем есть. Можно спровоцировать их. Можно очень легко заронить искру в их умы – просто дайте им надежду. Но рано или поздно они возьмут вас за горло: «Где наши надежды?»

Такой была ситуация, когда после сорока лет Моисей оставлял их. Оправдание было таким: «Я собираюсь искать людей, потерявшихся где-то». Он не вернулся – он умер в Индии. Я был на его могиле. Вы удивитесь, узнав про это великое совпадение: что и Моисей, и Иисус – оба умерли в Индии. И могилы обоих находятся в одном месте, в Кашмире.

Люди, сбегавшие от Моисея, а караван был длиной в мили, нашли лучшее место. Возможно, если бы Моисей повернул к Кашмиру, он мог бы рассказать

своим людям, что это рай. Это рай. Он так прекрасен, так потрясающе прекрасен, что сбежавшие люди никогда больше не беспокоились, куда же ушла вся компания, где Моисей. Они просто осели в Кашмире. Кашмир еврейский – позднее их заставили принять ислам и они стали мусульманами, но можно взглянуть на их лица, на их поведение и станет так очевидно, что они не принадлежат к Индии. Они не арии, и они не мусульмане; они евреи. Как раз несколько дней назад была убита Индира Ганди. Она была потомком этих евреев – посмотрите на ее нос.

Только Моисей один несет ответственность за идею грядущего мессии. И тогда многих объявляли мессиями; Иисус не был единственным. Было много других, и все они страдали. Иисус являл собой наиболее возмутительный случай. Он объявил, что он и есть обещанный мессия, в этом было его преступление. Почему евреи думали, что это преступление? Я чувствую, что, возможно, они были правы.

Я не могу сказать, что они были правы, распиная Иисуса, – я не поддерживаю никакого насилия, и это было абсолютно незаконно. Они могли разрешить ему, допустить его... Он разъезжал на своем осле, объявляя себя мессией; можно было бы посмеяться и порадоваться тому, что казалось правдой. И кто следовал за ним? Всего несколько человек, необразованных, некультурных, попавшихся в его сети, поверивших, что он искупит их прегрешения, что он покажет им путь и поведет их к Богу, – совсем немного, даже не сотня-. Его можно было терпеть. Он не представлял никакой опасности для иудаизма.

Но я могу понять, почему иудеи не могли терпеть этого человека. Иначе он был бы просто шутком, они могли бы смеяться над всем этим: «Посмотрите на мессию с его ослом и двенадцатью глупыми последователями. Вот мессия, вот обещанный мессия!»

Но есть некоторая психологическая причина, по которой они должны были распять этого человека. Они не хотели, чтобы была разрушена их надежда. Запомните, они никогда и никого не примут как мессию. После Иисуса пытались и некоторые другие.

Но евреи не примут никого в качестве мессии, потому что принять кого-то означает потерять надежду, а они так много страдали, что надежда – единственное их сокровище. Иисус – хороший парень, но психологически неуравновешенный. Иначе он постарался бы помочь людям стать более целостными, более земными, более центрированными, более медитирующими. Если бы у него что-то было за душой, он должен был бы разделить это с другими. Не было нужды объявлять себя мессией и вызывать ненужное распятие.

В этой ситуации, кажется, был некоторый элемент самоубийства. Он прекрасно все понимал; день его распятия не был неожиданным. Он знал о нем заранее. На последнем вечере со своими учениками он сказал себе: «Завтра придут схватить меня. Завтра я буду распят». И какая была потребность идти в Иерусалим? Если вам уже известно то, что вас ждут, чтобы распять... Не было у него никакой причины идти в Иерусалим. Но его тянуло: как магнит притягивает кусочки металла, его тянуло к своему распятию.

В нем, кажется, была склонность к самоубийству, и я, по крайней мере, не могу простить ему этого. Ему было только тридцать три; после семидесяти все в порядке, можно наслаждаться идеей смерти, но в тридцать три года – это начало жизни. И он учил только три года. Что можно сделать за три года? Скольких людей он убедил? Сколько людей было с ним? За три года он не мог дать философскую систему, целую идеологию, методологию преобразования человека – ничего.

Все, что он дал, – это очень простые сентенции, более или менее усвоенные от вековой мудрости. Они не новые, в них нет ничего нового. Да, он снова и снова говорит: «Старые пророки говорили вам: «Следуйте закону око за око», – или что-то подобное, но я говорю вам, что, если кто ударит тебя в одну щеку, обрати к нему другую. Я говорю вам: «Любите врагов ваших, как любите вы себя». Это выглядит основательно, но это не слишком оригинально.

До своих тридцати лет он путешествовал в Египет, в Индию, в Ладакх, в Гималаи. Я был в Ладакхе и видел древнюю библиотеку ламаистского монастыря в Ладакхе, в которой есть запись, в которой [^] запись всех посетителей, приходивших в монастырь – в [^] буддийский монастырь в Ладакхе. Иисус был одним из с тителей. И все его данные прекрасно описаны: время посещения, его возраст, как он выглядел, каковы особенности его учения – все описано. И ученые просмотрели эти старые страницы – они как листья определенного дерева – и нашли, что им точно две тысячи лет, они не новы.

Так что он собирал все это из внешних источников, поэтому и выглядел очень оригинальным для евреев; но для меня он не может быть оригинальным. До него о любви говорил Будда, о любви говорил Махавира – за пятьсот лет до Иисуса о любви в Китае говорил Лао-цзы. А то, что говорит Иисус, почти то же самое.

Его учение было бы новым, если бы он добавил к нему что-нибудь от своего переживания. Например, я хотел бы сказать вам... Иисус говорит: «Любите врагов ваших, как любите вы себя». Прежде всего, вы не любите себя, запомните, вы – это последний человек в мире, которого вы любите. Поэтому говорить человеку: «Любите врагов своих, как любите вы себя», – странно, поскольку никто не любит себя.

Думали ли вы когда-нибудь над этим? Любите ли вы себя? Имеете ли вы к себе хоть какое-нибудь уважение?

Забудьте о любви, забудьте об уважении; принимаете ли вы себя таким, какой вы есть? Это осуждение себя; вы хотели бы быть кем-то другим, вы не хотите быть собой – совсем не хотите.

Иисус совсем не думал о том, что говорит. Проще любить врагов, чем себя. Не так трудно любить врагов, потому что это дает вам почувствовать себя таким высоким, таким превосходящим все мирское, таким особенным. Но любить себя... так вы не станете превосходящим других.

Вы даже не смотрите на себя. Вы даже не смотрите внутрь себя, не смотрите на то, что вы несете от самого вашего рождения. Что вы есть такое? Пытались ли вы когда-нибудь встать лицом к этому?

И во-вторых, всякий, кто действительно оригинален и думает о любви, должен знать одну вещь: вы можете любить только при условии, что вы можете ненавидеть.

Вы не можете любить, если стали неспособным ненавидеть.

Вы можете любить кого-то, поскольку вы способны ненавидеть кого-то другого.

У вас есть друг, вот почему вы можете иметь врага.

Вы не можете полностью разрушить ненависть и при этом сохранить любовь; они – две стороны одной монеты.

Когда исчезает ненависть, исчезает и любовь. Это мое переживание.

Будда тоже учит любить и не ненавидеть. Иисус тоже учит любить и не ненавидеть; Махавира тоже учит любить и не ненавидеть. Но я говорю вам: «Если вы не ненавидите, вы не можете любить». Все эти люди говорят интеллектуально.

Они не вгляделись в энергию любви и ненависти, в то, что это одна энергия. Любовь, перевернутая вверх дном, становится ненавистью; это она же, стоящая на голове, вот и все. Это не какая-то другая сущность.

Так что, когда исчезает ненависть – я говорю вам, исходя из своего собственного переживания, – когда исчезает ненависть, исчезает и любовь –

А то, что остается, – просто сострадание.

Это нельзя назвать любовью – любовь слишком пылкое слово, слишком горячее слово. Что остается, когда уходят любовь и ненависть, – я буду говорить «любовь-ненависть» и опускать «и», поскольку они едины, – когда любовь-ненависть исчезает, тогда остающаяся энергия есть сострадание. Оно не имеет дополнения; это не любовь и не ненависть. У него нет ни друзей, ни врагов. Этого не поняли ни Будда, ни Махавира, ни Иисус.

Итак, что же он делал в течение трех лет? В возрасте тридцати лет он просто повторял все, что собрал во «время странствия по известному тогда миру, он просто повторял, как попугай, не имея никакого своего понимания.

Но поскольку он говорил так много прекрасных слов, то оказался сам заипнотизированным своими собственными словами и начал думать, что является мессией, которого ждали евреи.

А евреи никогда не собирались никого принимать – даже если снова явится Моисей, они не примут его как мессию по простой психологической причине: принять кого-нибудь как мессию означает отбросить надежду на будущее. Тогда нет завтра. Тогда нет больше утопии. Они должны были распять Иисуса, просто чтобы спасти свою надежду. Надежда имела гораздо большее значение, чем распятие Иисуса, который в любом случае стремился умереть. Ему нельзя было позволить разрушать надежду целого народа.

Поэтому будет не совсем правильно выступать абсолютно против священников великого храма евреев, которые решили распять Иисуса, поскольку этот человек разрушал их надежду, их мир грез. У них не было ничего. Во времена Иисуса они были под правлением Рима, они снова были рабами; они бежали из Египта понапрасну. Все те страдания, все те сорок лет огромных страданий и тяжелой доли – и что же они выиграли? Израиль был под Римским императором. Они снова были рабами, снова платили налоги, теперь римлянам, снова подвергались побоям, теперь со стороны римлян; снова рассматривались как рабы, теперь римлянами... неполноценные люди...

У них была только одна надежда – надежда: «Придет мессия и спасет нас ото всех наших несчастий». И теперь этот человек говорит: «Я – мессия». И они знают: он не может спасти их от их несчастий; они знают его, знают, кто он такой. И когда они распинали его, то говорили: «Теперь спаси самого себя! Попроси своего Бога, попроси Бога, о котором ты постоянно говорил: «Я единственный рожденный сын Божий», – попроси его теперь: «Отец, помоги мне. Вот момент сотворить чудо. Когда еще такой момент наступит снова, когда еще будут распинать твоего единственного рожденного сына?» Но небо молчит; ответа нет, никто не отвечает тебе».

Они говорили Иисусу: «Это была твоя галлюцинация, что ты единственный рожденный сын Божий. Это был твой сон, в который ты начал верить, поскольку несколько людей, несколько глупых людей поверили твоим словам. Они поверили в свою веру в тебя». Это стало ясно на кресте. Они сказали Иисусу: «Небо пусто, и нет ответа на твою молитву». Евреи сказали: «Посмотрите, вот мессия, собиравшийся спасти все человечество – он не может спасти даже себя».

Я не мессия, я не даю вам никакой надежды. И я хотел бы действительно напомнить вам, что никто не может спасти вас, – вся эта идея неверна. Вы создали свое рабство, как я могу освободить вас?

Вы сбросите свое рабство и будете свободными. Вы любите ваши цепи и хотите, чтобы я спас вас. Вы говорите абсурдные вещи.

Вы причина своих несчастий и страданий, и вы хотите, чтобы я освободил вас от ваших страданий и несчастий. А вы будете продолжать сеять то же семя, оставаться теми же самыми людьми, лить воду на ту же мельницу.

Кто может спасти вас? И почему кто-то должен спасать вас.

В этом нет моей ответственности – спасти вас. Не я сделал вас такими, какие вы есть; вы сами сделали себя такими, какие вы есть.

Моя функция здесь не такая, как у мессии, который просто говорит: «Верьте в меня, и вы спасены».

Очень простая стратегия: «Вам ничего не надо делать для вашего собственного изменения, преобразования; вам совсем ничего не нужно делать, просто верьте в меня. Не допускайте возникновения никаких сомнений». Вот целая стратегия веры.

Вы не можете избежать сомнения; везде, где существует вера, сомнение просто подавляется. Если нет сомнения, не нужна никакая вера. Из-за сомнения нужна вера, чтобы подавить его, прикрыть его.

И условие таково, что не должно быть сомнения; вы должны верить в меня без всякого сомнения, и я спасу вас.

Вы не можете ни исполнить это условие, ни спросить меня: «Почему я не спасен? Условие таково, что оно не может быть выполнено. Я могу сказать, что это вы не выполнили основного условия; контракт не был выполнен с вашей стороны, что я могу поделать? Вы согласились верить в

меня без сомнения, что абсолютно невозможно. Никто не может так, это не соответствует природе вещей.

Вера всегда существует рука об руку с сомнением. Она существует для сомнения.

У меня совсем нет веры ни во что, поскольку у меня совсем нет сомнения ни в чем. Если нет сомнения, то нет и потребности в вере. Болезни нет; лекарства не требуется.

Вы все время вливаете в себя веру, все больше веры; но вы просто загоняете сомнение все глубже и глубже в ваше подсознание. И чем глубже, тем опаснее, поскольку вы перестаете осознавать его.

Однажды вы будете думать, что верите, что вы верующий, что вы достигли веры, — потому что ваше сомнение ушло так глубоко во тьму вашего подсознания, что вы не можете больше видеть его.

Я хотел бы, чтобы вы ясно видели свое сомнение. Чем подавлять его любой системой верований, лучше вынести его в сознательный ум, встать к нему лицом. И когда вы стоите лицом к лицу с вашим сомнением, оно исчезает. И веры не требуется, сомнение просто испаряется.

Не следует подменять сомнение верой. Если вы подмените его верой, тогда перед вами будет очень странная дилемма:

просто поскребите немного вашу веру, и из нее потечет сомнение, полностью живое. Вера — как ваша кожа, под которой течет кровь.

Итак, моя основная точка зрения такова: вы несете ответственность за то, чем вы являетесь.

Если вы страдаете, вы сами ответственны за это. Не перекладывайте ответственность на кого-то другого, иначе никогда не освободитесь от страдания.

Как вы можете быть свободными, если я отвечаю за ваше страдание? Тогда, если я не освобожу вас, вы не сможете быть свободными; это в моих руках. И если это в моих руках, это может быть в руках кого-то еще.

Те, кто со мной, должны понимать это, как бы тяжело и больно ни было: это вы и только вы отвечаете за все, что случается, случилось, будет случаться с вами.

Когда вы примете на себя всю ответственность за себя во всем ее объеме, вы станете зрелыми.

Вы перестанете раздражаться гневом, вы перестанете искать мессию. Тогда не нужен будет никакой Иисус, чтобы спасти вас. И никакой Иисус не спасет вас — он эксплуатировал вашу ситуацию.

Евреи не позволили ему разрушать их надежду, их мечту, их будущее. Евреи страдали больше всех в мире, поэтому надежда им нужна больше, чем кому-либо еще. И они цеплялись за идею: «Мессия придет, и эти несколько дней страданий нечего и сравнивать с тем, что будет, когда придет мессия и спасет вас. И вы будете немногими, избранными Богом, а все остальные, наслаждающиеся сейчас и не страдающие сейчас, будут брошены в ад». Хорошее утешение! Иисус потревожил их утешение, их надежду; естественно, они разгневались. Иначе он не был бы опасным человеком. Но у него, определенно, был ум больного манией величия.

Я просто обыкновенный человек.

В продолжение сказанного я хотел бы рассказать вам о том, о чем меня спрашивают снова и снова. Индусы спрашивают меня: «Бхагаван, являетесь ли вы аватарой Бога, воплощением Бога?» Как евреи верят в мессию, так и индусы верят, что их страдания, их несчастья, их бедность кончатся, когда Бог спустится в форме аватары, как Кришна, как Рама.

Они спрашивали меня, и я говорил им: «Нет, совсем нет. Потому что вы такие идиоты... Рама был здесь, ваши страдания не изменились; Кришна был здесь, ваши страдания не изменились — Вы все еще спрашиваете? И я скажу вам, что ни Кришна не был аватарой, ни Рама не был аватарой».

Это их мания величия и ваша надежда, смешанные вместе, питают такую веру.

Джайны спросили меня: —«Являетесь ли вы тиртханка-рой?» Это их надежда, их слово для обозначения мессии, и вы удивитесь... это то, что делает меня совершенно больным...;

Махавира был двадцать четвертым тиртханкарой джай-нов. Они зафиксировали это число – двадцать четыре. Во времена Махавиры была очень большая конкуренция: было восемь человек, современников Махавиры, – Гаутама Будда один из восьми, – каждый из которых настаивал, что это он и есть двадцать четвертый тиртханкара. И все они критиковали остальных семерых.

Их критика не является разумной, их критика скорее оскорбительна. Например, даже Будда... то, что я говорю, заставляет меня испытывать боль. Даже Будда, которого я всячески уважаю, но которому я никак не могу помочь в этом. Я не могу уважать его за то, что он объявил: «Я настоящий тиртханкара, не Махавира». Махавира был старым. Будда был молодым; Махавира почти установился, Будда строил свое основание. Если бы он критиковал Махавиру рационально, научно, я полюбил бы его. Но он так не делал.

Будда старается выставить Махавиру на посмешище. Ведь джайны говорят, что тиртханкара всеведущий – обладает всеми качествами Бога – и может видеть все, прошлое, настоящее, будущее; вездесущий – может присутствовать повсюду или одновременно везде; всемогущий – имеет абсолютную власть надо всем.

Будда мог бы критиковать его словами: «Заявлять такие свойства кажется эгоизмом, а эго-это первое, что должно быть отброшено с пути. Вместо того, чтобы отбросить эго, вы делаете его больше, и больше, и больше – таким большим, что оно готово взорваться».

Будда выставляет Махавиру на посмешище. Он говорит:

«Что это за всемогущество?» Ведь живот Махавиры в его пожилом возрасте отказал. Ему было восемьдесят два, он непрерывно ходил пешком в течение сорока лет, ел лишь изредка. Один день он ел, а потом семь дней нет. Должно было так случиться, что он расстроит всю свою пищеварительную систему, и так оно и случилось. В возрасте восьмидесяти лет вся его пищеварительная система просто разрушилась. Он умер, возможно, от язвы, от рака, от чего-нибудь еще – никто не знает, но от чего-то, связанного с животом. Живот просто отказался функционировать. Это его вина; никто не несет ответственности за это.

Ночью джайнский монах не может пить воду – и это в такой жаркой стране, как Индия, в самой жаркой ее части, в Бихаре... Жарким летом, когда солнце опускается, ничего даже нельзя положить себе в рот, ни пищи, ни воды, ничего. И он должен есть только один раз, и то не сидя, а стоя, поскольку сидя – это слишком шикарно и удобно. Если он увидит мое кресло, то сойдет с ума, просто покроется пятнами.

Он ест стоя и не может пользоваться ничем, только своими руками – ни кастрюлей, ни посудой, ничем, поскольку это владение, а он не владеет ничем. Так что он должен использовать свои руки, как чашку, пища подается ему в руки, и так он ест. Это неудобно, очень неудобно, поскольку обе руки заполнены, как теперь есть? Я пытался, но безуспешно... нет, действительно, просто перед зеркалом, безо всякой пищи в руках. Но когда обе ваши руки заняты, чтобы держать пищу, тогда вы вынуждены есть, совсем как животное, прямо ртом. Он не может есть много, потому что может наполнить свои руки только один раз. Сколько может он удержать в руках? Так же он должен пить воду. Кроме того, он обнажен. Эти качества предписаны древней традицией джайнов для тир-тханкары, и он выполнял эти качества любой ценой.

Тиртханкара не может принимать пищу каждый день, поскольку утром, во время своей медитации, он принимает обязательство: «Сегодня я буду принимать пищу в определенном доме и только при выполнении определенных условий». Он может придумать такое... и он не должен говорить об этом никому, ну, например: рядом с домом должны висеть два банана, только тогда он может принимать пищу, иначе нет. Теперь можно отправляться за бананами и не найти ни одного. Пройдет иногда десять дней, и он будет ходить по всему городу и не находить выполнения своих условий. Эта мысль должна быть, по мнению джайнов, знаком того, что существование не хочет, чтобы он принимал пищу сегодня.

Странно... тогда почему он испытывал голод? Почему он вообще шел куда-то? Если существование не хочет, чтобы он сегодня принимал пищу, не должно быть никакого голода -зачем он пошел вообще? Если я его встречу где-нибудь, я спрошу его: «Зачем ты идешь? Если само существование не хочет, то не будет голода, и у тебя не будет никакого побуждения ходить вокруг. Ты был голоден, это совершенно точно. Ты ходил по городу, но у тебя было странное условие, и оно было только в твоём уме. А люди не умеют читать в умах; не перекладывай ответственности на бедных людей». Иногда, по совпадению, случится так, что условие окажется выполненным, тогда он примет пищу.

И вот, вместо того, чтобы спорить о чем-то существенном, Будда выставляет Махавиру на посмешище, говоря, что если он всемогущий, то почему не может вылечить свой живот, зачем тогда звать врача? Он же всемогущий! Он всеведущий – он должен был видеть это до того, как оно случилось, ведь он знает прошлое, настоящее и будущее. И Будда смеется и говорит: «Я видел, как Махавира просит подаяние перед домом, где никто не живет. Он знает прошлое, настоящее и будущее, но не знает, что этот дом пуст, что внутри никого нет. Он наступил – ранним утром, когда еще было темно, – на хвост собаке; и только когда собака начала прыгать и лаять на него, он узнал об этом. И он всеведущий, знает прошлое, настоящее и будущее – он не знает даже, что перед ним собака!»

Это не аргументы, они ниже Гаутамы Будды. Но такая же ситуация была и с Махавирой. Махавира никогда не критиковал Будду по той простой причине, что у Будды еще не было установившегося имени. Он был молод, и Махавира не беспокоился об этом человеке. Но по отношению к остальным, кто мог показаться больше Махавиры, кто появился раньше него, кто был старше, он вел себя таким же образом, даже хуже. Другим претендентом на двадцать четвертого тиртханкару был Маккхали Госал. Поскольку эта линия должна была прекратиться: после двадцать четвертого не должно быть двадцать пятого.

Однажды я разбирался с одним идиотом... он джайнский монах – был монахом, поскольку джайны выгнали его. Я убедил его, что если может быть двадцать четыре тиртханка-ры, то почему не может быть двадцать пять? День за днем я продолжал спорить о двадцать пятом. Я сказал: «Объявите, что вы двадцать пятый». И он объявил. Его имя Свами Сатьябхакта. Он объявил, и в тот момент, когда он объявил, джайны выбросили его, сказав: «Ты даже не джайн... двадцать пятый!»

Он прибежал ко мне: «Вы убедили меня, что я двадцать пятый!»

Я сказал: «Я не несу никакой ответственности – Я просто обсуждал это с вами. Оказалось, что вы пришли к такому убеждению, что означает, что зерно таких мыслей уже было посеяно в вас; вы хотели, но не имели достаточно смелости, чтобы сказать об этом. Я просто придал вам смелости. Это было вашим желанием, иначе вы сказали бы: «Я удовлетворен. Я не хочу быть двадцать пятым». Я испытывал это и на других людях. Они не попались, так что я не несу никакой ответственности».

С тех пор он очень зол, поскольку теперь джайны не позволяют ему вернуться в их сообщество. Он просил прощения, но такой человек для джайнов... это подобно тому, как евреи были против Иисуса. По крайней мере, джайны не распяли его. Они просто выгнали его, отняли символы джайнского монаха и сказали ему: «Если ты скажешь это еще раз, мы потащим тебя на суд, поскольку в нашей традиции не может быть двадцать пятого».

Но он такой идиот... Я сказал: «Сделайте одну вещь. Скажите, что Махавира не был настоящим двадцать четвертым, это вы двадцать четвертый».

Он сказал: «Прекрасно? Эта мысль никогда не приходила мне в голову».

Я сказал: «Но запомните, я не буду нести ответственности за это, поскольку на этот раз они будут бить вас. За двадцать пятого они просто выгнали вас, поскольку вы сумасшедший. Но если вы скажете, что Махавира не был настоящим двадцать четвертым и было просто ошибкой, что двадцать пять веков джайны верили в это... И за это место состязались восемь человек, так что проблемы нет, вы тоже можете состязаться. Они были его современниками, поэтому, конечно, нет гарантии, что он был двадцать

четвертым. Но я не несу ответственности». И он не стал делать этого, побоявшись, что если он скажет, что он двадцать четвертый, то они просто убьют его.

Но сам Махавира вел себя неправильно по отношению к Маккхали Госалу, который был старше его и умер раньше Махавиры. А Махавира рассказал историю, которая так безобразна, что я не могу себе представить, куда подевались его ненасилие, его любовь и все такое.

Он рассказывал историю о том, что Маккхали Госал умер в публичном доме. Это абсолютный вымысел, придуманный им, чтобы опорочить Маккхали Госала: будто бы он умер в публичном доме и перед смертью сказал проститутке: «Я не настоящий тиртханкара, настоящий – Махавира. Но я был эгоистом и ревновал к нему, поэтому я всю свою жизнь боролся за то, чтобы называться тиртханкаром самому. Но теперь, когда я умираю, я хочу объявить истину. И здесь только ты, поэтому я говорю тебе; ты объявишь это другим. И поскольку всю свою жизнь я лгал, что я тиртханкара, но не был им – и знал это – пожалуйста, сделай так, ведь это мое последнее желание, чтобы мое тело протащили обнаженным по улице. Его не должны нести на плечах, – в Индии мертвое тело несут к месту сожжения четыре человека на своих плечах, – мое тело должны тащить по дороге, и каждый должен плюнуть на него, чтобы весь город узнал, что я был преступником».

Это абсолютный вымысел, поскольку Будда не упоминает об этом, когда говорит о жизни Маккхали Госала. Он умер, и поэтому конкуренции с Буддой не было. Он совсем не упоминает об этом, ничего не говорит об этом. И есть другие источники тех времен, которые не упоминают об этом. Маккхали Госал умер среди своих учеников, – а у него были тысячи учеников, и ему было оказано то же уважение, что и Махавире, когда тот умер. Но это описано в других книгах.

То, что говорит Махавира, – вымысел, абсолютный вымысел. И что человек в восемьдесят пять лет будет делать в публичном доме? Только подумайте об абсурдности этого. И кто эта проститутка, имя ее неизвестно, есть ли у кого спрашивать? Есть ли свидетели, видевшие, что его тело тащили? Нет ни одного. А то был величайший город тех дней, Ваисхали в Бихаре, где умер Маккхали Госал. И весь город сострял из его последователей. Даже царь был его последователем; царь был одним из четырех человек, несших его тело на своих плечах.

Так что это абсолютная неправда и абсолютная ложь – и это от такого человека, как Махавира, говорившего об истине, ненасилии, любви!

Вот почему я говорю, что все эти люди, называют ли они себя мессиями, или называют они себя паигамбарами, или называют они себя тиртханкарами, все еще коренятся в эго – очень изощренно, очень элегантно, очень тонко, так, что если у вас нет рентгеновских глаз, то вы не сможете проникнуть и увидеть их эго.

Мусульмане спрашивали меня: «Являетесь ли вы паигам-барой? « Это их слово для обозначения мессии... Мухаммед был абсолютно неграмотным человеком. И Коран, в котором собраны его высказывания, на девяносто девять процентов вздор. Вы можете просто открыть эту книгу в любом месте и почитать ее, вы тут же убедитесь в том, что я говорю. Я не говорю об определенной странице – в любом месте. Просто откройте книгу случайно и прочтите страницу – вы убедитесь в том, что я говорю.

Где бы ни был разбросан по Корану один процент истины, он не принадлежит Мухаммеду. Это просто обыкновенная древняя мудрость, которую легко собирают необразованные люди, гораздо проще образованных, поскольку образованные люди имеют намного больше источников информации: книги, библиотеки, университеты, ученые.

Необразованный, просто слушая старых людей, собирает несколько слов мудрости то здесь, то там. И эти слова значительны, поскольку они испытывались на протяжении тысяч лет и как-то доказали свою истинность. Так что это – мудрость веков, разбросанная здесь и там – Без нее Коран – самая обыкновенная книга, которая только возможна в мире.

Мусульмане спрашивали меня: «Почему вы не говорите по Корану? Вы говорили по Библии, по Гите, по тому, по другому». Я не мог сказать им,

что все это вздор; я просто тянул с ответом. Даже перед тем, как я ушел в безмолвие, один мусульманский ученый прислал мне последнюю английскую версию Корана, умоляя поговорить по ней. Но сейчас я должен сказать, что все это вздор. Вот почему я не говорил по ней, зачем понапрасну тратить время? И это от паигамбары, посланника Бога'

Я не включаюсь ни в какие игры это: мессия, аватара, паигамбара, тиртханкара; я не имею с этими людьми ничего общего.

Я просто обыкновенный человек, как каждый другой. Если и есть какая-нибудь разница, она не в качестве; она только в познании. Я знаю себя; вы не знаете.

В том, что касается нашего бытия, я принадлежу тому же существованию, я дышу тем же воздухом. Вы принадлежите тому же существованию, вы дышите тем же воздухом. Вы еще не попытались познать себя. В тот момент, когда вы познаете себя, разницы не будет совсем.

Теперь же все в точности так, словно я стою и смотрю на восход солнца, а вы стоите рядом со мной с закрытыми глазами. Солнце восходит для вас точно так же, как оно восходит для меня.

Оно так прекрасно, так красочно не только для меня, но и для вас. Но что может солнце? Вы же стоите с закрытыми глазами. Вот единственная разница. Велика ли эта разница?

Вас нужно лишь встряхнуть и сказать: «Откройте глаза. Уже утро, ночь прошла».

Беседа 5

БЫТЬ МЯТЕЖНЫМ ЗНАЧИТ БЫТЬ РЕЛИГИОЗНЫМ

3 ноября 1984 года

Бхагаван,

Вчера Вы говорили нам о различных людях, спрашивавших Вас, были ли вы аеатарой, тиртханкарой, паигамбарой и так далее. Есть ли еще что-нибудь, что Вы хотели бы рассказать нам?

Да, есть несколько вещей. Я не хотел бы, чтобы меня помещали в одну компанию с этими людьми, которых называют мессиями, паигамбарами, аватарами, тиртханкарами. Я просто обыкновенный человек, и мне эта компания отвратительна.

Позвольте мне привести несколько примеров: индусы верят, что Парашурама — одно из воплощений Бога. Парашу-рама убил свою мать, поскольку его отец подозревал...

На самом деле, почти каждый муж подозревает жену, каждая жена подозревает мужа. Само явление брака существует из-за того, что жена и муж не могут доверять друг другу, и поэтому между ними нужно поставить закон. В противном случае было бы достаточно любви.

Но никто не доверяет любви, и есть причина не доверять ей. Настоящий цветок розы цветет, распространяет аромат и умирает. Лишь пластиковый цветок розы не рождается, никогда не умирает.

Любовь, чтобы быть настоящей... 'вы должны понять. Однажды она возникает, расцветает, цветет, но нет ничего вечного. Она увядает, исчезает, умирает. Нельзя доверять ей.

Вместо любви между вами нужно внести закон. Закон —пластиковая вещь. Вот что такое брак — любовь становится пластиковой.

Теперь вы можете отдыхать, уверенные, что закон восторжествует. Любовь умрет быстрее, чем она умерла бы без брака. Но вы будете продолжать притворяться, что она есть, и поэтому будете подозревать.

Истинные возлюбленные поймут это — было что-то потрясающе прекрасное, оно наполняло их, оно переносило их в иное измерение, но теперь это уходит.

Истинные возлюбленные будут благодарны друг другу. Они не будут ссориться. Они дали друг другу несколько мгновений бесконечного — они будут помнить эти мгновения, но между ними не будет недоброжелательности. И они расстанутся друзьями, чрезвычайно благодарные друг другу.

Пока есть любовь, все правильно. Когда нет любви, все безобразно. Муж, живущий с женой, которую он не любит, жена, спящая со своим мужем, которого она не любит, что они делают? Это ли не проституция?

Весь институт брака – это не что иное, как узаконенная проституция... Естественно, отец Парашурамы подозревал свою жену, ведь она была чрезвычайно красива. Он приказал Парашураме обезглавить ее. Пока она спала как-то ночью, он сказал ему: «Иди и отруби ей голову». И Парашурама, – чтобы последовать приказу отца, ведь индусы называют покорность великим религиозным свойством, – отрубил голову своей матери. И его уважают как воплощение Бога.

Вы хотите включить меня в эту компанию?

И это не единственный случай, когда он убил свою мать и доказал свою покорность, которая, по мнению индусов, является одним из самых религиозных качеств...

Все религии верят в то, что вы должны покоряться. Ни одна религия никогда не говорила, что быть мятежным – это быть подлинно религиозным.

Это я говорю вам: быть мятежным, быть бунтовщиком – значит быть религиозным.

Покорность – стратегия священников, политиков, чтобы эксплуатировать вас, держать вас в рабстве, в умственном рабстве. Все религии восхваляют покорность.

... И когда он совершил это убийство, – а убить свою мать это не обыкновенное убийство, причем он даже не спрашивал, почему, поскольку истинная покорность никогда не спрашивает, почему, – тогда его отец сделал его профессиональным убийцей. Его отец был великим священником, и тут был конфликт между священником и воином, священником и политиком.

Итак, его отец сказал: «Ты уничтожишь всех воинов страны, всех политиков страны», – так брамины, священники становятся и светскими руководителями, и духовными лидерами. Так же, как папа в его крошечной империи, Ватикане, в которой всего восемь квадратных миль, – наша коммуна намного больше, сто двадцать шесть квадратных миль, – но на этих восьми квадратных милях Ватикана папа один в двух лицах. Он является светским руководителем и духовным главой.

Вот это и старался сделать Парашурама. Естественно, брамины наградили его титулом аватары, воплощения Бога. Если Парашурама – воплощение Бога, то что же будет воплощением дьявола? История, может быть, преувеличена, как и все религиозные истории, – она говорит, что он тридцать шесть раз уничтожал всех воинов на земле, одной рукой. Возможно, что Чингисхан, Тамерлан, Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, Мао Цзе-дун – все вместе не убили столько людей, сколько Парашурама, но он по-прежнему аватара, воплощение Бога.

Я не аватара. Я предпочел бы быть обыкновенным человеком.

И так много прекрасного в том, чтобы быть обыкновенным, так много покоя, так много радости, так много блаженства, что кто же захочет быть мессией? Кто захочет быть паигамбарой?

Мухаммед – паигамбара. Он имел девять жен – это достойно паигамбары, поскольку в те дни престиж человека определялся тем, сколько у него жен, – он имел девять жен, и Бог выбрал его быть своим посланником в мире? Этот человек ведет себя с женщинами так, как будто они скоты. Он не уважает женщин. Он не верит, что они – человеческие существа.

Но это еще ничего. Если вы посмотрите на всю его жизнь, он непрерывно сражался, убивал. Он убивал, чтобы распространить слово Божье, он убивал, чтобы распространить послание о мире. Слово «ислам» означает «мир, покой». Это название его религии. Он обычно носил меч, на котором были написаны такие слова: «Я проповедую мир». На мече: «Я проповедую мир». При этом есть одно условие: если вы обратитесь в мусульманство, в ислам, вы спасетесь. В противном случае, для вашего же блага лучше, чтобы вы были убиты, поскольку это убийство, по крайней мере, предохранит вас от совершения многих грехов. Он был милосерден, убивая вас для вашего же собственного блага.

Вы хотели бы, чтобы я сидел рядом с Мухаммедом?

Индусы думали, что Парашурама был только ансавата-ра, что означает частичное воплощение Бога. Вторым самым важным воплощением является Рама, которому поклоняются по всей Индии. Он – воплощение Бога, которому больше всего поклоняются в Индии, но причины, почему ему поклоняются, те же.

У его отца было четыре жены. Рама был его старшим сыном, и когда отец почувствовал, что становится слишком старым и приближается смерть, он захотел возвести Раму на трон, как своего преемника. Но его четвертая жена, самая молодая и самая красивая, которую он выбрал совсем недавно... Ну вот, этот грязный старик, знающий, что скоро умрет, почти на смертном ложе, – зачем ему нужно было жениться в это время?

Она убедила его, что нужно послать Раму в изгнание, в леса за пределами царства, на четырнадцать лет, поскольку ее собственный сын к тому времени стал бы взрослым, а она хотела, чтобы он стал царем. И этот старик, ослепленный любовью к этой молодой женщине, безо всякой причины на четырнадцать лет сослал Раму, не совершившего никакого преступления. И индусы поклоняются ему, поскольку он покорился своему отцу: покорность традиции, своему отцу, своим предкам; покорность прошлому, покорность мертвым.

Сита, жена Рамы, последовала за ним, поскольку в Индии о женщине думают, что она истинная, подлинная, если она становится просто тенью своего мужа, лишаясь своей собственной души. Она последовала за ним, как тень, но была украдена из леса другим царем, Раваной. В течение трех лет Рама вынужден был бороться, собирать друзей, сторонников и сражаться с Раваной, чтобы вернуть свою жену. Он возвратил ее.

Но слова, которые он сказал ей, настолько безобразны, что я не могу представить себе, как человек, обладающий чувством собственного достоинства, мог произнести эти слова. Он сказал: «Послушай, женщина. Выброси из головы мысль о том, что я сражался за тебя. Это был вопрос моего престижа. Я могу получить тысячи таких женщин, как ты, и перед тем, как я приму тебя, ты должна будешь пройти испытание огнем. Ты должна будешь пройти через огонь. Если ты сможешь пройти живой, я буду знать, что ты чиста, что ты не изменила мне, что ты не обманула меня. Если ты не выйдешь живой, там и останешься».

Это странно; это похоже на двойной стандарт. Если Сите следует проходить через испытание огнем, то и он тоже должен подвергнуться этому испытанию. Он в течение трех лет тоже был один, живя среди тысяч других людей. Где гарантия его характера, его морали, его чистоты? Нет, это мир мужчин. Мужчина может спросить женщину о ее характере, но женщина спросить не имеет права.

История такова: Сита прошла испытание, вышла из огня живой. Тем не менее, когда они вернулись домой, в царстве оставалось великое подозрение: три года жена Рамы жила во дворце Раваны и Рама принял ее назад. Он прекрасно знал: она прошла испытание огнем, которое абсолютно ненаучно...

Можно пытаться что-то узнать таким образом. Дважды два – четыре. Вы говорите, дважды два – четыре; вы говорите истину – тогда кладите руку в огонь. Истинно или ложно ваше утверждение? Это будет решено. Огонь даст решение: верно ли, что дважды два – четыре, или пять, или шесть. И если вы сторите, то дважды два – не четыре; вы неправы. Любая даже маленькая вещь может доказать, что все это абсолютная глупость. Я спрашиваю вас: «Который час?» Вы смотрите на часы и говорите мне, который час. А я подношу к вашей руке пламя свечи, чтобы узнать, говорите вы правду или нет. Вы думаете, ваша рука не сторит? А если она сторит, тогда все, что вы говорили, было неправдой. Это может быть правдой только при условии, что ваша рука не сторит. Так вот, огонь не имеет ничего общего ни с вашим характером, ни с вашей математикой, ни с вашими часами. Огонь живет по своим законам. Он не имеет ничего общего с моралью.

...Видя, что ситуация повторяется в столице, в Айодхье, Рама снова бросил Ситу в лесу, поскольку люди подозревали ее в неверности, а это подозрение было опасно для его власти. Этот человек – политик, политик третьего разряда, а индусы поклонялись ему, как великому воплощению Бога!

Но он – лишь частичное воплощение. У индусов для вас есть еще больший сюрприз – Кришна. Он – совершенное, полное воплощение Бога – пурнаватара. И вы не сможете найти более изворотливого, более политического характера, чем Кришна. Вы удивились, что у Мухаммеда было девять жен;

что вы будете делать теперь, когда услышите, что у Кришны было шестнадцать тысяч жен? И не думайте, что это лишь история; нет, это факт.

В Индии незадолго до того, как Индия стала независимой, Низам из Хайдарабада имел пятьсот жен. Если в двадцатом веке человек мог иметь пятьсот жен, то вполне можно представить, что пять тысяч лет назад у человека могло быть шестнадцать тысяч жен; всего в тридцать два раза больше – не так много. И эти шестнадцать тысяч жен не состояли с ним в социальном, законном, общепринятом браке – нет, большинство из них были украдены у других людей. Они были женами других людей, насильно уведенными прочь. И этому человеку поклоняются как пурнаватаре!

Нет, я совсем не хочу быть в этой компании. Я совершенно счастлив быть просто обыкновенным человеческим существом, как вы.

Не впутывайте меня в трудности. Если я должен быть мессией, я должен ходить по воде. Иисус, должно быть, знал, где находятся камни в Галилейском озере, иначе нет другого способа ходить по воде. Тогда я должен буду творить чудеса, поскольку без чудес кто примет меня за мессию?

У меня есть друг, находящийся теперь в Бангладеш. Перед разделением Индии на Индию и Пакистан он был в Калькутте. Он был известен, как человек чудес, но для меня он был другом, и он, бывало, рассказывал мне, как он творит свои чудеса. Просто, для примера, я расскажу об одном чуде, которое он сотворил и стал известным по всей Бенгалии как величайший живущий волшебник. Что это было за чудо? Очень просто. На станции в Ховрахе он садится в поезд, идущий в Бомбей. Входит билетный контролер. Он спрашивает у всех, он спрашивает и у этого человека, одетого в зеленое одеяние суфиев; этот человек мусульманин...

Билетный контролер с уважением спрашивает его: «Баба, далеко ли вы едете? Будете ли вы так добры показать мне ваш билет?»

Он разгневался. Он сказал: «Никто никогда не требовал от меня предъявлять билеты. Я путешествовал всю свою жизнь – вы первый, кто проявляет такое неуважение ко мне».

Но билетный контролер был несокрушим, он сказал: «Я не разрешу вам путешествовать без билета. Я спрашивал вас уважительно, но теперь вопрос не в уважении – просто покажите свой билет, иначе выходите из поезда».

Баба сказал: «Я не выйду из поезда, если только вы не вытащите меня». Билетный контролер вытащил его из поезда.

Он встал на платформе и сказал: «Теперь я посмотрю, как двинется этот поезд».

Закрыв глаза, он стоит на платформе. Служитель показывает флаг, начальник станции показывает флаг; машинист делает все возможное, но поезд не двигается. Инженер осматривает все, что можно; все в порядке, все правильно, но поезд не двигается. Вокруг бабы собирается толпа. Все пассажиры выходят и начинают говорить, что поезд не движется из-за того, что оскорбили религиозного человека. Один человек кричит, что поезд не поедет, если билетный контролер не коснется ног бабы, не попросит у него прощения, с уважением не проводит его в поезд и не пообещает, что никогда не будет спрашивать билет у других суфиев в зеленом одеянии.

Даже начальник станции говорят билетному контролеру:

«Что делать?»

Билетный контролер отвечает: «Я действовал точно по закону, почему я должен касаться его ног?» А он брамин; для брамина коснуться ног мусульманина... «Не буду я касаться его ног. И почему я должен разрешать ему войти в поезд? Это незаконно, если я разрешу ему путешествовать без билета и пообещаю, что не только он может путешествовать без билета, но и другие, подобные ему, тоже могут путешествовать без билета. Тогда зачем я здесь? Я здесь для того, чтобы хватать людей без билета и выбрасывать их из поезда».

Но подбегает машинист, подбегает инженер, подбегает служитель, и все они говорят: «Ничего нельзя сделать, если баба против. Поезд не сдвинется».

И тысячи людей, путешествующих в поезде, хватают билетного контролера и говорят: «Вы коснетесь его ног; вы оскорбили великого человека».

Толпа так неистова, так сердита, так кровожадна, что билетный контролер, бедный билетный контролер, касается ног бабы, ведет его уважительно в поезд, извиняется и говорит:

«Я никогда не спрошу билет ни у одного суфия, путешествующего в поезде. Пожалуйста, простите меня».

Баба открывает глаза и говорит: «Хорошо, теперь поезд может двигаться». И поезд двигается.

Он рассказывал мне: «Это сделало меня знаменитым по всей Бенгалии. Но чудо было очень простым: билетный контролер, машинист и инженер – эти три человека были подкуплены. Как мог сдвинуться поезд?»

Я не делаю чудес; чудеса не случаются никогда.

Природа никогда не изменяет своих правил. Она безразлична к вам, Иисус ли вы, или Моисей, или Кришна, или Будда. Кто вы, не имеет значения; природа не предвзята, она беспристрастна, она просто следует своему собственному закону. Этот закон я называю дхармой, дао, логосом.

И истинно религиозный человек находится в гармонии с законом природы.

Человек, пытающийся творить чудеса, пытается обмануть природу, обмануть вас. Он не в гармонии с природой; он пытается показать, что он выше природы – он сверхъестественен.

Нет ничего выше природы; природа есть все и вся. Она содержит в себе божественность.

Ничего нельзя сделать против нее. Но можно дурачить дураков, которые хотят быть одураченными, которые жаждут быть одураченными. Поскольку они так пусты, они цепляются за того, кто могущественен, настолько могущественен, что может перешагнуть через естественные законы, настолько могущественен, что может идти против течения природы.

Я не учу вас идти против природы, я учу вас идти вместе с ней. Растворите себя в ней – будьте в состоянии полного восприятия. Пусть верховодит природа.

Не пытайтесь идти против течения, пусть поток несет вас, куда бы он ни направлялся; не боритесь с ним. Я учу вас не борьбе, я учу вас гармонии.

И для меня это величайшее чудо – быть в гармонии с природой, в полной гармонии с природой.

Вы с ней утром и вечером. Вы с ней в радости и в горе.

Вы с ней в жизни и в смерти. Вы не отклоняетесь от нее ни в одной точке, ни на единое мгновение.

Это полное согласие, это абсолютное согласие создает религиозного человека.

Бхагаван,

Епископ Дженкинс из Дархама был отлучен от церкви лордом Хейлшемом – лордом-канцлером, главой судебного ведомства Британии. Кроме того, член британского парламента назвал епископа «опасным шутником» за то, что тот охарактеризовал воскресение Христа как просто «фокус с костями» и сказал: «Моя вера в Бога заставляет меня поднимать эти вопросы о непорочном зачатии и воскресении из мертвых». Лорд Хейлшем не мог поддержать такие мысли.

Первое, что нужно понять о воскресении из мертвых, – это то, что его никогда не было и, прежде всего, потому, что Иисус никогда не умирал на кресте – это было подстроено.

Иудея была под римлянами, а Понтий Пилат был верховным правителем, наместником Рима в Иудее. Понтий Пилат не имел ничего против Иисуса. И самое большее, он думал о нем, как о немного горячем молодом человеке, что весьма естественно; таким и должен быть молодой человек. Но он не совершал никакого преступления, он не побудил никого другого совершить какое-нибудь преступление; и послать его на крест, что является

предельным наказанием, даваемым убийцам, представляется абсолютно нелогичным.

И он был культурным человеком. Он старался убедить верховного священника иудеев: «Я не вижу, какое преступление совершил этот человек. Даже если он говорит, что он сын Божий. Его утверждение никому не наносит вреда. Самое большее, он немного не в себе – но быть немного не в себе недостаточно для того, чтобы быть распятым. Если он говорит, что является мессией, которого вы ждете веками... Если вы думаете, что он не мессия, не принимайте его, как мессию; но он имеет полное право говорить о себе, что думает. Он не может заставить вас думать, что он мессия. Он не убивает людей, не говорит тем, кто не принимает его: «Я убью вас»».

И, по-моему, Понтий Пилат был совершенно прав. Итак, он и один богатый последователь Иисуса составили целый заговор. Он хотел, чтобы этот молодой человек был свободен. На самом деле, он по-своему влюбился в этого молодого человека, поскольку переодетым приходил на многие его проповеди, слушал и любил то, что он говорил. И более того, он любил то, как говорил Иисус, внушительность, с которой он говорил. Он слышал многих ораторов; он сам был великим оратором. Иисус не был оратором. Он говорил простые вещи, но они доходили до сердца. Все это воздействовало на Понтия Пилата, впечатляло его.

Его жена тоже ходила слушать Иисуса – конечно, переодетой, поскольку наместники и их жены не могут ходить слушать сына бедного плотника и сидеть рядом с невежественными, обыкновенными людьми. Его жена тоже была очень сильно поражена, поражена самим образом этого человека. В нем была какая-то божья искра, что-то магнетическое, так что даже хотелось верить в его нелогичные утверждения. Он имел своего рода гипнотическое влияние. Не бойтесь слова «гипнотическое». Слово «гипноз» просто означает сон. И когда я говорю, что он имел гипнотическое влияние, это просто означает, что пока люди слушали его, их разум отправлялся спать. Его нельзя было слушать без этого.

Понтий Пилат перед распятием даже вызывал его во дворец наместника, чтобы убедить его: «Не нужно говорить этих слов, не нужно говорить о царстве Божьем, потому что это создает путаницу. Ты говоришь о царстве Божьем, которое наступает после смерти, где-то на небесах. Но политики пугаются – царство Божье! – и говорят, что ты призываешь людей завоевывать царство Божье. Похоже, что вы используете условный язык и стараетесь... Священник пытался убедить меня, – говорил ему наместник, – что: «Он на самом деле революционер и стремится вывести страну из-под власти Рима». Священник сказал это просто для того, чтобы повлиять на наместника и убедить его, что Иисус является также и опасным политиком, что он должен быть распят».

Понтий Пилат сказал Иисусу: «Отбрось эти слова. Говори просто... «Я говорю о духовном измерении. Я не имею ничего общего с политикой и существующим царством». И зачем ты без необходимости говоришь, что ты – сын Божий, единственный рожденный сын Божий? Это вызывает у раввинов, у священников ревность, потому что ты пытаешься поставить себя выше их. Они лишь раввины, а ты единственный рожденный сын Бога! Ты создаешь себе ненужных врагов. Отбрось эти слова; говори просто то, что хочешь сказать людям».

Но Иисус был настолько же фанатиком, насколько был хорошим человеком. Это не противоречащие друг другу качества; можно быть очень хорошим парнем и, вместе с тем, в определенных вещах очень фанатичным. А Иисус был очень фанатичным. Он не мог слышать возражений тому, что говорил. В конце концов Пилат почувствовал, что этот человек невозможен. В конце концов он сказал: «Я задам только один вопрос: что есть истина, о которой ты постоянно говоришь? Что есть истина?» Вот вопрос, на который никто не может ответить, – никто, кто знает, никто, кто когда-либо пытался, хоть немного, искать истину».

Сократ говорил: «Я не знаю, что есть истина». Не обманывайтесь словами.

Бодхидхарма сказал: «Я не знаю даже себя». Не обманывайтесь словами. Эти люди имели определенный проблеск. Но крайней мере, одно они поняли очень хорошо: есть вещи, которые нельзя высказать, о которых нельзя говорить.

Иисус хранил молчание— Он не ответил, но это был его ответ; молчание было его ответом. Но для Понтия Пилата, человека изощренного, культурного, образованного, человека слов, это не было ответом. Это просто доказывало ему, что Иисус не знает. Он согласился со священником; но за кулисами он также согласился с одним учеником Иисуса, очень богатым человеком — только очень богатый человек мог быть допущен к наместнику.

И все было просто подстроено: что распятие должно состояться в пятницу, что оно должно быть задержано как можно дольше — почти до полудня пятницы... Способ, которым евреи обычно распинали людей, был очень мучительным, мучительным в том смысле, что проходило иногда двадцать четыре часа, прежде чем человек умирал. Ведь это был не электрический стул или газовая камера Адольфа Гитлера, где в течение секунд испарялись тысячи людей. Это был очень грубый метод: пригвоздить человека к столбу. Кровь сочилась капля за каплей, это требует времени.

Итак, это был заговор: вечером, когда солнце садится, он еще не будет мертв; он пробыл на кресте только шесть часов. Никто не умирал на еврейском кресте за шесть часов. Двадцать четыре часа, тридцать шесть часов, сорок восемь часов, даже шестьдесят часов нужно было людям, чтобы умереть. Какая же была стратегия? Из-за праздника субботы евреи прекращают всякую работу; в праздник нельзя делать никакой работы. И тело Иисуса должны были снять с креста через шесть часов, поскольку солнце садится; все работы прекращаются. Поэтому он был еще жив; он просто потерял немного крови. Он никогда не умирал на кресте.

Так что епископ, прежде всего, ничего не знает. Он говорит, что: «Я не верю, что Бог колдует с костями и творит чудо воскресения». Как можно колдовать с костями? Он ничего не знает о реальности, о фактах. Но он, по крайней мере, честный человек. Он рисковал своим епископством. Я уважаю его за честность, хотя он и глуп. Он не знает действительной истории за фасадом воскресения.

Иисуса снимают с креста, кладут в пещеру с большим камнем в качестве двери так, чтобы он не мог убежать, — ведь люди, снявшие его с креста, прекрасно знали, что он жив. Даже в Библии сообщается, что один из солдат ткнул его мечом в бок и потекла кровь. Из мертвого человека кровь не течет; он удостоверился, что Иисус жив— И ночью его унесли оттуда. Теперь дверь пещеры будет открыта только в понедельник утром — и пещера была найдена пустой.

Иисус сбежал из Иерусалима. Наконец-то здравая мысль пришла ему в голову; он очень хорошо знал, что все это глупо... даже его собственные ученики сбежали, когда его распинали;

никого не осталось, кроме одного ученика. Все испугались, что их могут схватить и обвинить в участии в заговоре Иисуса против иудаизма и Римской Империи.

На последней трапезе, когда Иисус расставался со своими учениками... по-моему, они просто глупые люди. Если бы у них было хоть какое-нибудь понимание, они предупредили бы Иисуса: «Что за необходимость идти в Иерусалим, когда ты знаешь, что тебя собираются распять там завтра?» Повсюду было известно, что, если он придет на этот праздник, его не оставят на свободе: «Он нанес достаточный ущерб престижу священников, раввинов, государственной религии. Опасно разрешать ему большее, он будет становиться все более и более могущественным. Лучше будет покончить с ним прямо сейчас. Прямо сейчас он не имеет власти, не имеет последователей, нечего особенно и говорить об этом».

Но эти двенадцать апостолов просто позволили ему уйти. Ни один из учеников не сказал ему: «В этом нет необходимости. И нам нужно, чтобы ты жил. Мы хотели бы, чтобы ты жил как можно дольше, чтобы случилось все, что ты желаешь». Нет, они были просто тупыми парнями. Я сожалею об Иисусе. Будда был более удачлив; его учениками были по-настоящему великие

гиганты. Лао-цзы был удачлив. Иисус – самый неудачливый во всей компании мессий, аватар, тиртханкар – самый несчастный. Простые рыбаки... Что они могли сделать и что они могли понять? Знаете, о чем они спрашивали его на последней трапезе? Они приняли тот факт, что он собирается быть распятым. Они задали ему вопрос: «В царстве Божьем ты, конечно, будешь сидеть по правую руку Бога; где будет место для нас, двенадцати, которые следовали за тобой?» На самом деле, очень еврейский вопрос: хотят удостовериться в своем месте, где будет первый, где будет второй, третий, четвертый. Они были очень невежественными людьми.

Иисус сказал: «По крайней мере, сегодня ночью, когда придут схватить меня, не спите. Хотя бы сегодня ночью бодрствуйте!»

И час за часом он молится в Гефсиманском саду, он уходит в угол сада, чтобы молиться. О чем он молится? Он молится:

«Бог, дай мне силу, чтобы я смог пройти то жестокое испытание, что предстоит мне».

В точности так, как я постоянно говорил вам: каждая вера несет под собой сомнение. Он, возможно, знает, что будет распят и никакое чудо не спасет его; возможно, и нет никакого Бога. Но он продолжает молиться, и час за часом он возвращается посмотреть на учеников. Всякий раз, когда он возвращается, они крепко спят, похрапывают. Они не могут даже пободрствовать одну ночь. А на следующий день Учитель должен умереть.

Они не могут пожертвовать даже одной ночью сна – люди жертвуют, сидя перед телевизором, глядя голливудские картины и всякую чепуху, – а они не могут остаться бодрствующими. И зачем он настаивал? Потому что это то, что он говорил им всю жизнь: «Будьте осознающими, будьте осознанными. Очнитесь от этого сна, в котором вы ходите и живете. В последнюю ночь...» Но пытаться в последнюю ночь также кажется неразумным; уже нет времени учить этих людей, как оставаться осознающими.

Все, что он делает, так это приходит снова и будит их, и кричит на них, и говорит им: «Что же вы за ученики? Вы не можете не спать, а меня собираются распять, в любой момент могут прийти и схватить меня». И когда он приходит через час... Так он ходит всю ночь между Богом, который, как он думает, сотворит чудо, и учениками, которые, как он думает, являются апостолами, которые будут нести его золотое слово во все концы земли. И то и другое – фикция. Нет ни Бога, слушающего его молитвы, ни учеников, слушающих его поучения оставаться осознающими.

Он сказал им: «Когда меня будут распинать, вас, конечно, не будет там».

Один ученик сказал: «Я буду там. Учитель».

И Иисус сказал: «Нет, петух еще не прокричит в то утро, как ты трижды отречешься от меня».

Так и случилось. Этот ученик был схвачен, люди священников задержали его – он показался им незнакомым. Они спросили его: «Кто ты? Не с тем ли ты безумцем, который думает, что он сын Божий?»

Он сказал: «Нет, я не знаю, кто этот человек. Я впервые в этом городе. И увидел свет, – поскольку все они несли факелы. – Я просто пошел следом, чтобы найти одно место. Я не знаю ни города, ни его окрестностей»-

И Иисус сказал тогда: «Вспомни, петух не прокричал еще». И так случилось трижды. До того, как первый петух своим криком возвестил о наступлении утра, этот ученик трижды отрекся от Иисуса, говоря, что совсем не знает его. Эти трусы, у них не было идеи... Но Иисус, видя с креста происходящие события, провисев шесть часов, должен был понять всю ситуацию. Он сбежал из Иерусалима.

Он дожил до ста двадцати лет в Кашмире. Так что вопрос о воскресении не стоит, поскольку, прежде всего, не состоялось распятие. А в Кашмире, как я говорил вам, есть могила Иисуса – рядом с могилой Моисея. Ни один христианин не беспокоится о том, что эта могила подвергает опасности веру в воскресение. На могиле ясно написано – конечно, не имя Иисус указано там, поскольку Иисус – это греческий перевод имени Йошуа; его настоящее имя было Йошуа, – что «Йошуа пришел сюда, прожил здесь до зрелого

возраста в сто двадцать лет, умер здесь». Деревня, где находятся эти могилы, называется Пахал-гам; это означает «Деревня пастуха».

Но он хранил молчание. Только один ученик, Фома, последовал за ним туда; он был его самым любимым учеником. Он послал Фому на юг Индии, в противоположную от Кашмира часть страны. И вы будете удивлены, узнав, что индийское христианство – старейшее, христианство в мире.

Ватикан не такой старый. Институт папства начался спустя триста лет после так называемого распятия Иисуса. Но Фома начал работать в Южной Индии и был, должно быть, единственным подлинным учеником из всех.

Тело Фомы еще сохраняется. Это единственное в целом мире так хорошо сохранившееся тело. И наука абсолютно не в состоянии понять, как сохраняется это тело, ведь не использовалось никаких химикатов. Тело находится в Гоа. Каждый год оно извлекается из церкви и на один день оставляется открытым для посетителей. Оно не испортилось; кажется, как будто он только уснул. Я видел Фому. Две тысячи лет прошло, а он почти как в глубоком сне. Этот человек, кажется, единственный из учеников Иисуса, кто имел что-то.

В Индии есть методы йоги – определенные дыхательные упражнения, – предписанные Патанджали пять тысяч лет назад, которые, если практиковать их по крайней мере в течение тридцати лет, могут полностью очистить вас. И эти дыхательные упражнения таковы, что медленно, медленно ваше дыхание прекращается на мгновение. И внезапно нет ни вдоха, ни выдоха. Вы есть, есть более чем всегда, в этом потрясающем безмолвии, где даже дыхание не является более возмущением. Затем эти промежутки становятся больше:

минуты, часы, дни – Много людей в Индии и много людей в Египте позаимствовали эту науку из Индии...

В Египте жил один человек, похороненный в земле на сорок лет. Он был похоронен в 1880 году. И он говорил людям, которые жили там, и правителям: «В течение сорока лет меня не следует беспокоить. Моя могила должна быть открыта в 1920 году». За сорок лет почти все люди, жившие там, умерли. Правители сменились – вы знаете, что может случиться в жизни за сорок лет... Все забыли об этом человеке; сорок лет – это большой срок.

Это было просто совпадением, что кто-то, проводивший некоторые исследования, обнаружил одну старую газету, описывающую это событие. Он проинформировал правительство. Могила была вскрыта, человека вытащили. Они думали, что он был мертв, ведь он не дышал. Медицинская наука знает только одно: если вы не дышите, то вы мертвы. Его сердце не билось, дыхания не было, не было пульса. Доктора сказали, что он был мертв. Но через несколько секунд он открыл глаза;

он начал дышать, его пульс вернулся, вернулось сердцебиение. Он остановил свое дыхание на сорок лет. Если можно сознательно останавливать дыхание, без усилия, расслабленно – тогда не будет никакой разницы, сорок лет, или четыреста лет, или четыре тысячи лет.

Фома, должно быть, выучился этому в Южной Индии; он был очень заинтересован в обучении. Вы будете удивлены, он жил, как брамин. Он носил одежды, которые в Южной Индии носят брамины, – просто обернутое вокруг тела ланги. Он пользовался индусским поясом. Он убирал свои волосы в индусском стиле, оставляя маленькую часть как раз на седьмой чакре, в виде индусского черепа сикха. Он ходил в сандалиях, сделанных из дерева, – индусские брамины пользуются деревянными сандалиями – это трудно, на них нужно учиться ходить. Он жил абсолютно как индус для того, чтобы понять все возможности, развитые индуизмом, особенно методы йоги. Он, должно быть, практиковал дыхательные упражнения, которые предохраняют тело от какой-либо порчи даже после смерти.

Так что епископ смелый, но невежественный. Он ничего не знает об Иисусе и его распятии. Он говорит, что не может поверить в деву Марию, рождающую Иисуса, – ни один здравый человек не может поверить в это. Христиане думают, что это Дух Святой сделал бедную девушку беременной. Странно... Я бы сказал, что это какой-то несвятой дух, должно быть, сыграл шутку с бедным Иосифом, отцом Иисуса. Иосифа предают. Если это

сделал Дух Святой, то этот Дух Святой должен быть наказан, поскольку он сделал Иисуса внебрачным ребенком. Но христианство основывается на всем этом: воскресение из мертвых, рождение от девственницы, хождение по воде, возвращение мертвых к жизни, исцеление больных, слепых.

Епископ говорит, что достаточно веры в Бога. В этом месте он абсолютно неправ. Какие основания вы имеете для веры? Вот они, основания, которые продолжает подчеркивать христианство: рождение было от девственницы; после распятия Иисус был воскрешен чудом Бога; он ходил по воде; он обращал воду в вино и камни в хлеб.

Все это христианство не может отбросить, поскольку, если вы отбросите эти вещи, — а они должны быть отброшены, ведь все это чепуха и ложь, — то какое основание останется для веры в Бога? Вот где неправ епископ. Как можно иметь какую-нибудь веру? В чем причина веры?

Тогда есть только одна возможность, которой я учил вас, — медитация.

Медитация не требует веры в Бога в качестве необходимого шага — на самом деле здесь вера является помехой.

Для медитации просто нужно, чтобы вы не начинали с какой-либо веры, поскольку любая вера может стать гипнотизирующим фактором.

Если вы веруете слишком сильно и верите во что-то определенное, у вас начнутся галлюцинации по этому поводу.

Христиане видели Христа, индусы видели Кришну, буддисты видели Будду, — но некого было видеть. Это все их фантазии. Их вера создает образ, а потом образ усиливает веру. Так образуется порочный круг. Тогда вы имеете больше веры, потому что видели Иисуса; тогда Иисус становится более живым, тогда ваша вера углубляется; тогда Иисус начинает разговаривать с вами... Ваша вера становится абсолютной. Но это просто игра ума, вы просто играете со своим собственным умом.

Медитация происходит без всякой веры, безо всякого верования, она входит в безмолвие, чтобы увидеть, что там.

Нет необходимости предполагать заранее, что там. Если вы заранее предположили, что там, вы и найдете это. Вот проблема. Если вы думаете, что там Иисус, вы найдете его. Иисус говорит: «Верьте, и я есть». Вера создает явление.

Медитация — самый научный метод. Ей не нужна вера, не нужно верование — только исследование. А исследование, чтобы быть научным, должно быть без веры.

Мне вспомнился индусский профессор, доктор Баннерд-жи. Он знаменит во всем мире своей научной работой по повторной инкарнации, по повторному воплощению в тело. Он является главой факультета парапсихологии в Раджастанском университете в Джайпуре. Он пришел поговорить со мной, поскольку он разыскивал и исследовал людей, которые могли дать свидетельства существования прошлых жизней. Я задал ему только один вопрос: «До того, как вы исследуете меня, я имею все права познакомиться с вами. И этого вопроса будет достаточно. Я не хочу знать вашего имени, и ваших степеней, все это не является вашей настоящей рекомендацией. Вашей рекомендацией для меня будет мой вопрос, и тогда можете спрашивать все, что захотите». Я спросил его очень простую вещь: «Что вы пытаетесь делать? Для чего все это исследование?»

Он сказал: «Я хочу доказать, что есть цепь рождений, что душа проходит от одного рождения до другого, до другого рождения».

Я сказал: «Теперь стоп. Я не отвечу ни на один из ваших вопросов. Вы говорите: «Я хочу доказать...» Это означает, что вы уже приняли этот факт, и все, что вам нужно теперь, — это свидетельство. В том, что касается вас, вы уже приняли тот факт, что жизнь продолжает изменять формы, смерть не является действительной смертью; она — только смена одежд, смена тела, смена дома. Ваш индусский ум хочет научно доказать индуистскую веру. Конечно, вы найдете свидетельства — ведь вы ищете их. Христиане не пытаются искать этого, мусульмане не пытаются искать этого, евреи не пытаются искать этого. Почему это касается только индусов? Ваше ли это дело? Есть ли у вас какие-нибудь воспоминания о вашей прошлой жизни?»

Он сказал: «Нет, у меня нет никаких воспоминаний».

Тогда я сказал: «Что же вы пытаетесь доказать? Вы сами не знаете. Вы должны были бы сначала... вы не помните, так что это не базируется ни на каком вашем переживании – это просто вера. Есть только вера, и вы пытаетесь придать ей научность».

Вот что делают люди все время. Они начинают с веры; это неправильное начало.

Начните свежими: очистите грифельную доску вашего сознания от веры, от догмы, от верования. Тогда у вас есть возможность найти истину.

И истина не является ни индуистской, ни мусульманской, ни христианской. И истина не находится ни в Библии, ни в Коране, ни в Гите.

Вы будете удивлены, истина, которую вы найдете, нигде не записана, не может быть записана. Невозможно записать ее. Она никем никогда не произносилась, и она никем не будет произнесена.

Только пальцы указывали на луну, не говоря ничего. И вам не следует касаться пальца, потому что палец – это не луна.

Вы должны полностью забыть о пальце и смотреть на луну. И луна не имеет ничего общего с пальцем.

А епископ говорит, что достаточно его веры в Бога. Нет, этого не будет достаточно. Его вера основана на тех верованиях, которые он теперь критикует. Вскоре его вера уйдет. Он взялся за фундамент дома; дом вскоре упадет.

Но только посмотрите на всех этих религиозных людей. Поскольку он был честен и сказал, что чувствует, он был отрешен от церкви, его выгнали; он больше не епископ. Теперь он стал шутником. Всего день назад он был епископом, теперь он шутник.

Вы только посмотрите, как меняются люди. Они не хотят, чтобы вы были честными. Если бы он продолжал говорить то, что говорил, и держал все, что сказал сейчас, в себе, он остался бы епископом. Может быть, однажды он стал бы папой. Они все несут одну и ту же чепуху. Канцлер, который отлучил его от епископства, будет нести то же самое.

Но люди не честны. Они не открывают своих сердец. А это должно быть основным качеством религиозного человека.

Беседа 6

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ СВЯТЫЕ КНИГИ –ПРОСТО РЕЛИГИОЗНАЯ ПОРНОГРАФИЯ

4 ноября 1984 года

Бхагаван,

Что вы думаете об отношении мессий, аватар, тир-тханкар, паигамбар к женщине?

Оно просто отвратительное. Эти люди, о которых думали, как о посланниках Бога, которые учили милосердию, любви, никогда не смотрели на женщину, как на человека.

Они были рождены женщиной. Тем не менее, они все выказывают отвратительное неуважение к женщине. Причина совершенно ясна. Причина такова: они боятся женщины.

И в этом психологическая истина: вы боитесь и одновременно очаровываетесь. Страх и очарование существуют вместе. На самом деле, страх – побочный продукт очарования.

Они очаровываются, что естественно. В этом нет ничего неправильного, это абсолютно по-человечески. Но они хотят быть мессией, или тиртханкарой, или паигамбарой, или ава-тарой, тогда они должны удовлетворять условиям, которые предписывает им традиция.

А все традиции созданы людьми. До сих пор мы живем в обществе, которое создано мужчинами и в котором женщина совершенно не принималась в расчет.

Конфуций – и весь Китай находится под влиянием Конфуция – полагает, что у женщины нет души, что она – только тело. Убить женщину – это не считается убийством. Поэтому в течение тысяч лет в Китае, если кто-то убивал свою собственную жену, это не было преступлением. Это все равно, как если бы вы захотели сломать свой стул, свою мебель или что-нибудь принадлежащее вам; вы владеете этим, это ваше –точно так же вашей

является ваша женщина. Вы владелец; вы можете убить ее. В Китае нет закона, запрещающего мужу убивать свою жену. И никакого наказания также не было, поскольку женщина была вещью, а не живым существом.

И о Конфуции думают, что он один из мудрейших людей в мире. Что же это за мудрость? Он основатель конфуцианства, но все, что сделал Конфуций, лишь запутывает человеческий ум.

Каждая религия боится женщины, поскольку каждая религия боится секса.

Каждая религия подавляет секс, выступает против секса. Естественно, быть против женщины – побочный продукт каждой религии, женщина должна быть осуждена. Если вы осуждаете секс, вы обязаны осуждать и женщину.

Если вы уважаете женщину – это естественное следствие, – вы будете уважать и секс как естественную вещь.

И почему эти люди были против секса? Они различаются в своих позициях по всем вопросам, кроме секса.

По поводу секса все религии соглашаются друг с другом;

это, кажется, единственное согласие между религиями. Поэтому представляется чрезвычайно важным войти глубоко в это явление: почему они боятся секса.

Они боятся секса, потому что он – величайшая энергия в человеке, самая мощная сила природы и биологии. Нет способа разрушить ее.

Или вы осуждаете и подавляете ее, или вы понимаете и преобразуете ее. Но второе – это длительный и трудный путь, требующий огромной разумности и осознанности, ведь секс – это подсознательная сила в вас.

Каждая клетка вашего тела сделана из него, вибрирует с ним. Ваш сознательный ум невозможно сравнить с вашей подсознательной сексуальной энергией.

Отсюда страх, что подсознательное может овладеть вами в любой момент.

Но подавить кажется проще. Для подавления, прежде всего, не нужна разумность; любой идиот может сделать это. На самом деле, только идиоты делают это. Я был удивлен, видя тысячи монахов в Индии, принадлежащих различным религиям, – все они подавляют свою сексуальность. Мое удивление было в том, что чем больше они подавляют свою сексуальность, тем более глупыми становятся, точно в тех же пропорциях. Подавление природы – такое идиотское занятие, что оно обязано разрушать вашу разумность.

Джайнский монах подавляет себя больше всех в целом мире. В Индии осталось только двадцать два джайнских монаха, живущих, как Махавира: обнаженные, в точности следующие древнему пути. Я встречал их всех, поскольку я странствовал по всей Индии и было не так трудно повстречаться с этими людьми или любыми другими, с которыми я захотел бы встретиться; рано или поздно, здесь или там это должно было случиться. Странно... Все двадцать два были одинаковыми, глупыми – ни признака разумности. Ни единого луча света нельзя увидеть в их глазах. Они тупы, мертвы. Так и должно быть, поскольку они подавили свою жизненную энергию, свою жизненную силу.

Когда вы подавляете жизненную энергию, вы становитесь тупыми. И методы, которые вы используете для подавления жизненной энергии, обязаны делать вас более и более глупыми. Например, они не могут есть дважды в день. У них тысячи правил – из-за этого они могут есть лишь немного, что не дает им всех витаминов, протеинов, необходимых для функционирования разума. Они голодают.

А интеллект – это роскошь. Когда все потребности вашего тела исполнены, только тогда получает энергию интеллект, потому что он – наивысший уровень вашего бытия. Если на нижних уровнях энергии недостает, то она не может подняться до верхних уровней.

Пища джайнского монаха абсолютно лишена протеинов. Он не ест мяса, и я не предлагал ему есть мясо. Но я предложил им: «Вы можете использовать соевые бобы, которые так же хороши, как и мясо, или даже лучше».

Но эти дураки не используют соевых бобов, поскольку это не написано в их священных книгах – в то время соя еще не была открыта. Я спорил с ними, что это вегетарианская пища. Они говорят: «Это вегетарианская пища,

но про нее не написано в священных книгах. И Махавира, всезнающий, должно быть, знал лучше всех, что должно кушать».

Махавира не химик, не врач, не психолог. Он не знает ничего о внутренней работе тела. Он не знает ничего о витаминах и протеинах или о чем-нибудь еще, абсолютно необходимом для питания разума. Они не пьют молоко, поскольку это животная пища. Они не едят ничего, приготовленного из молока, — это животная пища. И их логика такова:

«Вы обездоливаете детенышей животных — это насилие». Естественно, в результате этого они становятся тупее, теряют удовольствие от жизни. На самом деле, они хотят потерять его;

они боятся его. Если оно есть, то, кто знает, в момент слабости оно может возобладать над вами. Отсюда страх женщины.

Джайнскому монаху не разрешено касаться женщины. Что говорить о касании... джайнскому монаху не разрешено сидеть в том месте, где до этого сидела женщина, поскольку она оставляет там свои вибрации! Что говорить об этих дураках? Девять месяцев они были в утробе своих матерей, постоянно омываемые женской вибрацией. Затем годы они вскарммливались и вспаивались материнским молоком. Все их тело создано женщиной.

Отец — почти недействующий партнер в этом деле; я говорю «почти», — любая инъекция может сделать ту же работу. Он может быть легко удален из процесса воспроизводства, и он будет удален рано или поздно, потому что мы можем найти лучшие методы, лучшее семя. Прямо сейчас все это совершается случайно. Теперь наука достигает определенной зрелости. Теперь в том, что касается животных, мы не допускаем случайности; породы животных разводятся. Но по отношению к человеку мы не проявляем научности; порода не разводится, поскольку всем и каждому позволено воспроизводить детей. Это не может долго продолжаться. Это не должно продолжаться долго.

Мужское дело кончается. Он только запускает процесс, затем вся ноша падает на женщину. И эти дураки говорят, что нельзя сидеть там, где сидела женщина. Джайнские монахи носят с собой свои маленькие коврики, поскольку, кто знает, по ошибке можно сесть на то место, где до этого сидела женщина. Поэтому они носят с собой две вещи: маленькую щетку, которой они очищают место, — как будто щеткой можно удалить вибрации, — затем они расстилают свой маленький коврик, который носят с собой, носят постоянно — его нельзя касаться вам, — и потом они садятся.

Я спросил этих монахов: «Если вы на самом деле хоть немного бдительны, то, пожалуйста, я покажу вам два места. На одном месте сидел мужчина, а на другом месте сидела женщина. Определите, ощущая вибрацию, где сидел мужчина, а где женщина?..» Даже наука не способна пока создать никакого такого детектора.

И, конечно, они отказались: «Мы не собираемся делать ничего такого».

Но я сказал: «Реальность такова, что вы не можете делать этого. Вы просто выучили какую-то тарабарщину. Вибрации — что вы знаете о вибрациях? И что вам могут сделать эти вибрации?»

Так вот, страх — это очарование. Женщина очаровывает, входит в их сны; они способны отгонять ее от себя в рабочие часы, но ночами...

Джайнские монахи произвели очень большое впечатление на Махатму Ганди. Он был странным парнем — рожденный индусом, но не очень индус, на девяносто процентов христианин, на девять процентов джайн, на один процент индус. Много раз в своей жизни он был близок к тому, чтобы обратиться в христианство; один раз он был готов обратиться в джайнизм. Трех человек он принимал как своих учителей:

первый — джайн Шримад Раджчандра, второй — Лев Толстой, который был фанатичным христианином, и третий — Генри Торо, который также был фанатичным христианином.

Я разговаривал с этими джайнскими монахами и рассказывал им историю Махатмы Ганди, рассказывал о том, что случилось с ним. В его ашраме не допускалось любовных дел;

даже мужья и жены, если они хотели стать обитателями ашрама, должны были придерживаться брахмачарьи, давать обет безбрачия. Это было основное

правило. Так что там были и мужья, и жены, но они были безбрачными. Они не всегда следовали этому правилу, их ловили на этом. А Ганди был мазохистом, так же как был мазохистом Махавира, — он наслаждался тем, что мучил себя.

Есть определенное умственное заболевание, при котором получаешь наслаждение от боли. Вот что делал Махатма Ганди всякий раз, когда обнаруживалась пара, нарушившая обет безбрачия... Не нужно было никакой действительной половой связи. Достаточно было просто держаться за руки — если кто-то видел их, этого было достаточно; или обнимать друг друга — свою собственную жену.

Что Махатма Ганди делал, так это то, что он постился, он мучил себя. Он не наказывал этих людей, но на самом деле это было более сильным наказанием, чем любое другое, которое можно было представить, поскольку весь ашрам обвинял в его голоде эту пару. Пара мучилась сознанием этого: «Это из-за нас он постится». Они кричали, и плакали, и убеждали его:

«Простите нас, мы никогда не будем больше так делать; но прекратите свой пост».

Он говорил: «Я не наказываю вас; я наказываю себя. Это знак для меня, что я недостаточно чист; вот почему вокруг меня происходят такие нечистые вещи. Я просто очищаю себя». Вот, это тоже очень тонкий путь это: вы сделали что-то, а я решаю принять ответственность за это. На поверхности это выглядит так: «Какая святость!» — но глубоко внутри не может быть ничего более эгоистичного. Кто я? Какое отношение имеет моя чистота или нечистота к вашей жизни? Но он так думал в понятиях старинных священных писаний: если вы настоящий святой, то вокруг вас не может быть ничего нечистого. Но что есть нечистое? Мужчина любит женщину — что здесь нечистого? Это его собственная женщина, это не против ее воли — что здесь нечистого? И если это нечистое, тогда все родились из нечистого. Само ваше рождение является нечистым.

Я спрашивал этих джайнских монахов: «Что случилось с Махатмой Ганди Б последние годы его жизни?» Вся его жизнь была подавлением, подавлением и подавлением, но пришел момент, когда этого стало уж слишком много, когда он уже не мог более контролировать подавление. В таком случае люди находят какие-то логические обоснования. Ганди начал спать с обнаженной женщиной, — но у него был хитрый, изворотливый ум, он нашел логическое обоснование своего поступка. Он сказал, что просто проверял, имеет ли женщина где-нибудь в его подсознании хоть какую-нибудь привлекательность. Чувствовал ли он еще очарование обнаженной молодой девушки? Ему было за семьдесят, а девушке, с которой он спал, было только двадцать.

Это не сообщалось широкой публике, поскольку его ученики боялись, что он потеряет свой образ Махатмы. Люди начнут думать: «Что это такое?» Это было удивительно, это не предавалось огласке; только несколько учеников, близких учеников, державших свои рты на замке, знали об этом. Но в глазах этих близких учеников Ганди уже пал, он уже не был тем Махатмой, которым был.

Я говорил этим джайнским монахам: «Постарайтесь понять Ганди, понять, что случилось с ним. Это случится и с вами. Вы можете так изголодаться, что в вас не останется энергии». Это была ошибка Махатмы Ганди, иначе так не случилось бы. Так было потому, что он хорошо ел, он ел питательную пищу, молоко, все, что нужно для тела. Он очень заботился о теле. В этом была причина случившегося. В нем была энергия, и он не был тупым человеком. Он был чрезвычайно разумным.

Но когда энергия поднимается к разуму, она также идет и глубже к самым основаниям вашей сексуальности. Она проходит к корням.

Если энергия идет к цветам, то она идет и к корням. Нет другого способа достичь цветов; она должна пройти через корни.

Но я нашел этих людей такими тупыми. Я много разговаривал с ними и мог заметить, что они ничего не слышат, их глаза выглядят почти мертвыми, их тела сморщились. Они выглядят безобразно.

Они были против секса и поэтому против женщины. Джайны считают, что никто не может быть освобожден, если его существо пребывает в женском

теле. Только мужчина может быть освобожден, может достичь предельного – у них это обозначается словом мокша... мокша может быть достигнута только от мужского тела, не от женского. Что неправильного в женском теле? Нет никакой разницы. Единственная разница в психологии, но и это не такая уж большая разница – не та разница, что создает разницу.

Мужской половой орган подвешен снаружи, а женский половой орган находится внутри – вот единственная разница. Просто выверните свой карман, и пусть он висит наружу; карман становится мужским. Верните его в исходное положение, он становится женским. Вы называете это разницей? Один и тот же карман? Из-за того, что нет большой разницы, наука открыла теперь, что мужчина может стать женщиной путем простой пластической операции. Женщина может стать мужчиной путем пластической операции. Если бы была фундаментальная разница, это вряд ли было бы возможно. Путем пластической операции вы просто выворачиваете карман наружу или вовнутрь, и ничего такого здесь нет.

Джайны говорят, что женщина признается негодной из-за своего женского тела. Сначала она должна стать мужчиной. Так что есть джайнские монахини... Они не прилагают усилия к освобождению, они прилагают усилия к тому, чтобы в следующей жизни родиться мужчиной, тогда они будут работать ради освобождения. Для них путь на шаг длиннее, чем для мужчин. Девиз «дамы первыми» не применяется.

Одна женщина в истории джайнов была, должно быть, женщиной чрезвычайной смелости, разумности и бунтарства;

она восстала против этой идеи. Ее имя было Маллибхай. Она просто восстала против этой идеи, она сказала: «Это просто придумано мужчиной». И конечно, она была женщиной с искрой божьей, поскольку стала джайнским монахом. Она не собиралась становиться монахиней, поскольку монахиня имеет целью стать монахом в следующей жизни. Она стала джайнским монахом. Джайнской монахине разрешается иметь одежду, она не обязана быть обнаженной; эта стадия наступит в следующей жизни, если она преуспеет в этой.

Но эта женщина, Маллибхай, на редкость мятежна. Я видел весь мир – я не нахожу другой женщины такого мятежного духа. Она стала монахом. Она сбросила свои одежды и объявила джайнам: «Я монах, и я прилагаю усилия ради освобождения, я ничуть не беспокоюсь о том, что говорят ваши священные книги». В ней, определенно, была искра божья, и она выполняла все требования, предписанные для тиртханкары, и джайны вынуждены были принять ее как тиртханкару.

Но они устроили трюк. Когда она умерла, они изменили ее имя: Маллибхай – бхай обозначает женщину – они сменили на Маллинатх – натх обозначает мужчину. Так что, если вы почитаете историю, вы не найдете среди двадцати четырех тиртханкар женщины, поскольку ее имя они не называют Маллибхай, они говорят Маллинатх. Они обманули весь мир и продолжают эту старую уловку. Одна женщина доказала, и доказательства одной женщины достаточно для всех женщин. Но хитрые священнослужители изменили ее имя после ее смерти. Они не только изменили ее имя, они изменили ее статую. В храме стоит мужская статуя; в джайнском храме есть двадцать четыре статуи тиртханкар – все мужчины.

Я приходил в джайнский храм и спрашивал: «Кто есть Маллибхай?»

И священник начинал трястись и говорил: «Э-э... Маллибхай? А вы – джайн?»

Я говорил: «Нет, я не джайн. Но я не мужской шовинист.

Которая из этих двадцати четырех Маллибхай?» И он показы-

Но я возражал: «Это мужская статуя. Половой орган висит наружу, а я абсолютно уверен, что в то время не было пластических операций».

Вскоре они опомнились, и поэтому, когда бы я ни приходил в джайнские храмы, они говорили: «Храм закрыт. Вам не позволено входить в храм».

В Индоре, в Индии, есть один из красивейших джайнских храмов, возможно, самый красивый в Индии. Он весь сделан из стекла – весь храм.

Когда вы входите в него, вы видите себя отраженным в тысячах зеркал, окружающих вас, поскольку весь храм состоит из маленьких кусочков зеркал. Я люблю это место за его красоту и покой. Но они не позволяют мне входить. Однажды я был там, затем двери для меня закрылись.

Я подошел к человеку, обслуживающему храм, и сказал:

«Это странно. Вы допускаете даже зевак, не являющихся джайнами, вы пускаете посетителей; могут приходиться христиане, кто угодно может приходиться в часы посещений», – ведь храм был таким уникальным произведением искусства, до двенадцати утра могли входить только джайны для поклонения, а после двенадцати допускались посетители. «Меня не допускают даже среди посетителей. В тот момент, когда священник, – а он постоянно стоит в дверях, – в тот момент, когда он видит меня, он говорит: «Вам не разрешается»». ^ спрашивал человека, который сделал это... и то был драгоценный подарок, который он сделал для страны.

Он сказал мне: «Я знаю, и я сам хотел встретиться с вами. Священник проинформировал меня». И так случилось потому, что я вынужден был оставаться в Индоре в течение шести месяцев, поскольку мой отец был очень болен и не отпускал меня. Так что я вынужден был оставаться, а больница была в пяти минутах ходьбы от храма. Поэтому всякий раз, когда у меня было время, я стучался в дверь, и священник хлопал себя руками по голове и говорил: «Я ведь уже сказал вам, что этот храм закрыт для вас навсегда».

Человек, который сделал это, сказал: «Я хотел встретиться с вами. Я могу сказать священнику, что вам разрешено входить, но, пожалуйста, не задавайте вопросов, на которые мы не можем ответить. Ваш вопрос справедлив; я знаю, что вы правы. Действительно, Маллинатх был женщиной. Но зачем вносить смуту? Двадцать пять веков мы поддерживали то, что она была мужчиной, и теперь никто не спрашивает нас об этом. Все исторические книги приняли это за факт. Вы странный парень. Откуда вы взяли эту идею? Мы абсолютно прояснили этот факт во всех исторических книгах, всеми возможными способами. Во всех храмах эта статуя изображает мужчину».

Я сказал: «Не беспокойтесь о том, откуда я взял эту идею. Вопрос в том... На дверях храма вы написали: «Истина – вот высшая религия». Внутри, где находится усыпальница двадцати четырех тиртханкар, вы написали сатьямева джайате:

«Истина всегда побеждает». Меня это не касается. Кого это касается? Какое мне дело до того, мужчина то был или женщина, и даже до того, существовал этот человек или нет? Я этим не интересуюсь. Но вам следует стереть эти слова – сатьямева джайате. Как раз под ними у вас статуя Маллибхайи в виде Маллинатха, – а ведь истина – вот наивысшая религия! Сотрите два этих утверждения, и я никогда не войду в храм;

если вы не сотрете их, я буду ходить каждый день. Вы будете все время отказывать, я буду все время ходить».

И мало-помалу многие люди стали тоже осознавать это, поскольку в свободные часы я приходил туда – иногда по утрам, когда джайны поклонялись, – и служитель закрывал двери и говорил: «Вам нельзя входить», – и иногда он закрывал двери, когда входили зеваки. В течение шести месяцев у меня не было дел. Мой отец был болен, а храм был всего лишь в пяти минутах ходьбы. Я мог приходиться два, три раза, четыре раза, много раз, сколько хотел. Даже по ночам иногда я стучался в двери, и священник просыпался и говорил:

«Что! Даже среди ночи?..»

Я говорил: «Если вы не сотрете эти два утверждения, я не оставлю вас в покое».

Наконец, они были вынуждены стереть эти два утверждения. Я сказал: «Я покончил с этим храмом. Теперь вы можете делать, что хотите. Вы решили, что даже во имя истины возможна ложь. Даже в храме истины вы лгали в течение двадцати пяти веков. Одна мятежная женщина – и вы полностью разрушили ее. И вы повторяли снова одно и то же, что женщинам не может достигнуть спасения; а женщина доказала, что может быть тиртханкарой». Джайны должны были принять Маллибхайи. Она была, должно быть, чрезвычайно

сильной женщиной, чтобы сказать, что собирается непосредственно достичь мокши, а не родиться сначала в мужском теле. Поскольку тела не имеют значения – мужские или женские, они сгорят в погребальном костре, душа – она не мужская и не женская. И эта душа, внутреннее сознание, – вот что преобразуется. «Женщина доказала это абсолютно, и вы приняли ее; а когда она умерла, вы, тем не менее, снова начали лгать».

Это мир мужских шовинистов. Все индусские аватары были мужчинами; не было ни одной женщины. Не то чтобы не было женщин такой силы, энергии, более мощной, чем так называемые аватары, но их не принимали просто потому, что они были женщинами, а это мужской мир.

Мусульманин может состоять в браке с четырьмя женщинами, это разрешает ему Коран. Женщине не разрешается состоять в браке с четырьмя мужчинами. Вот несправедливость. Женщина не может входить в мусульманскую мечеть, она должна молиться снаружи. Она грязная, просто потому что женщина; ей не разрешается молиться внутри мечети.

В синагоге есть отдельное место для женщины, отделенное; женщине не разрешается сидеть с мужчиной. Ее место, главным образом, позади, или ее место на балконе.

Мне вспомнилась одна история. Я не знаю, правда это или нет. Когда Голда Меир была премьер-министром Израиля, Индира Ганди, бывшая тогда премьер-министром Индии, поехала с визитом в Израиль. Она захотела увидеть синагогу и то, как евреи поклоняются Богу, и что они делают. Поэтому Голда Меир пригласила Индиру Ганди в синагогу. Они сели на балконе. Индира Ганди спросила Голду Меир: «В правилах ли это синагоги, что только премьер-министрам разрешено сидеть на балконе?» – поскольку и Голда Меир, и Индира Ганди – обе женщины. Голда Меир не хотела говорить, что в еврейской традиции женщине не разрешается находиться вместе с мужчинами. Но Индира Ганди подумала: «Нам было предоставлено особое место, потому что мы обе – премьер-министры». Да, это было особое место, но не для премьер-министров – для двух женщин. Даже если они премьер-министры – это не имеет значения; женщина есть женщина.

Люди, о которых я с большим уважением говорил в прошлом... Я должен сознаться вам, что вынужден был отбрасывать многие аспекты их жизни, иначе вы не смогли бы вовсе понять меня. Теперь я хочу прояснить все это. Я хочу, чтобы вы знали их во всей их обнаженности – в хорошем, плохом, правильном, неправильном. Многие мои утверждения будут выглядеть противоречащими моим старым утверждениям. Не беспокойтесь. То, что я говорю сейчас, – правильно, а то, что я буду говорить завтра, будет еще более правильным. Последнее предложение, которое я произнесу на смертном ложе, будет предельно правильным – вы не можете основываться на том, что было до этого. Я жив и не нахожусь ни в каком рабстве у прошлого.

Сколько я говорил о Будде! Но он был очень неуважительным по отношению к женщинам. Он не разрешал женщинам становиться монахинями, он не посвящал их. Похоже, что глубоко внутри у него был какой-то страх перед женщинами. И это ясно из его позиции – почти пятнадцать лет он отвергал их: «Я не собираюсь посвящать женщин». Что это за страх? Почему не посвящать женщин, когда женщины просят, чтобы их посвятили? Зачем запрещать им искать истину? Разве это монополия мужчины? И истина, разве она товар и монополия мужчины?

Наконец, с очень большими колебаниями, он согласился, – но совсем без радости. Он вынужден был согласиться, поскольку женщина, пришедшая просить, была той самой женщиной, которая вскормила его. Его собственная мать умерла при рождении Гаутамы Будды. Сестра его матери не вышла замуж, пожертвовала всей своей жизнью, чтобы вырастить Гаутаму Будду. И она дала ему больше любви, чем могла дать любая мать, она пожертвовала, естественно, своей собственной жизнью; она дала ему все, что имела. Когда она пришла – ее имя Махамая – старая, со слезами на глазах, она сказала: «Я знаю, что четырнадцать лет ты отвергал женщин, но я вскормила тебя. Только вспомни, я пожертвовала всей моей жизнью. Разве нельзя дать мне посвящение? Разве не можешь ты разделить со мной истину, которую нашел?»

Он был вынужден; он не мог отказать Махамайе, это было бы слишком жестоко. Но и то, что он сказал, было все же жестоко. Он принял ее, он дал ей посвящение, без радости, без всякой церемонии, и после посвящения сказал: «Моя религия должна была продолжаться пять тысяч лет, теперь она будет продолжаться пять сотен лет, поскольку я позволил войти в нее женщинам. Они разрушат ее». Как могут женщины разрушить ее? Я не вижу в этом никакого смысла.

В моей коммуне женщин больше, чем мужчин, они работают наравне с мужчинами, может быть, с большей любовью, чем они. В них больше способности к любви, чем в мужчинах. Они не разрушают, они создают коммуну.

Почему Будда так боится? Я знаю, почему он боится. Он боится... его собственный страх, глубоко внутри, заключается в том, что он все еще очарован женщиной. По крайней мере, своим монахам он не может доверять. Он знает, они будут очаровываться, пленяться и вскоре то, чему он учил, безбрачие, будет разрушено. Разрушится безбрачие, при чем же тут религия? Какое отношение религия имеет к безбрачию? На самом деле, когда мужчина и женщина вместе, религия растет. Будут дети, будет много детей, и получится обширное дерево.

Если бы я был на его месте, я сказал бы: «Моя религия должна была продолжаться пять тысяч лет, теперь она будет продолжаться всегда; она теперь полна, поскольку в нее вошла женщина. С одними только мужчинами она не полна. Теперь это настоящее сообщество, живое, поскольку может рождать живые существа».

Но страх... а страх возможен только в том случае, если он находится где-то глубоко в вашем собственном подсознании.

В том, что касается меня, я доверяю каждому, даже тем, кто предал меня. Я все еще доверяю им, потому что мое доверие безусловно. Оно не основывается на вас, оно основывается на мне. Если вы выбираете предательство, это ваше дело, но вы не можете разрушить мое доверие к вам.

Понимаете ли вы смысл этого? Поскольку я доверяю безусловно, вы не можете разрушить доверия; но если условия есть, вы его можете разрушить: вы не выполнили условий и разрушили доверие. Но доверие с условиями — это торговая сделка, это не доверие.

Доверие может быть только безусловным, и его источник во мне. Оно не зависит от вас или вашего поведения, не зависит от ваших действий.

Даже если вы убьете меня, мое доверие к вам останется прежним. Вы предали на самом деле себя; вы пали на самом деле в своих собственных глазах. Но для меня вы остались тем же человеком.

Моим телохранителем в течение многих лет был Шива. Затем он бросил санньясу. И он начал выступать против меня. Он писал статьи в немецких журналах — в «Штерне» и других — против меня. Но если он вернется и захочет быть моим телохранителем, он снова будет рядом со мной. Я знаю прекрасно, что он сделал. Это совершенно не имеет значения, это его дело; он сам должен беспокоиться об этом. В том, что касается меня, я остался в точности тем же самым. Он может снова прийти и быть моим телохранителем. Никто другой не примет его в телохранители, поскольку это самое удобное место, чтобы убить человека.

Вот сейчас Индиру Ганди убили ее собственные телохранители. Три телохранителя стреляли в нее — восемь пуль, шестнадцать ран, поскольку все пули прошли через ее грудь, живот, от спины к противоположной стороне. И если телохранители хотят убить, то у них самое удобное и безопасное место, чтобы это сделать.

Но если Шива вернется и захочет быть моим телохранителем, я буду чрезвычайно счастлив. Не имеет значения, что он сделал. Он сам должен нести ответственность за все, что делает, за все, что сделал; он должен нести всю ответственность за это. Но не мое дело вмешиваться в его дела. Если он чувствует, что правильно писать против меня, очень хорошо;

если он чувствует себя счастливым, когда пишет против меня, очень хорошо. Но в течение десяти лет он сидел рядом со мной. У него, должно

быть, совершенно идиотский ум – десять лет он не замечал ничего неправильного. Десять лет ему потребовалось для того, чтобы теперь, отбросив санньясу, начать внезапно членораздельно выражаться. Что же он делал десять лет – спал?

Нет, не против меня он пишет эти статьи. Эти статьи нужны ему для того, чтобы утешить себя в том, что он был прав, отбросив санньясу. Он должен доказать себе: «Этот человек был неправильный, вот почему я отбросил санньясу». Иначе постоянной раной будет мысль: «Я любил его так сильно, так безусловно доверял ему, и вот что он сделал мне». Я понимаю его трудную ситуацию. Так что, выступая против меня, он просто пытается прикрыть рану, которую нанес сам себе.

Итак, запомните: если Будда боится женщины, то женщина все еще привлекательна для него. Вот почему он выдвигает идею... это простая арифметика. Он знает: «Если даже для меня иногда женщина становится привлекательной, то что же говорить о моих монахах? Они испортятся». Но мысль о том, что они испортятся, возникает только при условии, что вы отвергаете секс, иначе испорченности нет; я не вижу никого испорченным.

Естественный инстинкт не портит вас. Но подавите его – и тогда он извратится, мало-помалу это извращение испортит вас.

Вы удивитесь: есть католические монастыри, куда женщина не входила тысячу лет. Что говорить о женщине – девочке шести месяцев не разрешается входить в монастырь с ее отцом или братом. Шестимесячный ребенок! Что вы думаете, кто живет в монастыре – монахи или монстры, кто боится шестимесячной девочки? Что за люди живут там? Настолько извращенные сексуально...

Все сексуальные извращения пришли через ваши религии.

Девяносто процентов умственных расстройств пришло через ваши религии, из-за сексуального извращения.

Вы спрашиваете о моем отношении ко всем этим мессиям, апостолам, тиртханкарам, аватарам, паигамбарам. Что сказать вам? Я говорю: просто омерзительно, тошнотворно.

Они причинили человечеству так много вреда, что, когда человечество станет осознанным, оно разрушит все эти синагоги, храмы, мечети, гурудвары, церкви. Эти люди – ваши настоящие враги, только спрятанные за фасадом, за маской.

Христианская троица не допустила к себе женщину. Разве это было трудно. Они могли бы сделать вместо Святого Духа... какая нужда в этом Святом Духе? Я не могу представить, какого рода это явление, этот Святой Дух, и в чем его назначение, в чем его необходимость. Женщина была бы намного лучше; отец, мать, сын – так выглядело бы более логично. Этот Святой Дух, кто он, мужчина или женщина? Но нет, хотя миллионы христиан поклоняются Марии, она не допущена в высшую иерархию. Женщина, в конце концов, есть женщина.

У Иисуса среди его двенадцати учеников не было ни одной женщины. И вы будете шокированы, узнав, что, когда его распинали, все эти ученики сбежали. Не сбежали только три женщины. Одна была его мать, Мария; другая была Мария Магдалина, проститутка, питавшая огромную любовь к этому человеку, Иисусу; и третья тоже имела имя Мария, сестра Марфы.

Эти три женщины проявили гораздо большую смелость, не испугались; тысячи врагов вокруг, все против Иисуса; они кричали, радовались его распятию... Все ученики сбежали, испугались, что их тоже могут схватить и распять. Возможно, они иногда говорили Учителю: «Мы будем жить с тобой и умрем с тобой», – говорить это одно, а делать – это совсем другое.

Только эти три женщины были готовы осмелиться, были готовы на распятие – если так случится, ну что же, пусть так будет. Лучше умереть с Учителем, чем жить без него. Но в мужчине очень редко найдешь такое любящее сердце. Когда это случается в мужчине, будет так же. Хотя эти женщины и не были учениками – на самом деле только они должны были быть единственными его учениками, единственными апостолами. Те сбежавшие трусы должны были быть отвергнуты.

Но как раз на днях председатель палаты лордов Великобритании, который выгнал из лона церкви одного из епископов, сказал: «Я в большей степени верю Матфею, Луке, Марку – апостолам, чьи слова приводятся в Новом Завете, – поскольку они все видели своими собственными глазами». Он абсолютно не прав, они не были очевидцами; они бежали. Очевидцами были три женщины, но он не упоминает их. Эти три мужчины написали историю всего этого, но они не были очевидцами. Эти три женщины ничего не написали; они, должно быть, думали:

кого интересует то, что они напишут? Кто будет слушать их? Но Лорд-канцлер совершенно не прав, делая этих трех мужчин очевидцами; они не были очевидцами. И то, что они написали, отличается одно от другого. Если бы они были свидетелями, они написали бы в точности одно и то же.

Что касается меня, то то, что написано Фомой... то, что не включено в Библию, потому что Фомы не было там; он отправился в Индию вместе с Иисусом; он написал свое евангелие в Индии; я говорил о нем – его слова кажутся мне истинными, более искренними, более близкими мне – по той простой причине, что он сам, по-видимому, достиг некоторого состояния света. Этот свет просачивается сквозь его слова. Не в Новом Завете нужно искать этот свет.

Беседа 7

ОТ «КРЕСТИАНСТВА» ДО ДЖОНСТАУНА

5 ноября 1984 года

Бхагаван,

Меня снова и снова спрашивают журналисты и политики: «Возможно ли повторение Джонстауна в Вашей коммуне?»

Это абсолютно невозможно. Даже думать об этом, абсурдно, поскольку вся моя философия жизни совершенно противоположна философии Джима Джонса.

То, что произошло в Джонстауне, может произойти где угодно в мире, – но не здесь.

Одну вещь совершенно забыли: Джим Джонс был христианским священником. Он был преподобным, священником, и никто не попытался найти корни его философии в христианстве, – а где им еще быть! Если он и связан с кем-то, он связан с Иисусом, а не со мной.

Поскольку вы обусловлены христианством... Для меня христианство – это не христианство, а <крестианство>. Его символ – крест, а не Христос. Крест используется при распятии. Если бы не было распятия, не было бы и христианства;

никто не запомнил бы даже имени Иисуса. Это было глупостью евреев – то, что они распяли его и создали христианство. Если бы он был просто проигнорирован этими людьми, – и ничего в нем такого не было. То, что он говорил, было очень простыми истинами, известными на протяжении тысяч лет. В этом не было ничего нового, в этом не было ничего опасного.

Распять его было абсолютно бессмысленно. Но похоже на то, что сам Иисус хотел этого, поскольку до распятия он осознавал, что его собираются схватить, если он пойдет на праздник; если он пойдет в Иерусалим, его схватят и предадут распятию. Он полностью осознавал это, это было известно всем. Идти туда не было необходимости. Но его тянуло в Иерусалим, как магнитом, непреодолимо. Он был полон идеей: «Распятие докажет мое мессианство».

Вам нужно понять, на каком фоне происходили те события. У иудеев есть определенные каноны, которым должен следовать мессия; один из них – распятие и воскресение. Но воскресение возможно только в том случае, если произойдет распятие. А Иисус объявил себя мессией, ожидаемым, человеком, которого евреи ждали веками, который спасет их от их страданий и несчастий и который откроет им врата небесные. Они не могли поверить в то, что сын бедного плотника, совершенно необразованный, есть мессия, что «Он спасет нас, он избавит от страданий все человечество».

И вот почему они настаивали на том, что единственным испытанием должен быть крест. Евреи настаивали на кресте, поскольку это доказало бы достоверность или недостоверность мессианства Иисуса. И Иисус страстно

желал креста и распятия, поскольку без распятия невозможно воскресение. После распятия воскресение может случиться, может не случиться, но без распятия оно не случится – это совершенно точно. Поэтому, когда он услышал новость о том, что его собираются распять на этом ежегодном празднике, он направился к Иерусалиму. Он был фанатиком.

На самом деле все старые так называемые религии фанатичны, поскольку их вера не основывается на разуме, на науке.

Их вера основывается на абсолютно недоказуемых верованиях.

Вера требует, чтобы вы не спрашивали «почему».

Но вопрос «почему» совершенно естественный. Поэтому, чтобы силой убраться это «почему» в подсознание, чтобы полностью разрушить свой разум, вы должны быть фанатиком –крайне упрямым.

В противном случае эти вопросы будут возникать снова и снова. Если вы нестойки, эти «почему» будут приходить, и они разрушат вашу веру.

Что имел Иисус для доказательства того, что он мессия? У него не было никакого удостоверения от Бога... Из-за того, что он просто утверждал это, евреи хотели привести этого глупого молодого человека в чувство. Если бы у него было побольше разумности и здравого смысла, он не пошел бы туда – в этом не было необходимости. Но тогда не было необходимости и объявлять себя мессией или сыном Божиим – все это глупость.

Вы не можете доказать, что вы сын Божий; никто не может.

Никто не может доказать, что Бог существует, что же говорить о сыне!

Бог – это бездоказательная гипотеза. На одной недоказанной гипотезе строится другая недоказанная гипотеза – сын.

Требуется фанатичный ум, почти безумный. Он по-настоящему верил, что он мессия. Вы можете пойти в любой сумасшедший дом... Когда Уинстон Черчилль был премьер-министром Англии, в сумасшедших домах Англии было восемь Черчиллей – и каждый был абсолютно в этом уверен, невозможно было разубедить их в том, что они не Уинстоны Черчилли. Как разубедить их? Человек говорит: «Я знаю, что я Уинстон Черчилль».

Известен такой странный инцидент, произошедший во время войны. Тогда после шести вечера все должны были быть уже дома; никто не мог оставаться на улице. После шести действовал строгий приказ о комендантском часе. Однажды Черчилль пошел прогуляться и забыл, что должен вернуться точно в шесть. Когда он услышал Биг Бен, он испугался. Дом был еще далеко, он не успевал добраться до него – и если бы его схватили!.. Поэтому он подумал, что лучше постучаться в первый же дом, чем оказаться в полицейском участке. А вы знаете склад британского ума: они потащили бы его в полицейский участок. Если бы даже человек узнал в нем Уинстона Черчилля, это не помогло бы в Британии. Черчилль должен был бы доказывать, что он Черчилль в полицейском участке, и без доказательства он не был бы освобожден. Он подумал, что лучше постучаться в первую же дверь и попросить: «Могу ли я остаться на ночь?»

Он постучал в дверь. Дверь открыли, и он спросил: «Могу ли я остаться на ночь?»

Человек, открывший дверь, спросил: «Кто вы?»

Он сказал: «Я Уинстон Черчилль, премьер-министр Англии.. Вы, должно быть, слышали обо мне».

Человек просто схватил его и втащил внутрь. Он сказал:

«Входите. Я слышал о вас».

Черчилль не мог понять, почему он так ведет себя. Он сказал: «Что вы делаете? Я на самом деле Уинстон Черчилль».

Тот сказал: «Я знаю. Другие трое уже здесь. Это сумасшедший дом».

Уинстон Черчилль вынужден был оставаться там всю ночь. Он просил снова и снова: «Позвольте мне позвонить и проинформировать ваше начальство, что я настоящий Уинстон Черчилль».

Но человек говорил: «Они все говорят, что они настоящие Уинстоны Черчилли, и все они хотят позвонить начальству. Кого нам слушать? Вы вчетвером обсуждайте, спорьте и решайте».

Всю ночь Уинстон Черчилль вынужден был жить с тремя другими Уинстонами Черчиллями, которые были абсолютно, также абсолютно уверены, как и он. Он

начал даже подозревать: «Может быть, я сошел с ума, может быть, эти люди правы».

И это не единичный случай, так случалось много раз. Так произошло в Индии, когда премьер-министром был Джавахарлал Неру. Самый большой сумасшедший дом в Индии находится в Барейлли. Джавахарлал Неру собирался посетить этот сумасшедший дом, и в администрации этого дома решили:

«Будет хорошо, если мы сможем выпустить кого-нибудь, как выздоровевшего. Психолог и психиатр нашли, что один человек совершенно поправился». Поэтому они подумали, что вот так будет хорошо: этот человек выпускается из сумасшедшего дома, здоровым, самим Джавахарлалом. Он будет счастлив – и он определенно был счастлив. Джавахарлал крепко обнял его и сказал: «Я счастлив, что вы поправились».

Он сказал: «Да, я тоже счастлив. И поверьте мне, если вы побудете здесь года три, вы тоже поправитесь. Когда я поступал сюда, я тоже думал, что я Джавахарлал Неру – совсем как вы».

Эти мессии в основном душевно больные люди. Иисус целиком и полностью верил, что распятие послужило бы доказательством того, что он прав. Вот почему я говорю, что было, должно быть, потаенное желание самоубийства, которое никто не удосужился рассмотреть. Он пошел на крест, и на кресте он все еще просил Бога: «Теперь самое время. Неужели ты оставил меня?» Он просил о чуде, о воскресении, так он мог бы доказать евреям, что был их мессией. Если кто-то и был ответственен за это распятие, то это он сам. Он хотел его.

И ни один еврейский источник не говорит о том, что было воскресение, ни один источник того времени не говорит об этом. Только Новый Завет, четыре ученика Иисуса, говорят, что воскресение было. Это вымысел. Если было воскресение, то что же произошло? Если Иисус воскрес, то когда он умер?

Где он умер? Где лежит его тело? У христиан на это нет ни одного ответа.

Воскресения не было.

Но из-за воскресения и распятия крест стал символом христианства. Поэтому я называю его *христианство». Оно стало ориентированным насмерть. Оно стало антижизненным.

На самом деле, все религии были антижизненными. Они ищут лучшей жизни после смерти.

Вы знаете еврейскую и христианскую историю, вы знаете, почему Адам и Ева были изгнаны из Божьего рая. В чем было их преступление? За что они были наказаны? Бог сказал, что им нельзя есть плодов двух деревьев. Обычно христиане упоминают только одно дерево. Это не так. Бог велел им не есть плодов двух деревьев. Одно дерево, упоминаемое христианами, – это древо познания. А другое дерево, которое христиане не упоминают, боятся упоминать, – это древо жизни, вечной жизни.

И что же это за Бог – он запрещает своему сыну, своей дочери... велит оставаться невежественными, не есть от древа познания и оставаться безжизненными, без сока жизни, вечной жизни? Этот Бог больше похож на врага, чем на отца. И вот почему так легко удалось змию уговорить Еву. И вас бы удалось уговорить, любого удалось бы уговорить.

Аргумент, который предъявил Еве дьявол, был такой:

«Бог хочет, чтобы вы оставались невежественными, и он хочет, чтобы вы оставались неосознающими возможности вечной жизненной энергии. Поскольку, если вы познаете эти две вещи, вы сами станете равными Богу; а он ревнив...» И это имеет смысл, поскольку еврейский Бог действительно очень ревнив. Он не хочет, чтобы Адам и Ева становились равными ему. Они должны оставаться зависимыми. В мудрости, в жизни они должны оставаться зависимыми от него.

Нет, это не любовь. Это не сострадание. Это не похоже на отцовское отношение. Вы видите, он отделяет их от двух вещей: знание – то, что сегодня мы называем наукой, наука означает знание... Все, что вы имеете сегодня, весь ваш комфорт, ваша роскошь, ваше здоровье, ваша долгая жизнь – все это благодаря науке. Удалите все, что дала вам наука, и где вы

будете? Чем вы будете? Просто голым животным, намного более слабым, чем любое животное. Вы не сможете выжить.

Познание — это не грех.

И чувствовать жизнь и жить жизнью во всех ее проявлениях, жить ею с таким напряжением и страстью, что каждое мгновение становится мгновением вечности, — вот что должно быть целью религии.

И это то, чему я учил вас: ешьте от древа познания. Становитесь знающими.

Вся невежественность и темнота должны исчезнуть из вас. Вы должны становиться более сознательными, более знающими, более осознающими; вот чему я всегда учил.

И живите так страстно, так любовно. так полно, чтобы вы смогли ощутить вкус жизни вечной.

И когда вы живете каждым мгновением, забывая прошлое, забывая будущее, это мгновение дает вам вкус вечности.

Я говорю вам совершенно противоположное тому, что сказал Бог Адаму и Еве: вы должны искать эти два дерева и есть их плоды.

Если бы мне пришлось писать Библию, то я не смог бы заставить в ней Бога говорить: <Не ешьте плодов познания, плодов жизни>. Тогда что же останется? Жить растительной жизнью, жить, как животные? В чем тогда разница между животными и человеком? Но Бог очень разгневан. Он вывез Адама и Еву из рая. Я не знаю, автомобиль какой марки он использовал — должно быть, «форд», модель Т. Он вывез их

прочь!

В чем было их преступление? Непослушание. Но дело стоило того.

Я учу вас этому непослушанию.

Если бы Адам и Ева оставались послушными, не было бы человечества. Вы все еще были бы в джунглях, голыми животными. Вы не могли бы создать мир, который создали.

Преподобный Джим Джонс — христианский священник. Он против познания, он против жизни — как и все христиане, осознают они это или нет. Можете посмотреть на всю традицию папства. Папы боролись с каждым шагом, с любым прогрессом науки. Они пытались изуродовать науку, разрушить ее. Это та же история: нельзя есть плодов познания.

Все папы — преступники, поскольку останавливать познание, останавливать развитие науки гораздо более преступно, чем убить человека... Не может быть ничего преступнее этого. Даже теперь любой прогресс в науке — и предпринимаются все усилия, чтобы остановить его. Потому что он опасен для кровных интересов политиков и священников, он должен быть остановлен. Человек не должен становиться слишком мудрым; иначе невозможно будет заставить человечество пребывать в рабстве.

В малых вещах папы соглашались с большой неохотой... в малых вещах. Библия говорит, что Земля плоская. Конечно, она выглядит плоской, потому что так обширна, что невозможно видеть ее округлость. Просто стоя на Земле, можно видеть, что она плоская. Не верьте своим глазам, они много раз обманут вас. Когда впервые было сказано, что Земля — шар, что она круглая, папы немедленно воспротивились: это идет против Библии. Ну и что?

Если это идет против Библии, выбросите Библию прочь! Это доказывает, что Библия неверна. Это доказывает, что Библия не написана Богом, иначе он должен быть настолько глуп. Бог, сидя на небесах, по крайней мере мог бы видеть округлость Земли. Человеческие создания не могут видеть ее;

они стоят на самой Земле, их видение не так обширно. Но Бог, сидящий на седьмом небе... Можно видеть округлость Луны, округлость других планет — мог ли Бог не видеть округлости Земли? Это планета—

Если бы люди слушали Библию, Америка не была бы открыта. Она открыта вопреки Библии, запомните; она стоит как доказательство против Библии. Этот человек, Колумб, не слушал священников, пап, не слушал разных советчиков, он бросился на риск и рисковал всей своей жизнью. «Поскольку, — спорил он, — если Земля круглая, то не имеет значения, сколько

потребуется дней; если я буду все время двигаться в одном направлении, то вернусь в ту же самую точку – если Земля круглая». Он открыл Америку благодаря потрясающей смелости, мятежности, непокорности. Он думал, что это Индия, – отсюда краснолицые индейцы; он думал, что открыл Индию. Только позднее он обнаружил, что это не Индия, что это другое место, новый мир.

Библия говорит, что Солнце ходит вокруг Земли. Да, так кажется, поскольку мы находимся на планете Земля, и Земля движется так неукоснительно, что мы не чувствуем ее движения. Чтобы почувствовать движение, вы должны смотреть на что-то неподвижное; только в сравнении можно почувствовать движение. Когда вы едете в поезде, вы знаете, что едете, поскольку по сторонам стоят деревья, станции, и вы проезжаете мимо них. Но иногда, когда два поезда движутся в одном и том же направлении, с одинаковыми скоростями, вы на мгновение можете засомневаться, едет ваш поезд или стоит, стоит или едет другой поезд, если только не посмотрите на что-то неподвижное для сравнения. Поскольку мы находимся на планете Земля и все вокруг движется вместе с нами – деревья, горы, океаны – все движется вместе с нами с огромной скоростью, мы не чувствуем этого.

Но Галилея заставили изменить свое утверждение. Папа продиктовал ему: «Вы должны написать в ваших открытиях, что Солнце ходит вокруг Земли, а не наоборот», – поскольку если Земля ходит вокруг Солнца, то это доказывает, что Библия не права. Это такой идиотизм. Как будто мы здесь только для того, чтобы доказывать, что в Библии все правильно. До истины никому нет дела; христиане должны доказать, что права Библия, мусульмане должны доказать, что прав Коран, индусы должны доказать, что права Гита. В истине не заинтересован никто.

Весь мой интерес – в истине.

И истина каждый день расширяется, открывает новые измерения. И, конечно, старые книги и старые мессии обязаны уходить, как отжившие, – но они не уходят.

Мертвое продолжает править живым.

Все они учили, что жизнь – это наказание. Индусы говорят, что жизнь – наказание, буддисты говорят, что жизнь

– наказание, христиане говорят, что жизнь – наказание. Индусы, джайны, мусульмане – все они говорят, что жизнь – наказание. А если она – наказание, если вы заключены в жизнь, как в тюрьму, то, естественно, самоубийство не должно осуждаться. Это способ выхода из жизненной безысходности.

Я говорю вам, что жизнь – это награда, а не наказание.

Вы награждены жизнью и сознанием – Вы уникальны в этом существовании.

У дерева есть жизнь, но нет сознания. У животных есть мозги, но нет способности к осознанию. Человек – самое высшее во всем существовании.

Как я могу учить вас разрушать себя? Преподобный Джим Джонс может говорить это: жизнь – наказание. Если она

– тюремное заключение, выходите из нее – любым путем! Путь не имеет значения. А после жизни есть «настоящий» рай. Все эти религии были антижизненными, они направлены против жизни. Тогда, естественно, так или иначе они учили вас: «Принимайте нищету, принимайте страдание. Скоро придет смерть, и все закончится, и вы будете на небесах».

Вам нужно всмотреться в их противоречия. Иисус говорит: «Блаженны нищие, поскольку они наследуют царство Божье». Вы видите противоречие? Блаженны нищие – по какой причине? Нищета – источник всех преступлений, не-

счастья, страданий. Но блаженны нищие – хорошее утешение,, чтобы удержать нищих в наркотическом состоянии. Это утешение гораздо эффективнее, чем любое ЛСД, поскольку ЛСД истощается за какие-то часы. Этот же наркотик не уходит из-системы человека тысячи лет: блаженны нищие.

И по какой же причине они блаженны? Потому что они собираются наследовать царство Божье.

Я хотел бы, чтобы вы увидели противоречие: если царство Божье – причина, делающая их блаженными, то нищета – не благословение.

Она – просто средство попасть в царство Божье, где будут доступны все удовольствия, будут исполняться все ваши фантазии.

Иисус говорит: «Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый войдет во врата небесные». Девяносто девять процентов людей на земле были бедными. И у Иисуса, или Будды, или Мухаммеда не было понятия о том, как уничтожить эту нищету. Только наука способна уничтожить ее, и только научный ум может справиться с задачей, как сделать землю богатой, как сделать землю благословенной. Но ненаучный религиозный ум продолжает вмешиваться.

Папа вмешивается постоянно. Он не допускает контроля над рождаемостью; это грех – грех против Бога. И что же это за Бог, который не видит, что земля чрезмерно отягощена населением? Люди голодают и умирают, а он продолжает посылать людей. С каждым человеком он должен бы посылать маленький кусочек земли и другие вещи тоже – он же посылает их голыми. Здесь и папа, и шанкарачарья, и джайнские монахи, и мусульманские имамы – все против контроля над рождаемостью, потому что это против Бога.

Эти люди... Если однажды земля погибнет от взрыва народонаселения, эти люди будут отвечать за это. Они против абортот. Сейчас, без контроля над рождаемостью, без абортов, невозможно земле стать богатой. А все эти религии продолжают восхвалять бедность. Если вы восхваляете бедность, как вы собираетесь уничтожить ее? Если вы уважаете и восхваляете бедность, конечно, вы будете защищать ее. Это нечто, достойное уважения. Они не осуждают ее. Они не могут осуждать ее, потому что они живут за ее счет, эксплуатируя ее.

Возьмите Мать Терезу... где бы она была и кто дал бы ей Нобелевскую премию, если бы сироты не умирали на улицах? Эти сироты нужны Матери Терезе. Эти сироты абсолютно необходимы, иначе Нобелевская премия прошла бы мимо Матери Терезы. Поэтому она против абортов, против контроля над рождаемостью. Пусть появляются сироты; пусть их будет больше и больше – ведь это люди, которые будут обращаться в христианство.

Вы будете удивлены... в Индии я наблюдал это в течение тридцати лет: ни один богатый человек не был обращен в христианство. Я был изумлен. Не обратился в христианство ни один богатый человек, ни один человек даже среднего класса;

ни один образованный человек, культурный человек; ни один брамин, ни один джайн. Кто обращается в христианство? Сироты, аборигены, живущие, словно пять тысяч лет назад, – обратиться их в христианство так просто.

Мне вспомнился один инцидент, произошедший у меня на глазах. В центральной Индии есть штат Бастар – он полностью населен аборигенами: нет школ, нет больниц, нет образования, нет ничего. Они живут голыми. С большим трудом они добывают себе пищу на один раз в день, и что это за пища? Немного риса и рыбы, вот и все. Этим людям обращают в христианство. Для них не нужна особая аргументация. Как обращают этих людей? Я пошел посмотреть на одно обращение. Мне пришлось пройти двадцать пять миль, чтобы добраться до места, поскольку дорог там нет, поездов там нет.

Как было организовано обращение? Христианский священник говорил с аборигенами. Я слушал, сидя позади:

холодная зимняя ночь, поэтому костер, и в этом свете – то был единственный источник света и единственный источник тепла – эти люди, обнаженные и дрожащие.. И христианский священник достает из своей сумки две статуи, одну – Иисуса, другую – Рамы. Эти аборигены верят в Раму, индусского аватару, воплощение Бога, согласно индуизму.

Рядом со священником ведро с водой, и он говорит:

«Посмотрите, я делаю для вас одну простую вещь. Это Рама, а это Христос». Обе статуи совершенно одинаковые, он опускает обе статуи в ведро с водой. Статуя Рамы, конечно, тонет, поскольку Рама никогда не ходил по воде. Статуя Иисуса остается плавать, и все аборигены аплодируют, они говорят:

«Невероятно!»

И миссионер говорит: «Иисус спасает. Может ли Рама спасти вас? Он не может спасти себя. Вы видите это своими собственными глазами...»

Я вынужден был встать и сказать: «Подождите». Я спросил аборигенов: «Вы слышали когда-нибудь об испытании водой?»

Они сказали: «Нет».

«Вы слышали когда-нибудь об испытании огнем?»

Они сказали: «Да». Испытание огнем – это единственное настоящее испытание. Когда Рама нужно было испытать свою жену, она должна была пройти испытание огнем.

Я сказал: «Хорошо, вот костер, положим в него обе статуи». Священник заколебался. Я сказал: «Постойте и не пытайтесь сбежать отсюда. Испытание огнем должно быть пройдено», – ведь я видел, что статуя Иисуса деревянная, а статуя Рамы стальная. Я бросил обе статуи в огонь. Конечно, Иисус, бедный Иисус, сторел; Рама вышел из огня живым. И аборигены очень рассердились; они были готовы побить священника. Я сказал: «Нет, не нужно бить его».

Но бедных людей, необразованных людей, людей, не знающих аргументации, обращают. И им говорят производить больше и больше детей, поскольку это политика, основанная на количестве.

Сколько католиков, сколько христиан, сколько мусульман – это решает, кто будет править миром. Они не интересуются человечеством. И все они обещают этим людям, что в будущем, в другой жизни, они получают все, что у богатых есть сейчас. Это странно... все, что богатые люди имеют сейчас, возможно сейчас для каждого. Зачем ждать смерти? И какое у вас есть основание считать, что после смерти вы получите все это? Разве кто-нибудь возвращался и рассказывал?

В Индии есть одно место, Сурат, и в этой области есть мусульманская секта. Здесь живет их высший священник. Это очень богатая секта, бохары. И высшие священники эксплуатировали этих бедных и богатых бохаров веками.

Когда умирает бохара, он должен пожертвовать высшему священнику большую сумму денег. И высший священник дает ему удостоверение и обещает ему – совсем как долговое обязательство – обещает ему: «Вы получите в тысячу раз больше, когда покажете это обязательство Богу». И люди получали эти удостоверения и отдавали за них миллионы рупий. Эти удостоверения кладутся им в карман, и они отправляются в могилу, веря, что когда они покажут их Богу...

Я был в доме у друга-бохара. Как раз за несколько дней до этого умер его отец, и они пожертвовали много денег. Они были по-настоящему богатыми людьми, и он сказал, что им дали подобное удостоверение.

Я сказал: «Сделайте одну вещь. Проводите меня к могиле вашего отца вечером, и я посмотрю, там ли еще удостоверение или нет».

Он сказал: «Но какой в этом смысл?»

Я сказал: «Я расскажу вам о смысле позже. Сначала давайте посмотрим». Конечно, удостоверение было там. Я сказал: «Посмотрите. Ваш отец ушел, это лишь мертвое тело. И он не взял с собой это удостоверение. Что теперь он будет показывать Богу? И вы, образованный человек, кладете в карман мертвого человека удостоверение...!» Но это продолжается, продолжается все время.

Я встречался с высшим священником, он доктор философии, доктор литературы из Оксфорда – очень образованный человек.

Я сказал: «По крайней мере человек вашего образования мог бы не допускать такой эксплуатации». Он не мог смотреть мне в глаза.

Он сказал: «Всякий раз, когда вы приходите ко мне, вы нарушаете мой сон. На несколько дней мне становится трудно спать, вы задаете такие неудобные вопросы».

Я сказал: «Не я создаю эти вопросы, а вы. Выбросите всю эту чепуху. Образованный, культурный человек, нужно выйти, нужно сказать людям: «Вас обманывали»».

После смерти нет жизни, какой вы ее знаете. А если есть какая-нибудь жизнь, вы должны учиться жить сейчас. И вы должны учиться жить так полно, так интенсивно, что, если и есть какая-нибудь жизнь после смерти, вы

сможете жить и там. Если нет, нет вопроса. Вот каким всегда должен быть подход рационального человека.

Я ничего не говорю о небесах и аде, о наказании и вознаграждении. Я просто говорю вам: все время умирайте для прошлого, чтобы оно не было грузом в вашей голове. И не живите будущим, которого еще нет. Концентрируйте всю свою энергию здесь и сейчас. Изливайте ее в это мгновение, полностью, с той интенсивностью, на которую вы способны. И в это мгновение вы будете чувствовать жизнь. Для меня такая жизнь эквивалентна Богу. Кроме этой жизни нет другого Бога.

Конечно, если вы выживете после смерти, вы будете знать искусство жить и вы будете продолжаться. Если не выживете, проблемы нет.

Поэтому, в моей коммуне абсолютно невозможно, чтобы произошло что-либо, подобное Джонстауну.

Но журналисты продолжают выискивать сенсации. Вся их деятельность основывается на сенсациях. Они эксплуатируют низшие инстинкты человечества. Журналистика еще не вошла в возраст. Она еще не стала зрелой. Поэтому для нее изнасилование – новость – Убийство – новость. Самоубийство – новость. Все мерзкое, отвратительное, преступное – новость, а все прекрасное – не новость. Если человека укусила собака, это не новость, это естественное дело; но если человек укусил собаку, тогда это новость. Тогда журналист не интересуется, правда это или нет. Достаточно слухов.

Есть старое определение философа: философ – это слепой человек, который в темном доме, без света, темной ночью, ищет черную кошку, которой там нет. Это старое определение философа. Позвольте мне добавить к нему еще кое-что. Журналист – это человек, который находит ее. Тогда это новость.

Это коммуна, которая знает только любовь, жизнь и смех;

это коммуна, которая не верит ни в какие небеса, ни в какой ад; это коммуна, которая не верит в служение, в верование, в веру; какой Джонстаун может быть здесь?

Это единственное место, где это невозможно. Это может быть где угодно, поскольку повсюду поклоняются смерти, прославляют ее, постоянно говорят о загробном мире: вы должны пожертвовать этой жизнью для той жизни, которая придет после смерти.

Я говорю прямо противоположное: жертвуйте этой жизнью для этой. Жертвуйте всем для этого мгновения. Наслаждайтесь этим мгновением. И если вы способны наслаждаться этим мгновением, вы сможете полностью стереть из своего сознания инстинкт самоубийства.

Если вы можете полно наслаждаться этой жизнью, вы не будете беспокоиться о том, что случится после смерти – ведь так много случится сейчас, что вы не сможете представить, что же еще возможно.

И вы говорите, что журналисты и политики спрашивали вас. Журналисты – бедные люди, живущие за счет эксплуатации низких инстинктов человека, низменного любопытства человека. Они не так вредны, они не опасны. Самое большее, они создают забавные вещи, и люди радуются. Они не могут насиловать сами; они получают удовольствие от историй об изнасилованиях. Они хотели бы «ыть убийцами, но они не могут убивать, это слишком рискованно; они получают удовольствие от историй об убийствах.

Они много раз думали совершить самоубийство. Запомните, трудно найти человека, который ни разу в жизни не думал бросить все и покончить со всем этим. Но они не могли набраться смелости. Чтобы совершить самоубийство, не нужна большая смелость – просто небольшая смелость, не так много. Настоящая смелость нужна, чтобы жить. Чтобы совершить самоубийство, нужна лишь небольшая смелость – мимолетная эмоциональная смелость, на одно мгновение, как вспышка. Но они не могли совершить этого сами. Кто-то другой сделал это;

они получают удовольствие от этой истории.

Люди получают удовольствие только от того, что хотели бы совершить сами, но не способны – обстоятельства не позволяют, разные причины, – но, по крайней мере, они могут получать удовольствие. Их можно узнать – в

кино, на телевидении, в рассказе, в романе, в газете – их можно узнать в тех людях, которыми они хотели бы стать, но не могут. Их можно осуждать, это их маски; глубоко внутри они получают от этого удовольствие.

Иначе зачем такой большой интерес к Джонстауну? Джонс – сумасшедший. А кто были его последователи? Все необразованные, в большинстве своем чернокожие, люди, не понимающие ничего, – что за конгрегация была у него? Но он смог привлечь внимание целого мира, совершив самоубийство. Иначе никто бы и не знал преподобного Джима Джонса и его людей. Совершив самоубийство, он создал себе хорошую рекламу. И это все, что он хотел: стать известным.

Один университет провел исследование в моей коммуне. Шестьдесят процентов людей получили образование в университетах. Двадцать процентов имеют ученые степени: один магистр гуманитарных наук, два магистра гуманитарных наук, три магистра гуманитарных наук. Десять процентов людей имеют степень доктора философии: один доктор философии, два доктора философии, три доктора философии. Три процента людей имеют степени доктора литературы, бакалавра наук, доктора образования, доктора права. И таких людей сравнивают с Джонстауном?

Людей такого калибра невозможно найти нигде, ни в одной коммуне. Эти разумные люди собрались здесь не для того, чтобы совершать самоубийство – это они могут сделать где угодно. Они собрались здесь, чтобы разделить со мною жизнь, получить что-то от вечного, почувствовать его вкус.

Вот политики – это опасные люди. О журналистах можно не беспокоиться, но политики – опасные люди.

Эта коммуна никогда не сможет стать Джонстауном, но политики могут превратить ее в Дахау, Освенцим, Бухенвальд. Политики могут сделать это, они уже начали делать это. Они объявили этот город вне закона. Город, в котором живут семь тысяч человек без всяких преступлений, без каких-либо наркотиков, без каких-либо проблем, без вреда кому-либо – этот город вне закона. Не совершено ничего незаконного – город вне закона. А незаконные города, в которых совершаются все виды беззакония, они законны.

Они хотят, чтобы этот город был снесен из-за их законов об использовании земли. И ни один из идиотов не пришел сюда, чтобы увидеть, как мы используем землю. Смогут ли они увидеть более созидательное использование, чем у нас. И в течение пятидесяти лет никто не использовал эту землю;

можно только радоваться такому хорошему использованию. Теперь мы создаем все это, мы самодостаточная коммуна. Мы производим свою пищу, свои овощи, свои фрукты; мы предпринимаем все усилия, чтобы сделать ее самообеспечивающейся.

Эта пустыня... представляется, что она является местом назначения таких людей, как я. Моисей стремился в пустыню. Я устремился в пустыню, и мы стараемся сделать ее зеленой. Если вы обойдете вокруг моего дома, то не подумаете, что это в Орегоне; вы подумаете, что это в Кашмире. Когда я прибыл сюда, здесь не было ни единого деревца. Не было зелени. Я был просто шокирован, когда Шила привела меня сюда; дом стоял голым. А я всегда жил в прекрасных садах; где бы я ни жил, я создавал прекрасные, сады.

Мы с великими трудами преобразовали это место в изобильное. Наши люди работают двенадцать, четырнадцать часов в день, а они не приходят посмотреть, что происходит здесь. Просто сидя в Капитолии, они решают, что это плохое использование земли, а это против законов об использовании земли. Если это против законов об использовании земли, то эти ваши законы фиктивны и должны быть сожжены. Но сначала придите и посмотрите, докажите, что это против законов об использовании земли. Но они боятся прийти сюда.

Они хотели бы прийти сюда в тот день, ради которого стараются... Округ запросил план города, он зарегистрировал план города – затем давление сверху, и план отклоняется. Он отвергнут. Но на плане их собственного округа есть много мест, где упоминается Раджнишпурам, они забыли про них.

Два дня назад они снова стали становиться поперек дороги, потому что не хотят, чтобы существовало такое место.

Семь тысяч человек живут здесь, и чтобы такого места не существовало! Сначала они должны вычеркнуть его из своих книг, из своих карт. – поскольку он вошел в их карты – ведь в течение двух лет он был законным городом, и правительство оказывало всяческую поддержку, в которой город нуждался. Но теперь внезапно он стал незаконным. Теперь будут удалять его наименование с карт. Будут удалять его наименование из географических книг. Будут удалять его наименование с дорожных указателей.

Я слышал, что так бывало в Советской России... Сталин удалял наименования, которые ему не нравились. Когда произошла Русская революция, Троцкий был вторым человеком после Ленина, не Сталин. Сталина не было нигде. Но Троцкий был убит, здесь, в Мексике, поскольку он должен был быть устранен. Кроме того, есть большая вероятность того, что Ленин был отравлен... И тогда Сталин начал переписывать всю историю заново. Тогда исчезли портреты Троцкого, второго человека после Ленина, и на их месте начали появляться портреты Сталина – все трюки с фотографией. Были изменены все исторические книги.

Когда к власти пришел Хрущев, он сделал то же со Сталиным – его имя было удалено, его книги были изъяты, сожжены. Не только это, его могила, которая была устроена рядом с Лениным, около кремлевской стены, была удалена. Его кости были вынуты и отосланы в деревню, где он родился.

Я слышал: Хрущев обращался к президиуму и говорил им, что Сталин совершил величайшее преступление против коммунизма. Он убил миллионы людей. Один человек сзади сказал: «Но вы все это время были со Сталиным, почему вы. ничего не говорили?»

Хрущев сказал: «Пожалуйста, встаньте и назовите свое имя». Никто не встал. Хрущев сказал: «Теперь вы знаете, почему я молчал?»

Я всегда уважал Америку, как страну демократии. Я всегда ценил уважение к личности, к свободе, к свободе выражения. Я всегда любил американскую конституцию. А теперь я чувствую, что лучше было бы не приезжать сюда, поскольку я чувствую себя абсолютно разочарованным. Эта конституция фиктивна. Эти слова: личность, свобода, капитализм, свобода выражения – все это просто слова. За вывеской все тот же политик, все то же безобразное лицо, все тот же посредственный ум – поскольку, по моему мнению, политика притягивает только самых посредственных людей в мире, самых посредственных, самых низких, ведь они знают, что могут сделать что-то, только имея власть – Власть нужна, чтобы делать что-то вредное. В противном случае достаточно любви, достаточно сострадания. И для сострадания не нужно быть президентом страны. Для любви не нужно быть премьер-министром. Так что я говорю вам: эта коммуна сама по себе никогда не станет Джонстауном – это невозможно. Но эти политики могут взорвать ее, могут ее разрушить. Они говорят точно такими словами: нас нужно выбросить из Америки, мы должны быть вырезаны. Это возможно, поскольку для политика возможно все, поскольку политик – это потенциальный Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Бенито Муссолини.

Беседа 8

ЖАЖДА ВЛАСТИ: РАК ДУШИ

6 ноября 1984 года

Ехагаван,

Почему Вы против политиков?

Я не против кого-либо. У меня нет зависти, нет стремления состязаться, нет ревности. Почему я должен быть против политиков? Я не политик. Но мои утверждения можно понять неправильно.

Я против болезни под названием «жажда власти». Это величайшее заболевание в том, что касается сознания человека и его роста. Оно подобно раку; это рак души.

Жажда власти может проявляться по-разному. Простейший путь – это политика, поскольку ей не требуется много разума. Все, что требуется, – это создавать ложные надежды в массах, надежды, которые никогда не будут

исполнены, надежды, которые никогда и не предполагалось исполнять; их целью было что-то другое. И массы страдают. Они бедны, они невежественны. Им также нужны все удобства жизни, они также хотят жить по-человечески, с достоинством. Политик дает им надежду и эксплуатирует эту надежду для своих собственных целей, поскольку, когда он получает власть, когда он становится кем-то – премьер-министром, президентом, – тогда что-то расслабляется в нем. Это было его психологической потребностью.

Эти люди в основе своей, глубоко внутри, импотенты –отсюда тяга к власти.

Они чувствуют свою слабость и немощность; они знают, что они никто. Но если они могут убедить толпу посредственностей, что они могут исполнить их потребности, то это взаимное понимание, торговая сделка. Тогда массы дают им власть. Когда они получают власть, они забывают все свои обещания; на самом деле они никогда не предполагали выполнять их, а когда они имеют власть, они показывают свое настоящее лицо.

Лорд Эктон был абсолютно прав, когда сказал: «Власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно».

Но он не осознавал, почему власть портит, как портит власть. Человек несет в себе семена испорченности, но сам по себе он еще не способен их реализовать; нужна власть. Когда же человек получает власть, тогда постепенно его маска начинает спадать и вы начинаете видеть в нем эгоиста во всей его предельной наготе. Политик – это не что иное, как эгоист. Внутри себя он чувствует пустоту – и боится этой пустоты. Он хочет быть кем-то, чтобы забыть о своей собственной пустоте. Власть дает ему шанс. Он может увидеть миллионы людей под своим башмаком. Он может убедить себя, что он не ничто, что он что-то особенное. И он начинает вести себя соответственно. Он начинает злоупотреблять властью. Раз получив власть, он не хочет с ней расставаться. Он хочет всегда оставаться при власти, поскольку теперь прекрасно знает, что без власти он будет осознавать еще лучше, чем раньше, свою пустоту и бессилие.

Я против этой игры эго. Кто играет в нее, каким тонким образом ведется эта игра – это совершенно другое дело.

Политик – наиболее явный игрок в эту игру. Религиозный мессия, аватара, тиртханкара, паигамбара – Иисус, Мухаммед, Кришна, Будда- они на том же пути, тот же номер;

но нужен будет великий разум, чтобы распознать игру их власти. Политика нечего и сравнивать с ними. Игра политика очень тривиальна.

Но когда Иисус говорит: «Я сын Божий, единственный порожденный сын», – что это, как не путь власти? Он говорит:

«Я ожидаемый мессия евреев и пришел искупить все человечество от страданий, несчастья. И те, кто последует за мной, войдут в царство Божье, а те, кто не последует за мной, попадут во тьму ада навечно». Это та же жажда власти, но в религиозном наряде. Трудно определить ее; она более тонкая, более рафинированная, более отточенная.

Когда Кришна говорит Арджуне: «Оставь все и припади к моим ногам; я твое избавление», – что он говорит? Чего он просит? Это та же потребность.

Когда Мухаммед говорит: «Я посланник Бога, и последний посланник. После меня посланников больше не будет. Я принес вам окончательное слово. Да, до меня было несколько посланников, но поскольку человечество не было готово, их послания не достигли цели. Я несу вам завершённое послание, абсолютное откровение; все, что вам нужно делать, это верить мне». Один Бог, один посланник Бога, то есть Мухаммед, одна книга Бога, то есть написанная Мухаммедом книга, Коран, – вот три основания мусульманства: один Бог, один посланник, одна книга- Ничего нельзя добавить. Эти жадные до власти люди всегда боялись, что кто-то после них сможет доказать, что он лучше.

Махавира говорит: «Я последний тиртханкара джайнов. Теперь послание доставлено во всей его завершенности, и больше не будет тиртханкар». Что он говорит? Двадцать пять веков назад он закрыл дверь; еще не случился

Дарвин, еще не случился Фрейд, еще не случился Маркс, еще не случился Эйнштейн, — а он закрыл двери. Послание было завершено.

На самом деле вся наука случилась в пределах трех столетий, а последней религией является сикхизм, которому пятьсот лет. После сикхизма не было ни одной великой религии. А эти триста лет перевернули все вверх дном. Триста лет назад отцом логики был Аристотель, а последнее слово в логике говорит, что это больше не так. Его логика оказалась неподходящей для последних открытий в науке. Перед учеными встала большая проблема, когда они открыли явления, идущие против аристотелевой логики. Они никогда не думали, что что-то может пойти вразрез с аристотелевой логикой. Но Аристотель не может диктовать существованию. Эти люди пытались всеми способами как-то подогнать все под аристотелеву систему, но это было невозможно.

И затем, в конце концов, они вынуждены были принять неаристотелеву логику. Они вынуждены были принять простой факт: нужно слушать природу, существование. То, что мы понимаем о ней, может быть истинным для текущего времени;

завтра мы можем открыть больше, тогда это окажется неверным. Триста лет назад геометрия Евклида была единственной геометрией и завершенной наукой. Это больше не так. Заняли свое место неевклидовы геометрии. Благодаря великим открытиям в науке стало абсолютно необходимым, чтобы мы думали вопреки Евклиду, вопреки Аристотелю.

Махавира, Кришна, Будда, Иисус, Моисей, Мухаммед — все они случились до того, как наука начала проникать к самым основам вещей. Но они все думали, что с ними эволюция останавливается, с ними останавливается время. Нет, время не останавливается ни с кем. Эволюция не останавливается ни с кем. Все это эгоистические притязания. Это хотело бы сказать:

«Со мной все останавливается — я предельное, что может случиться. Больше ничего не будет, лучше ничего не будет, выше ничего не будет».

Даже Гаутама Будда полностью забывается. Он объявляет: «Я наивысший осознавший человек, величайший осознавший человек. Никто не был таким осознающим ранее, никто не будет таким осознающим вновь. Никто не выше меня, и никто не будет выше меня».

И, с другой стороны, эти люди все время учат: «Будьте смиренными. Отбросьте эго». Кажется, они хорошо устроились. Людям говорить: «Будьте смиренными», — и называться единственным порожденным сыном Божьим! Людям говорить:

«Оставьте эго», — а себя объявлять величайшим осознавшим человеком! И не только то, что он — высочайший из тех, кто были до той поры, он закрывает и будущее: никто не сможет превзойти его.

В Индии есть религия радхасвами. У них существует список: они думают, что есть пятнадцать стадий эволюции души. Мухаммед находится на третьей стадии — я говорю так для примера, — Иисус находится на четвертой стадии, на одну ступень выше; Кришна находится на пятой стадии, на одну ступень выше; Будда на десятой.

Они распределили все имена по категориям. Их гуру, неизвестный за пределами Индии, неизвестный за пределами города Агры, — это очень маленькая секта — достиг пятнадцатой, последней стадии. Выше стадий нет.

Я посещал их храм — они строят храм точно в соответствии с той же игрой во власть. В Агре есть Тадж-Махал — одно из прекраснейших творений человека; они строят лучший храм — чтобы побить настоящий Тадж-Махал. Они работали над ним почти шестьдесят лет; готов то.лько пол, пол первого этажа. Оставшееся строительство займы еще, по крайней мере, лет двести. Но как они делают это... даже по незавершенному строению видно, что если у них получится, — а это представляется довольно трудным, — если у них получится, то они побьют Тадж-Махал. Можно видеть величественность того, что они делают. То было желание их гуру: его самадхи, его мавзолей, должен быть лучше, чем Тадж-Махал. «В противном случае не делайте его. Если вы сделаете его, то он должен быть лучше, чем Тадж-Махал. Если вы не можете справиться...»

Это было трудно. Тадж-Махал был построен великим императором Шах-Джаханом, который правил Индией. Во времена правления Шах-Джахана Индия была, может быть, в четыре раза больше, чем теперь, поскольку его империя распространялась за пределы, далеко за пределы границ сегодняшней Индии. Ее частью был Афганистан, ее частью была Бирма, ее частью был Цейлон-Империя Шах-Джахана была, конечно, в четыре раза больше современной Индии.

И он построил этот мавзолей для своей жены – здесь снова та же игра. Вы удивитесь: это было сделано не из-за любви. У него было много жен; Мумтадж-Махал была одной из них. Возможно, она встречалась с ним раз в год, поскольку, если у вас есть четыре или пять сотен жен... И я не думаю, что он узнал бы ее, если неожиданно встретил на рынке. За всю свою жизнь он видел-то ее не более полудюжины раз. Но она умерла. Она была первой из всей армии его жен, и поэтому он решил создать мавзолей, который был бы лучшим в мире. Он забыл на время... а что же его мавзолей?

Двадцать тысяч человек в течение двадцати лет работали над созданием Тадж-Махала. В Агре со всего мира были собраны все лучшие художники, работающие по мрамору. И когда Тадж-Махал был завершен... «Тадж-Махал» назван так потому, что имя жены было Мумтадж: отсюда «Тадж-Махал», дворец «Тадж» – он любовно называл ее «Тадж». Затем он начал строить свой собственный мавзолей, не дожидаясь смерти, поскольку он был абсолютно уверен, что его сын не будет в состоянии приложить достаточно энергии и потратить много денег на него.

Перед ним возникла большая проблема – он понял ее только тогда, когда Тадж-Махал был возведен: «Мой мавзолей должен быть лучше Тадж-Махал». Конечно, мавзолей мужа должен быть лучше мавзолея жены, повсюду мужской шовинизм, – но это тот же путь власти. По одну сторону реки Ямуны стоит Тадж-Махал; весь из белого мрамора. Он начал строить другой мавзолей по другую сторону реки, из черного мрамора. И он должен был стать лучше, чем Тадж-Махал. Он завершен только наполовину, но можно видеть, что он был бы лучше, если бы Шах-Джахан дожил до его завершения. Он умер – он был старым, – а его сын просто забросил весь проект, это было слишком дорого.

Так что там находится незавершенный мавзолей, который должен был стать лучше, чем Тадж-Махал. И потом –благодаря этим радхасвами есть еще один, который будет определенно лучше, если он получится, что почти невозможно, ведь это очень маленькая секта; очень богатая, очень творческая, но завершить работу, как это сделал Шах-Джахан, невозможно... А знаете ли вы, что сделал Джахангир, сын Шах-Джахана? Он нетолько прекратил все работы, он отрубил руки лучшим художникам для того, чтобы никто не мог построить ничего сравнимого с завершенным Тадж-Махалом или с незавершенным мавзолем его отца. Такова награда тем людям, которые работали в течение почти трех поколений. Прodelки это....

Итак, я был приглашен в этот храм. Они сказали мне:

«Наш Учитель учил нас, что есть пятнадцать стадий. И в этом заключается способ, которым он определил, кто есть где – кто есть кто и кто есть где». «Что вы думаете об этом?» – спросили они меня.

Я сказал: «Ваш учитель прав, поскольку я вижу, как с пятнадцатой он пытается добраться до шестнадцатой, но все время соскальзывает, очень скользко – это последняя. Бедный парень все время падает – я знаю его». Эти глупые люди! Это та же жажда власти, но именем религии.

Вы найдете ее очень тонкой в поэтах, в живописцах, в других художниках, певцах, танцорах, – но это то же самое.

Так что я не против политиков, я против жажды власти, поскольку жажда власти – это не что иное, как проекция эго, а это величайший барьер между вами и существованием.

Чем больше у вас эго, тем дальше вы от существования. Если его нет... встреча, слияние...

Но я не буду говорить вам отбросить эго. Я полностью осознаю, как хитро эго. Оно может даже сыграть в игру с отбрасыванием себя, и вы можете сказать: < Посмотрите, я самый смиреннейший человек в мире, самый лишенный эго». Оно снова вошло через заднюю дверь; теперь вы самый '

смирный, самый лишенный эго, но вы должны быть кем-то особенным и необыкновенным.

Я только говорю вам: если вы пытаетесь отбросить эго, оно войдет через заднюю дверь. Просто постарайтесь понять его игры, этого достаточно. Просто постарайтесь увидеть, как много игр, в которые оно может играть, сколькими многими способами оно может обманывать вас. Просто будьте бдительными. И если вы осознаете все возможные пути эго, оно исчезает, точно так же, как исчезает тьма, когда вы вносите горящую свечу. И вы с горящей свечой начинаете искать, где же тьма. И вы ищете все время... и куда бы вы ни пошли, ее нет... куда бы вы ни пошли, ее нет.

Когда есть свет, тьма исчезает. Не то чтобы тьма сбежала; темноты нет совсем. Темнота – это отсутствие света.

Это подобно тьме; оно не существует само по себе. Оно – только отсутствие осознания.

Поэтому я не говорю вам отбросить эго. Я говорю вам, что следует наблюдать эго. Будьте наблюдательными, рассматривайте эго – и вы найдете в нем так много слоев, что будете удивлены.

Политик – явный эгоист. Святой может быть очень тонким эгоистом. Он более опасен, чем политик, поскольку явное легче схватить. Я знаю обоих. Я знаю самого явного политика, я знаю самого тонкого святого, я знаю все категории между ними. Я встречался со всеми этими людьми.

Работа всей моей жизни заключается в том, чтобы выявить основную проблему человечества.

А когда мы знаем основную проблему человечества, совсем нетрудно разрешить ее. На самом деле она разрешается уже самим ее обнаружением, поскольку ваша осознанность становится для нее светом.

Я не говорю, что я мессия, я не говорю, что я аватара, поскольку знаю эти тонкие игры эго. Я говорю только: я такой же обыкновенный, как и все, или такой же необыкновенный, как и все.

В существовании малейший листик травы имеет ту же значимость и ту же красоту, что и величайшая звезда. Нет никакой иерархии. Нет никого выше, нет никого ниже.

Я не против кого-либо. Но моя основная работа – представить перед вами все заболевания, все виды рабства для того, чтобы вы не попались в них, чтобы вы оставались свободными, чтобы вы могли слиться с существованием безо всяких препятствий. И эго – единственное препятствие. Оно может прийти столь многими путями, что если вы не бдительны по-настоящему, то оно обманет вас. Оно может стать таким тонким – почти как тень, – что будет следовать за вами, а вы не будете осознавать его.

Я хотел бы рассказать вам небольшую историю – Два монаха, буддийских монаха, возвращаются в свои монастыри;

они подходят к броду. Течение очень сильное – Местность холмистая. Там ждет молодая красивая девушка, ждет кого-нибудь, кто помог бы ей перебраться. Она боится переходить одна.

Один монах, который, конечно, постарше... так как он постарше, он идет впереди – все игры эго. Если вы старше, вы должны идти впереди; монахи помоложе должны идти немного сзади. Они не могут идти вровень со старшим монахом;

конечно, они не могут идти и впереди. И эти люди постоянно говорят о том, что нужно отбросить эго! Даже физический возраст используется для удовлетворения определенного эго.

Монах постарше подходит первым. Молодая девушка просит его: «Бханте», – бханте – это буддийский эквивалент слову «преподобный», – «Бханте, не поможете ли вы мне;

просто поддержите меня за руку? Я боюсь, течение такое сильное, и тут может быть глубоко».

Старый человек закрывает глаза – так Будда сказал монахам: если вы видите женщину, особенно если она красивая, закройте свои глаза. Но я удивляюсь. Вы уже увидели ее, затем закрываете глаза. Иначе как вы определите, что это женщина, что она красивая? Вы уже получили воздействие и теперь закрываете глаза. И запомните, с закрытыми глазами

красивая женщина станет даже более красивой – она станет девушкой мечты. А Будда сказал: «Не разговаривайте с женщиной, не касайтесь ее», – поскольку, просто разговаривая, вы можете быть захвачены; прикоснувшись, вы можете забыть, что вы монах.

Итак, он закрыл глаза и вошел в брод, не отвечая женщине. Видите безобразность этого. И эти люди говорят:

«Помогайте, служите», – а эта бедная девушка просто попросила: «Поддержите меня за руку, всего несколько секунд, чтобы я могла перейти брод». А этот человек закрыл глаза.

Потом подходит второй монах, помоложе. Девушка боится, но нет никого другого, к кому можно было бы обратиться:

солнце садится, скоро ночь. Она не может идти назад, город далеко позади. Она должна идти вперед, только так она может Добраться домой до наступления темноты. Но как перейти этот брод? Поэтому она вынуждена просить молодого монаха:

«Бханте, не будете ли вы так добры, поддержите меня за руку? Брод кажется глубоким, и течение сильное... я боюсь».

Монах говорит: «Здесь глубоко, я знаю, ведь мы переходим здесь каждый день. На той стороне наш монастырь, поэтому, чтобы принести пищу, мы каждый день вынуждены переходить на эту сторону в деревню. Здесь глубоко, и это хорошо, что вы не пошли в одиночку, иначе вас унесло бы. И просто поддерживать вас за руку недостаточно; вы садитесь прямо мне на плечи, и я перенесу вас на ту сторону».

Молодая девушка забралась к нему на плечи, он понес ее на другую сторону. Когда они находятся как раз на середине брода, старый монах вспоминает, что молодой идет позади, а он такой молодой, такой новичок, он может попасться в сети дьявола – женщина и есть сети дьявола. Может быть, это сам дьявол стоит в виде молодой красивой девушки. Он открывает глаза и не верит тому, что видит. Молодой монах несет красивую девушку на своих плечах. Он приходит в страшный гнев, просто трясется от гнева.

Молодой монах оставляет девушку на той стороне и следует за старым монахом к монастырю. Когда они добираются до дверей монастыря – он, должно быть, в двух или трех милях от брода, – старый монах останавливается на ступенях и говорит молодому: «Ты, парень, совершил грех, и я собираюсь рассказать Будде, что ты не только касался женщины, не только разговаривал с ней, ты нес ее на своих плечах. Ты должен быть изгнан из общины; ты недостойн быть монахом*».

Молодой человек смеется и говорит: –»Бханте, похоже, что, хотя я и снял эту девушку три мили назад, вы все еще несете ее на своих плечах. Три мили позади, а вы все еще беспокоитесь об этом?»

Это то, что происходит, когда вы начинаете бороться с чем-нибудь: то может быть секс, то может быть эго, то может быть алчность, то может быть страх, то может быть гнев – все, что угодно, если вы начинаете бороться с ним. И как вы отбросите это? Если не путем борьбы, то как вы собираетесь отбросить это? Вы будете сильно отталкивать все это, но куда отталкивать?

Все, что вы отталкиваете, проходит глубоко внутрь вашего подсознания. А в подсознании все более мощно, чем в сознании, поскольку сознание – это только одна часть; подсознание в девять раз больше. В сознательном уме вы, по крайней мере, осознаете, что находится там. В подсознательном уме так темно, вы не можете знать, что есть там; а там всего в девять раз больше, там все в девять раз мощнее. Подсознательное в любой момент может перехватить ваши сознательные усилия.

Что же происходит со старым монахом? Одновременно многое... Девушка была красива; он упустил шанс. Он в гневе. Он ревнует. Он полон сексуальности. Он сам в том положении, о котором говорит, что в нем находится молодой человек: у него настоящие неприятности. Молодой же полностью чист. Он переправил девушку и оставил ее на другом берегу, вот и все. Все кончилось. Но молодой монах находился, должно быть, на очень высоком уровне осознания.

Это осознание и является предметом моего учения. Никогда не боритесь с алчностью, эго, гневом, ревностью, ненавистью – всеми этими врагами, о

которых религии учили вас: «Боритесь с ними, сокрушите их, убейте их». Вы не можете убить их, вы не можете сокрушить их, вы не можете бороться с ними; все, что вы можете делать, — это просто осознавать их.

И в тот момент, когда вы осознаете их, они уходят. На свету темнота просто исчезает.

Бхагаван, Являетесь ли вы, сторонником коммунизма?

И да и нет. Сначала давайте обсудим «нет». Я против коммунизма, существующего в Советском Союзе, в Китае и других коммунистических странах. Я против коммунизма, который породили Карл Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, «Мао — все эти люди. Я против потому, что то, что они породили, — это не коммунизм.

То, что они породили, — это диктаторское, нечеловеческое, рабское общество — не демократическое, без уважения к личности и даже без признания личности. Она'— всего лишь номер, как в армии. Один человек умер. В списочном составе армии появляется: номер восемь убит или номер восемь пропал без вести.

Видите психологическую разницу? У номера восемь нет жены, нет детей, нет матери, нет престарелого отца, нет старой бабушки. Номер восемь — просто номер восемь, арифметика.

Она ничего общего не имеет с человечностью. Но если вы замените номер реальным именем, то почувствуете себя по-другому. Вы начнете думать о том, что случится с его женой? Кому-то он был другом. Что случится с его матерью, с его престарелым отцом, кто присмотрит за ним. Что будет с его детьми?

Поэтому в армии и не используют имен — имена создают психологическое беспокойство в людях — только номера, а номера можно заменять. Номер восемь пал, пусть уходит; кто-то другой станет номером восемь. Он не станет мужем жены номера восемь, он не станет сыном отца номера восемь. Все это не касается армии.

Номера можно заменять; человеческие существа — нет. Коммунизм, пошедший от Карла Маркса, негуманен, поскольку он совершенно не принимает в расчет вашу индивидуальность, вашу личность.

Маркс говорит, что нет ничего, кроме материи. А если вы — не что иное, как материя, то какое значение имеет, живы вы или умерли? Поэтому так легко было Сталину убивать миллионы людей в России. Это было бы не так просто, если бы Карл Маркс не сказал, что вы — только материя. Нет проблемы;

уничтожая миллионы людей, Сталин не чувствовал угрызений совести: они не люди, у них нет никакой души. Они — только механизмы.

Я не собираюсь поддерживать эту идиотскую идеологию, которая отбирает у человека человеческое. Человеческое должно обогащаться, индивидуальное должно заостряться.

Они же разрушают все индивидуальное. Они хотят, чтобы вы были лишь частью целого коллектива — только частью, винтиком в колесе, деталью, которую всегда можно заменить.

А вы знаете, что ни одно человеческое создание не заменимо, поскольку каждое человеческое существо так уникально, так предельно уникально, что нет способа заменить его.

В марксовом коммунизме нет уважения к личности. Знаете ли вы, что они закрывают? Они закрывают дверь к вашему собственному существу, а если эта дверь закрыта, то вы полностью отделены от существования. Тогда нет и вопроса о поиске истины; нет вопроса о познании себя, о том, чтобы быть самим собой. На самом деле, это опасно — быть собой, познать себя. Лучше быть винтиком в колесе, без себя.

Идея Маркса не основывается на каком-либо внутреннем поиске. Мне жаль этого человека; он был разумным, но он остался лишь интеллектуалом, книжником. Он первым приходил в библиотеку Британского Музея, и каждый вечер перед закрытием его приходилось выводить силой. А иногда его вынуждены были выносить на носилках, поскольку от чтения целыми днями и курения сигарет — вот и все, чем он занимался, — он терял сознание.

В течение сорока лет непрерывно Британский Музей имел дело с этим человеком. Но они осознавали, что: «Мы вынуждены принимать его. Он является первым – до открытия дверей он уже стоит в дверях – и уходит последним. Если вы обнаружите его в сознании, выведите его, если вы обнаружите его без сознания, несите его на носилках в больницу».

Этот человек никогда, ни одного мгновения, не медитировал. Он ничего не знал о внутреннем; он смотрел только в свои книги. То, что он написал в Капитале... коммунисты не читают эту книгу. Я встречал тысячи коммунистов; ни один коммунист не читал этого. Каждый коммунист держит эту книгу в своем доме, совсем как христианин держит Библию. Это Библия коммунизма – и он создан как раз троицей: Маркс, Энгельс, Ленин; и Библией является Капитал, – но никто не читает его. Я прошелся по нему, от первой страницы до последней. Это все слова, нет переживания; цитаты из других книг, но нет подлинного переживания, ни одного его собственного переживания.

Что за человек Карл Маркс? Евреи дают миру людей странного типа. Сначала они дали нам Моисея, который сорок лет водил целое еврейское сообщество... семьдесят пять процентов его людей умерли за эти сорок лет в поисках Израиля. И какое совпадение – он прошел мимо всех тех мест, которые сейчас являются богатейшими: Средний Восток, все нефтяные источники, он прошел мимо всего этого. И это избранный Богом пророк, а сам ничего не знает о нефти! И он остановился в Израиле, где ничего нет – только пустыня. Если бы он остановился где-нибудь раньше, евреи были бы чрезвычайно счастливы; они могли бы создать рай.

Затем приходит Иисус, другой еврей. И благодаря Иисусу евреи дают жизнь христианству. Они несут ответственность за это. Если бы они не распяли Иисуса, не было бы христианства. А знаете ли вы, что христианство сделало для человечества? За прошедшие двадцать веков сколько миллионов людей было убито христианами, сожжено заживо? Во имя Бога, Святого Духа и сына. Они сжигали людей заживо, потому что были абсолютно уверены, что все, что они делают, правильно. Иисус дал им право загонять всякого в паству. Поэтому против язычников постоянно снаряжались крестовые походы.

Вы удивитесь: язычники гораздо ближе к существованию, чем все остальные. Язычники – это люди, поклоняющиеся природе, деревьям, горам, океанам, рекам, звездам. Язычники – это те, кто все, окружающее нас, воспринимает божественным. Мне они гораздо ближе, чем так называемые религиозные люди.

Они убивали язычников, потому что те не верили в Бога-создателя. Все убивали язычников. Евреи убивали их, потому что они не верили в еврейского Бога, христиане убивали их, потому что они не верили в христианского Бога, мусульмане убивали их, потому что они не верили в мусульманского Бога, – а богов так много. Это хорошо, что индусы никогда не начинали убивать, ведь у индусов тридцать три миллиона Богов! Если бы они начали убивать, то что бы осталось от человечества?

Тридцать три миллиона Богов... идея эта так стара, что в те времена даже на всей земле не было тридцати трех миллионов человек, что же говорить об индусах. На всей земле не было тридцати трех миллионов людей, а у индусов было тридцать три миллиона Богов. Зачем у индусов было тридцать три миллиона Богов?

Потому же, почему у джайнов двадцать четыре тиртхан-кары. Буддисты тоже не остались позади – все то же это, – изобрели... У них только один Гаутама Будда, но они изобрели... Это вымысел, но они должны были состязаться с джай-нами; они были их современниками, их конкурентами. Джай-ны подлинно имели двадцать четыре тиртханкары; Будда был один. Сначала он пытался говорить, что он двадцать четвертый тиртханкара. Когда он не был принят джайнами, а Махавиру¹ успешно приняли, он выдумал, что было двадцать четыре Будды – перед ним двадцать три. На самом деле – этими двадцатью тремя были его жизни; он раньше был в мире двадцать три раза, как будда, а это его двадцать четвертая жизнь.

Это чистый вымысел; просто чтобы состязаться с джайнами, нужно быть двадцать четвертым. Но индусы в то время имели понятие только о десяти

аватарах. Видя, что джайны и буддисты имеют двадцать четыре, они немедленно изменили это число; поэтому любой священный текст, написанный после Гаутамы Будды и Махавиры, гласит: «У нас тоже есть двадцать четыре аватары». Но потом, чтобы выиграть это состязание навсегда, они придумали эту идею о тридцати трех миллионах Богов.

Маркс – еще один подарок евреям миру – и настоящий еврей! Причина, по которой он основал коммунизм, не заключается в каком-либо сострадании к бедным. Нет, совсем нет – это ревность к богатым. Вы должны понять это ясно, поскольку это изменит ваше отношение. Его отец был бедным. Отец его отца был бедным. Он был бедным; он оставался зависимым от поддержки своего друга Фридриха Энгельса, который был богатым человеком и постоянно давал ему деньги.

Фридрих Энгельс не является великим интеллектуалом или чем-то еще, но в благодарность за его финансовую поддержку Маркс все время помещал его имя на каждую написанную им книгу. Фридрихом Энгельсом не написано ничего, это просто Маркс проявлял свое уважение. На самом деле это, так или иначе, правильно, поскольку без него Маркс не был бы в состоянии писать; он умер бы с голоду. ^

А быть евреем и бедным – очень трудная ситуация. Я знаю, потому что родился в семье джайнов. Джайны – это евреи Индии. Во всей Индии вы не найдете ни одного нищего джайна; все нищие – индусы, нет ни одного нищего джайна. Я искал по всей Индии и не смог найти ни одного нищего джайна. Они не бедные; каждый достаточно богуг, а большинство из них являются богатейшими людьми страны.

И вот, быть евреем и бедным, когда все остальные евреи богаты, это, естественно, порождает ревность. Это не сострадание к бедным. Нигде в Капитале, в Коммунистическом манифесте и других книгах Маркса вы не найдете ни одного утверждения, показывающего сострадание к бедным, – этого нет совсем. Это ревность к богатым.

Так что если я должен дать точное определение, то оно будет... Марксов коммунизм означает: уничтожить богатых, разделить богатство поровну. Это они и сделали в России, в Китае. Бедный все еще беден, но так или иначе удовлетворен, поскольку богатые потревожены. Богатые уничтожены. Сравнение исчезло; теперь нет богатых, которые дадут вам почувствовать, что вы бедный. Вы по-прежнему бедный. Нищета, конечно, распределена равномерно. Каждый одинаково беден:

так что никто не может сравнивать, никто не может ревновать. Никто не может думать, что дела могли бы идти и получше.

Я не сторонник распределения на уровне нищеты, я не сторонник уничтожения богатых.

Поэтому я говорю «нет» коммунизму, существующему сегодня, марксову коммунизму. Но я говорю «да» совершенно иной концепции коммунизма. Для меня коммунизм – это наивысшая и последняя стадия капитализма.

То, что может наступить коммунизм, – не против капитализма. То, что ког унизм настанет, – это завершающая стадия капитализма.

Капитализм – первая система в мире, которая создает капитал, изобилие. Раньше был феодализм – он не создавал изобилия; он эксплуатировал людей, он грабил людей. Богатство, которое имели цари прошлого, было преступлением. Оно было силой отнято у людей, у бедных; оно было не ими создано. Капитализм – первая система, которая создает изобилие, богатство. Чтобы создавать изобилие, требуется разум.

А когда мы создаем так много богатства, это изобилие теряет все свое значение, когда мы создаем такой высокий стандарт изобилия, то бедные автоматически начинают становиться богаче... Никто не может съесть изобилие – что вы собираетесь делать с ним? Наступает точка насыщения. И когда капитализм подходит к точке насыщения, только тогда наступает цветение коммунизма. Поэтому я называю мое сообщество коммуной. Коммунизм, слово «коммунизм» произошло от «коммуны».

Я верю в капитализм. Может быть, я единственный человек в мире, который так ясно говорит, что верит в капитализм. Поскольку это произошло впервые в истории человека, что есть система, создающая изобилие и

способная создать такое изобилие, что вместе с наукой и научной технологией устранил возможность нищеты.

Не нужно распределять изобилие, оно распределяется автоматически. Не нужна никакая диктатура пролетариата.

Капитализм находится в полном согласии с демократией, с личностью, со свободой слова. Он ничего не разрушает.

Поэтому мой подход заключается в том, что мы должны проповедовать идею создания богатства, а не распределения его. Что вы собираетесь распределять, если прежде этого у вас нет?

Даже Маркс никогда не говорил, что коммунизм наступит в России или Китае, поскольку эти страны так бедны – что вы собираетесь распределять? Даже по идее Маркса коммунизм наступит прежде в Америке. Но он случился в России. Конечно, это что-то фальшивое. Это что-то, что точно не сделало людей счастливее, богаче, свободнее, а только испортило все, что у них есть, и дало им ложную надежду: «Скоро вы все станете богатыми». Когда наступит это «скоро»? Шестьдесят лет прошло, больше шестидесяти, со времени революции. Все революционеры умерли. Все надеялись, что «скоро» придет. Россия осталась бедной, все еще бедной.

Даже беднейший человек в Америке находится в лучшем положении, чем хорошо оплачиваемый человек в России. А то, что они потеряли, имеет огромную ценность. Они потеряли свободу, они потеряли индивидуальность, они потеряли свободу выражения. Они потеряли все. Они живут в большом концентрационном лагере: нет справедливости, некуда взывать, нет возможности быть услышанным.

Я против коммунизма такого рода; это так разрушительно.

Но у меня есть своя собственная идея коммунизма.

Поэтому я говорю: «И да и нет». «Нет» коммунизму, который вы представляете себе, и «да» коммунизму, о котором я постоянно говорю вам.

Создавайте изобилие, богатство. Теперь наука и технология дали вам все средства для этого, просто глупо думать о распределении. Создавайте его так много, чтобы добраться до точки насыщения. Тогда оттуда оно начнет распространяться к каждому.

Коммунизм – это окончательный расцвет капитализма.

Беседа 9

ПРОСТО РОДИТЬСЯ – НЕДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ БЫТЬ ЖИВЫМ

7 ноября 1984 года

Бхагаван,

Люди, посещающие коммуну, снова и снова спрашивают нас, почему мы ведем такую богатую жизнь?

Я удивляюсь, как это они не спрашивают, почему мы вообще живем? Это был бы правильный вопрос.

Жизнь означает изобилие, богатство во всех возможных измерениях.

Просто посмотрите на существование. Вы думаете, оно бедно? Посмотрите на миллионы цветов, на их благоухание;

посмотрите на миллионы звезд.

Человек еще не смог пересчитать их. И я не думаю, что когда-нибудь сможет пересчитать. Невооруженным глазом вы можете видеть, самое большее, три тысячи звезд – и больше ничего. И эти звезды разбегаются. Все равно, как раскрывается цветок и его лепестки начинают расходиться от центра, так и вселенная непрерывно расцветает, открывается, цветет – и с потрясающей скоростью.

Звезды разбегаются от центра. Мы не знаем точно, где находится этот центр; но одно известно точно: вся вселенная быстро расширяется, движется, живет.

Эти люди, прибывающие сюда с визитами, не знают, для чего жизнь. Они никогда не жили. Да, они родились; но просто родиться недостаточно, чтобы быть живым. Они будут жить, как растения, и думать, что они живут. И однажды они умрут, совсем не пожив. Эти чудеса постоянно происходят по всему миру; люди, никогда не жившие, умирают – невероятно. Но так

случается каждый день. И многие узнают об этом в момент смерти и говорят: «Это странно; впервые я понял, что пропустил жизнь».

Если вы живете, то для чего? Чтобы любить, чтобы получать удовольствие, чтобы испытывать восторг – иначе вообще зачем жить?

И что такое богатство? Это просто способ делать жизнь более и более радостной, более и более любовной, более и более удобной, более и более роскошной.

Человек, ничего не знающий о великом мире музыки, беден; он упускает величайшую роскошь жизни. Человек, не знающий, как наслаждаться Пикассо, Ван Гогом, ничего не знает о цвете. Если он не может наслаждаться Леонардо да Винчи, как он может наслаждаться рассветом, закатом? Миллионы людей живут, не осознавая рассветов, не останавливая ни на мгновение взгляда на закатах и всех тех красках, которые закат оставляет на небе. Миллионы людей никогда не поднимают глаз к небу, к его великолепию.

«Жить» может означать только одно: жить многомерной жизнью... музыка, поэзия, живопись, скульптура... но все это роскошь.

Я не поклонник нищеты; я поклоняюсь роскоши.

И существование есть роскошь, изобильная роскошь. Где достаточно одного цветка, расцветают миллионы цветов.

Разве вы когда-нибудь чувствовали, что существование является скупым? Какая нужда в столь многих звездах?

Если эти дураки, которые задают вам вопрос, если они встретят создателя, в которого верят, то они спросят у него:

«Какая нужда в столь многих звездах? Зачем эта роскошь? Немного меньше было бы достаточно? Какая нужда в столь многих птицах, животных, человеческих существах?»

А знаете ли вы, что теперь ученые узнали тот факт, что по крайней мере на пяти тысячах планет существует жизнь. Мы не знаем, какие краски приняты там – какие формы, какая красота, какого рода создания развились там, – одно точно:

существование переливается через край, все роскошно. Это не бедное существование, нет.

Нищета – создание человека.

И люди, приходящие сюда посмотреть коммуну, имеют, должно быть, в своем уме определенную идею. Возможно, они смотрели фильм Ганди. Они слышали об аскетизме Востока. Я не аскет. Я не так глуп. Я не Махатма Ганди. Я абсолютно против него.

Люди, подобные Ганди, несут ответственность за нищету в мире.

Да, никто не может задать такой вопрос в коммуне Ганди. Если вы пойдете туда, то почувствуете просто печаль и жалость. Еще существует маленький ашрам, в котором жил Ганди. Рамдас, сын Ганди, очень интересовался мной и однажды пригласил меня. Я пришел туда – это было после смерти Ганди. Там было тридцать, тридцать пять человек. Там была целая группа, которая жила еще при Ганди, и я сказал Рамдасу: «Зачем вы мучите этих людей? Это сущий мазохизм и ничего больше. Во имя нищеты, во имя простоты вы совершенно лишили этих людей жизни».

То, что они едят, абсолютно безвкусно, поскольку в Индии для религиозного человека вкус – это то, чего нужно избегать. Махавира дал пять великих принципов; один из них

– безвкусность. Великие принципы! Вместе с истиной, ненасилием, невладением, неворовством... безвкусность.

И, конечно, Махатма Ганди внес в это свои усовершенствования. Пища не только безвкусная, она тошнотворная. В Индии есть дерево, которое называется ним. Это самое горькое дерево в мире. Его листья настолько горькие, что, однажды попробовав, вы не забудете их никогда, по крайней мере, в течение нескольких жизней. В ашраме Ганди было правилом подавать каждому соус из нима. Другим правилом аскетизма в Индии является то, что на тарелке ничего не должно оставаться. Вы не должны оставлять ничего, вы должны все съесть. Невозможно, чтобы вы оставили такую вот большую чашку, наполненную нимом.

Один американец, Луис Фишер, посетил Махатму Ганди

- его очень привлекала философия Ганди; он написал самую прекрасную книгу о нем – и был у него особым гостем, поэтому Ганди взял его с собой на кухню. Это была большая привилегия – сидеть и кушать рядом с Ганди. И он увидел, что Ганди так счастлив есть это и что все остальные ели счастливо.

Поэтому он подумал: «Об этом лучше помалкивать, не говорить ничего; это будет выглядеть невежливо». И он подумал, – а все люди вокруг макали хлеб в этот соус и ели его,

- и он подумал, что, чем портить всю еду, будет лучше покончить с этим соусом одним глотком, а затем приняться за еду, так будет лучше. И он сделал глоток, с закрытыми глазами, сдерживая дыхание, – просто чтобы покончить с этим, поскольку ничего другого не оставалось. И вы знаете, что сделал Ганди? Он позвал повара и сказал: «Посмотри, как ему нравится это! Принеси еще чашку; он любит этот соус!» И чашка была наполнена снова.

Чтобы жить жизнью бедных, Ганди не разрешал никому пользоваться противомоскитной сеткой; это роскошь. А место, где он жил, Варда, – самое жаркое место, точно посередине Индии, точно в центре – одно из самых жарких мест. И вокруг так много москитов, что если вы хотите делать какую-нибудь работу, читать, писать или что-нибудь еще, вы даже в дневное время вынуждены пользоваться противомоскитной сеткой и сидеть в ней. Даже в дневное время сотни москитов садятся на все ваше тело; как же можно спать ночью? Но идея нищеты... разве можно пользоваться противомоскитной сеткой? Это великая роскошь.

И Ганди открыл – он был великим мастером открывать. Такие вещи, – он открыл, что керосиновое масло, если вы нанесете его на лицо, руки, своим запахом отпугивает москитов и они даже не приближаются к вам. Конечно, они не приблизятся, они не такие дураки, как вы, – но из-за этого запаха невозможно спать! Я просто отказался оставаться там. Я сказал Рамдасу: «Это место не для меня. Что за чушь творится здесь? Во имя аскетизма вы мучите этих тридцать Пять человек. Вы прославляете все это».

Ганди делал все это на протяжении всей своей жизни. Он был абсолютным мазохистом, который наслаждается, мучая себя, и кроме того – садистом. Это редкая комбинация, весьма уникальная. Есть мазохисты, есть садисты, но быть и мазохистом, и садистом – весьма уникальное явление. Есть очень мало людей – но они есть, – которые получают удовольствие и от того и от другого: мучая себя и мучая других. Во имя религии это делается очень просто, поскольку вы даете людям мотивацию: мучая себя, вы добиваетесь большего в другой жизни.

Эта мотивация, эта алчность... они не называют это мотивацией или алчностью, они не называют это мучением, но я называю мучением – они называют это тапасчарья, садхана, «духовная дисциплина». Но, называя безобразную вещь добрым именем, вы не меняете ее природу. Это не духовная дисциплина. Это просто мучение. И под именем духовной Дисциплины можно мучить себя.

На протяжении веков сколькими способами мучили себя религиозные люди? Если вы узнаете всю историю, вы будете просто изумлены. Были христианские аскеты, чья практика состояла – еще состоит, они еще существуют – в избивании самих себя обнаженными рано утром. И о человеке, который умудрялся избивать себя больше всех, думали как о величайшем святом. Кровь сочилась из тела, а они продолжали бичевать себя. Вокруг их монастыря собирались толпы, чтобы посмотреть на эту сцену. И толпа поддерживала их, высоко ценила их, аплодировала им, помогала им избивать себя еще сильнее. И конечно, когда огромная толпа оказывает поддержку, можно перейти все пределы. Много раз человек, избив себя, умирал. Послеэтого папа объявлял его святым. Эти люди еще существуют.

Была христианская секта, которая пользовалась башмаками с гвоздями внутри, входящими в ногу. На ногах появлялись раны, гвозди входили в ноги, а они продолжали ходить в этих башмаках. Гвозди не дают ранам заживать, оставляют их все время кровоточащими. Раны нельзя лечить; невозможно лечить их, ничего не делается, чтобы лечить их. Напротив,

гвозди вставляются в башмаки так, что они постоянно создают раны, так что, естественно, их нельзя вылечить.

Они также носят на поясе ремни с гвоздями, входящими в тело... раны кругом. И этим людям поклонялись. Вы поклонялись сумасшедшим людям; эти люди нуждаются в психиатрическом лечении. Они не были религиозными людьми. Они были просто умственно больными, совершенно больными, самоубийственно больными. А их предводитель был уникальным человеком. Он мучил себя и был их предводителем потому, что мучил себя больше других. Это был единственный критерий для выбора предводителя. И он учил других, как мучить себя всеми возможными способами.

По всему миру нищета уважалась по той простой причине, что люди не имели понятия, как избавиться от нее. И почему еще она уважалась? Если вы родились бедным, то никто не будет уважать вас; если вы родились нищим, никто не будет уважать вас. Но если вы сын царя и отреклись от царства и стали нищим, тогда вся страна будет уважать вас. Знаете ли вы, что все эти двадцать четыре тиртханкары джайнов являются царями, отрекшимися от своих царств? Почему ни один из них не имел до этого какой-нибудь другой профессии? По той простой причине, что если вы уже бедный, то вам не от чего отречься. Прежде всего, вам нужно иметь то, от чего отречься. А этих царей уважали, ведь они никогда не ходили пешком; их возили в золотой колеснице. Они ни от чего не страдали, и вот теперь они стояли обнаженными на жарком, обжигающем солнце Индии.

Джайнскому тиртханкаре не разрешается принимать ванну; это рассматривается как роскошь. Ванна – роскошь! Ав Индии, где потеешь целый день... Обнаженный монах, потеющий целый день, а Индия – страна, полная пыли: он постоянно в грязи. Только раз в год, – но и тогда, не он принимает ванну, – его последователи льют на него воду... ванну принимать нельзя, поскольку это будет грехом, потянет к роскоши. Нет, их цель не в этом; их цель в том, чтобы получить святую воду. Невозможно найти более несвятой воды. Человек принимает душ один раз в год – он был обнажен, – потел, собирал все виды пыли, все виды микробов, – теперь его поливают водой и воду собирают. И люди, последователи, пьют эту воду, поскольку это чистейшая вода, вода от тиртханкары!

У этих людей странные способы... В Индии для избежания роскоши эти люди ходят обнаженными, едят раз в день, ти совсем немного; они голодают. Посмотрите на их тела, на их лица, в их глаза – все увяло, потеряло цвет жизни. А какой; жизнью они живут? Что они делают? Они ничего не создают. Они не пишут картин, они не сочиняют музыку, они не пишут стихи, они не создают красивые скульптуры. Они не делают ничего. Они не делают открытий – они не ученые. Они ничем не помогают человечеству. Они просто бремя, они эксплуатируют бедных и делают их еще более бедными.

Как вы думаете, сколько сейчас индуистских монахов? Пять миллионов. Пять миллионов индуистских монахов... постоянно эксплуатируют нищие массы, ведь их надо обеспечивать. Массы сами голодают и должны снабжать этих паразитов. Но эти паразиты уважаемы, уважаемы по той простой причине, что они дают утешение бедным.

Каждая религия нашла какой-то способ для утешения 'бедных. Джайны, индуисты, буддисты, эти три великие религии Индии говорят бедным: «Вы бедны, потому что в прошлой своей жизни вы совершали грехи. Принимайте свою бедность, как наказание. Если вы попытаетесь избежать нищеты, вы испортите и свою следующую жизнь. Лучше покончить с этим в этой жизни, чтобы в следующей жизни у вас не было бы такой

боли, такого страдания».

«Богатые люди богаты не потому, что они создали изобилие, или эксплуатировали, или сделали что-то; они богаты потому, что в прошлой жизни были добродетельны». А что такое добродетель? Быть бедным, мучить себя, совершать медленное самоубийство – вот добродетель. «Так что вам повезло родиться бедными; вам дается великая возможность проявить добродетель. Не упустите ее; примите ее».

Поэтому в Индии и не было революции. Индия, должно быть, старейшая страна, тысячи лет страдавшая в нищете; но со стороны бедных ни одной

революции, нет даже идеи революции. Никто за десять тысяч лет не высказал идеи о том, что бедные должны восстать против такой ситуации— Нет, если вы восстанете против такой ситуации, то упустите возможность.

Вы удивитесь: есть еще живая джайнская секта, и она очень знаменита — название этой секты Терапант. В ней семьсот монахов и один предводитель Ачарья Тулси, который для секты все равно, как папа. Я многие годы сражался с ним по всем пунктам. Их философия представляет собой логическое заключение, вытекающее из теории кармы, и поэтому никто не выступал против них; я был, должно быть, единственным человеком, который бросил вызов Ачарье Тулси.

Он был удивлен. Он сказал: «Но это то, во что верит вся страна, мы лишь привели эту теорию к логическому завершению». Что это за логическое завершение? Вы будете удивлены. Они верят, что если человек тонет в реке и кричит: «Помогите! Спасите!», то вы просто можете идти своей дорогой. Он страдает из-за плохих поступков в своей прошлой жизни. Не мешайте ему, поскольку, если вы его спасете, он будет вынужден страдать дальше. Пусть это кончится раз и навсегда. Если вы спасете его, то в своей следующей жизни он, может быть, снова должен будет упасть в реку и утонуть. Зачем же продолжать его страдания? Пусть он закроет эту главу. Он совершил плохой поступок, теперь пожинает плоды. Где-то в прошлом он посеял семена этого, так кто вы такой, чтобы вмешиваться? Просто идите своей дорогой.

И более того, они говорят: «Если вы спасете его, вы возмутите весь образ его жизни; вы нарушите для него возможность покончить с плохим, со злом. И вы совершите нечто большее. Если спасенный вами человек завтра совершит убийство, вы также будете нести ответственность». Естественно, если бы вы не спасли его, кто совершил бы убийство?

Итак, вы нарушили его жизнь, вы нарушаете свою жизнь, вы нарушаете жизнь кого-то еще, кто может быть убит. Он может изнасиловать женщину. Он может сделать еще что-то, всю свою жизнь он будет делать то одно, то другое. Вы будете отвечать за все, что он делает, вы будете его партнером в этом. Зная то или не зная, вы становитесь пассивным партнером в его жизни, которую вы спасли, так зачем же так рисковать? Вы не помогаете ему, вы не помогаете себе, вы не помогаете никому. Вы просто идете своим путем, а он пусть идет через все то, что является его судьбой.

Джайнизм, индуизм, буддизм — все учили Индию, что нищета — побочный продукт вашей прошлой жизни. То же и богатство. С этой жизнью ничего не поделаешь.

Так что, революция?.. Этот вопрос не возникает. Против кого? Вы не можете уничтожить ваши прошлые поступки, вы должны страдать за них; вы должны исполнять непреложный закон кармы. Вы совершили грех, кто теперь должен нести наказание? Вы отвечаете за него. Против чего собираетесь вы поднимать революцию? Против кого? Прошлого больше нет, вы не можете уничтожить его. Вы должны просто принять то, что сделали, то, что это принесет вам. Поэтому не было революций, не было даже возможностей для этого.

Христиане, мусульмане, евреи — у всех существует некоторое объяснение. Но это не объяснение; это просто способ оправдать ситуацию и дать людям почувствовать, что все, что случается, предопределено. С этим ничего нельзя поделать. В некоторых религиях — это воля Божья. В некоторых религиях — это судьба, написанная до вашего рождения. В некоторых религиях — это ваша прошлая жизнь.

Но все религии сходятся на том, что с настоящим ничего нельзя поделать, поскольку, как только поднимается вопрос, что с настоящим что-то нужно делать, так это тут же может быть сделано. Тогда ситуация изменяется.

И все эти люди проявляли уважение к нищете. Отчего это уважение к нищете? Отчего это уважение к страданию? Оно просто для удовлетворения эго бедного человека, для того, чтобы дать ему почувствовать, что хотя он и беден, но находится в ситуации, которую уважают.

Поэтому осуждайте богатство, уважайте бедность — на этом пути вы удержите бедных бедными и позволите богатым становиться богаче. Богатые

понимают очень хорошо: «Продолжайте осуждать, это не имеет значения; на самом деле, это даже нужно». Такое осуждение устраняет возможность революции.

А что за осуждение? Богатые не будут допущены в царство Божье. А богатые намного образованнее бедных, намного изощреннее; они понимают. Большинство богатых людей ничуть не беспокоится о царстве Божьем. Они могут ходить в церковь просто для того, чтобы показать, что они добрые христиане; в синагогу – просто чтобы показать, что они добрые евреи; но они очень хорошо знают, что все это – просто социальное согласие.

Синагоги и церкви – не что иное, как социальные клубы, подобные «Ротари-клубу», клубу светских львов. Они помогают вам. Это прекрасные места для встреч, они придадут вам определенную респектабельность. В синагогу приходит богатый человек, и бедный человек чувствует, что хотя тот и богат, но смиренен: склоняется перед крестом в церкви... какое смирение.

А для богатого человека это все лицемерие. Он знает, что это хорошая дипломатия: продолжать притворяться религиозным, продолжать делать пожертвования церквям, храмам, мечетям. Это помогает ему в самых разных аспектах. Это помогает ему в решении проблем с налогами, это помогает ему общаться с внешним миром, это способствует его респектабельности. Бедные люди думают, что он по-настоящему хороший, добрый человек.

Богатый человек также говорит: «Хотя я не такой способный, я слабый человек, но я, по крайней мере, могу уважать святого, который отрекся, святого, который отрекся от вещей, от которых я не могу отречься». Таким образом, он приходит припасть к ногам святого, который отрекся. В Индии приходят цари, приходят богатые люди, чтобы припасть к ногам святого – просто чтобы показать толпе: «Мы пока не можем отречься, мы не настолько сильны, или, может быть, еще не пришло наше время, но глубоко внутри это наша цель. Если не сегодня, то завтра; если не в этой жизни, то в следующей, – но это наша цель».

Шила, те люди, что приходят сюда, приходят с некоторой идеей, определенной идеей. Они думают, что это религиозная коммуна и поэтому она должна быть похожа на католический монастырь или индусский ашрам. И их шокирует то, что они обнаруживают здесь нечто противоположное. Они спрашивают вас: «Почему вы живете такой богатой жизнью?» – а вы просто говорите им: «Потому что мы не можем сделать ее еще более богатой, вот почему. В тот день, когда мы сможем сделать жизнь немного богаче, мы будем жить такой жизнью – На этом простите нас».

Я учу вас жить потрясающе, экстаично – всеми возможными способами. На физическом уровне, на умственном уровне, на духовном уровне – живите на пределе своих возможностей.

Выжимайте из каждого мгновения все возможное удовольствие, все возможное счастье, чтобы вам не пришлось сокрушаться позднее: «То мгновение ушло, и я упустил его».

Не думайте о прошлом. Поскольку, думая о прошлом, вы будете упускать настоящее мгновение, которое является единственным, которое является всем, что существует. И не думайте о будущем: о другой жизни, о царстве Божьем – все это полнейшая чепуха.

Завтра вовсе не существует. Всегда сегодня – всегда и всегда сегодня.

Всегда это мгновение. Поэтому выжимайте все из него. Не оставляйте в нем ни капли сока. Когда вы научитесь выжимать из него весь сок, вы перестанете думать о прошлом. Останется ли о чем думать? Прошлое не оставит в вас и следа.

Непрожитое прошлое – вот единственное, что ложится на вас психологическим грузом.

Позвольте мне повторить: непрожитое прошлое... те мгновения, которые вы могли бы прожить, но не прожили... те любовные приключения, которые могли бы расцвести, но вы упустили их... те песни, которые вы могли бы петь, но увязли в каких-то глупых вещах и упустили песню... это непрожитое прошлое, которое становится вашим психологическим грузом, и этот груз становится тяжелее с каждым днем.

Вот почему старый человек становится таким раздражительным. Это не его вина. Он не знает, почему он такой раздражительный – почему любая и каждая вещь раздражает его, почему он постоянно злится, почему он не может позволить быть кому-нибудь счастливым, почему он не может видеть детей, танцующих, поющих, прыгающих, радующихся, почему он хочет, чтобы все было тихо, – что случилось с ним?

Это простое психологическое явление: это вся его непрожитая жизнь. Когда он видит начинающего танцевать ребенка, его внутреннее детство причиняет ему боль. В его внутреннем детстве танцевать было каким-то образом запрещено – может быть, его родителями, старшими, может быть, им самим и, наверное, потому, что такое поведение пользовалось уважением. Родители приводили его к соседям и представляли его им: «Посмотрите на этого ребенка, какой спокойный, тихий, молчаливый; не беспокоит, не озорничает». Его это наполняло этим. Так или иначе, но он упустил. Теперь он не переносит этого, он не может терпеть этого ребенка. На самом деле это его непрожитое детство начинает причинять боль. Оно оставило рану.

И сколько ран носите вы в себе? Тысячи ран, ведь сколько же вы оставили непрожитого?

Так что люди, которые приходят сюда, они приходят сюда почти мертвыми, они приносят сюда свои мертвые тела. Когда они видят вас живыми, они оказываются шокированными. Они были бы чрезвычайно счастливы, если бы увидели аскетов, сидящих под можжевельным деревом, обнаженных, голодающих, молящихся несуществующему Богу. Они были бы чрезвычайно счастливы, поскольку вы тогда были бы намного мертвее их; в сравнении с вами они выглядели бы намного лучше. Они уважали бы вас, ведь вы помогли бы им чувствовать себя лучше.

Когда они приходят сюда, когда они видят вас, они чувствуют себя пустыми, истощенными – бессмысленными. Это ранит. Это ранит глубоко, отсюда и вопрос: «Почему вы живете такой богатой жизнью?»

Но богатство – это ваше право по рождению.

Когда вы приходите в жизнь, ничего не написано у вас на лбу. Можете сходить к хирургу и дать ему посмотреть ваш лоб. На нем ничего не написано, ничего не написано и на линиях вашей руки.

Вы приходите в этот мир как абсолютно чистая, не исписанная, открытая книга.

Вы должны писать свою судьбу; нет никого, кто написал бы вашу судьбу за вас. И кому писать ее? И как? И для чего?

Вы приходите в мир, всего лишь как открытая потенциальность, многомерная потенциальность. Вы должны писать свою судьбу. Вы должны реализовывать свое предназначение. Вы должны становиться собой.

Вы не рождаетесь полностью готовыми. Вы рождаетесь только как семя, и вы можете умереть, тоже только как семя. Но вы можете стать цветком, вы можете стать деревом.

И из одного семени могут произойти миллионы семян. Видите ли вы изобилие и богатство существования? Одно семя может сделать зеленой всю землю, может сделать зеленой всю вселенную – что говорить о земле! Всего одно семя... Какой потенциал несет одно маленькое семя! Но вы можете хранить его в своем сейфе, на банковском счете и жить жизнью, которая совсем не является таковой.

Я целиком за богатство всеми возможными способами. И помните, богатство возможно только при условии, что вы допускаете его всеми возможными способами.

Не обманывайтесь старой идеей о том, что вы будете духовно богаты, если истощаете свое тело; если физически мучаете свое тело, вы будете духовно богаты – нет. Это абсолютно ненаучно. Я видел людей, которые мучили свое тело на протяжении всей жизни, но я не видел, чтобы их души обогатились этим. На самом деле их души умерли задолго до того.

Ваши тело и душа – не враги. Они живут в гармонии.

Вы – гармоничное целое. Все связано со всем остальным. Нельзя сделать одну часть богатой, а другую бедной. Целое будет нарушено, оно станет или богатым, или бедным. Вы должны воспринять свою целостность.

Итак, живите, живите интенсивно. Зажгите факел вашей жизни сразу с двух концов. Только такой человек может умереть блаженно, улыбаясь.

Умирал Учитель... то было его последнее мгновение. Собрались ученики. Один ученик спросил: «Учитель, вы оставляете нас. Каково ваше последнее откровение?»

Учитель улыбнулся, открыл глаза и сказал: «Слышали, белка пробежала по крыше?» Потом он закрыл глаза и умер. Ученики растерялись... что это за откровение? «Слышали, белка пробежала по крыше?»

Но то было откровением всей его жизни – того самого мгновения.

В то мгновение он радовался белке. Кто думает о смерти? И кто думает о последнем откровении? Он был в том мгновении, здесь и сейчас. И то было его откровение: не идите куда-нибудь еще, просто оставайтесь здесь и сейчас – Даже в момент смерти... шорох белки на крыше, и он радуется ему.

Такой человек, должно быть, жил безмерно, огромно, неправдоподобно; без сожалений. Настоящая благодарность, улыбка – что еще вы хотите в качестве последнего откровения? Достаточно улыбки. И улыбаться у дверей смерти возможно только при условии, что за вами не стоят непрожитые мгновения, хватающие вас и спрашивающие: «А что же я?» – эти незавершенные мгновения.

Но если нет ничего незавершенного, если каждое мгновение было завершено, то нет ничего; есть просто безмолвие.

И если каждое мгновение завершено, то нет ничего и в будущем, ведь только незавершенные мгновения вопрошают о завтрашнем дне: если вы не смогли исполнить этого вчера, исполните завтра.

Но если нет незавершенного вчера, то нет и представления о завтрашнем дне.

Бхагаван,

Почему люди пытаются объяснить естественную радость и счастье тех, кто окружает Вас, такими вещами, как промывание мозгов, гипноз или наркотики?

То же самое я уже говорил вам: они не могут поверить в то, что люди могут быть так счастливы. Они не могут поверить в это, они должны найти какое-то объяснение: «Возможно, эти люди пользуются наркотиками? Может быть, они загипнотизированы? Может быть, они просто притворяются? Может быть, они были натренированы так, что, когда приходят посетители, они начинают неожиданно радоваться, танцевать, петь, обниматься, становиться немедленно влюбленными». И в тот момент, когда посетители уходят, вы снова погружаетесь в ад. И только на время, просто чтобы обмануть посетителей, вы выходите из своего ада.

Это то, что делают они. И проецируют это и на вас. Муж и жена ссорятся... сосед стучится в дверь; немедленно что-то меняется. Ссора прекращается, они начинают улыбаться. Сосед не видит, что всего мгновение назад они готовы были убить друг друга; он не может представить себе этого. И он знает, что и сам делает так же, но не может представить себе этого.

Он обманывает своих соседей; каждый обманывает всех остальных. Он целует свою жену, уходя на работу, и он знает, что его поцелуй фальшивый, он ничего не означает. Он вынужден целовать. Если он не поцелует, будут неприятности. Так что лучше поцеловать и покончить с этим – чем раньше, тем лучше. Он рвется на работу, как будто там должно произойти что-то великое. Ничего великого не предполагается там, нужно только убежать из мерзкого дома: жена, дети и постоянные ссоры, придирки, ревность, борьба. Он не идет в свое учреждение, он бежит из дома.

Учреждение – это хорошая, очень хорошая помощь. По крайней мере он может валять дурака с секретаршей, которая выглядит так, как будто она из другого мира: не придирается, не спорит. Но женитесь на ней... а люди так и делают. В Америке, я думаю, три года – это средний срок для того, чтобы человек сменил работу, сменил жену, сменил мужа. На самом деле три года – даже слишком большой срок. Медовый месяц кончается слишком быстро. А

после медового месяца – сплошное лицемерие. Люди улыбаются, люди смеются, люди ходят на вечеринки в прекрасных одеждах, скрывающих внутренние раны.

Когда они приходят сюда и видят, что вы счастливы, как они могут поверить в это? И если они остаются здесь на более длительное время, на два дня, три дня, четыре дня, они оказываются еще более озадаченными, поскольку можно притворяться в течение часа – они знают, как притворяться и как быть хорошими, – но два, три дня подряд? И три тысячи людей? Невероятно! За всем этим должен быть какой-то трюк. Эти люди загипнотизированы. Но если гипноз может дать так много счастья, то почему вы не гипнотизируете? Это странно, ведь если гипноз дает так много счастья, то что плохого в гипнозе? Это простой процесс. Принимайте гипноз! Кто запрещает вам? Хотите быть счастливыми: гипноз – очень простой метод.

Но видели ли вы загипнотизированных людей? Они ходят, как зомби; их глаза лишены всякого блеска. Они могут улыбаться, но их улыбка – всего лишь как улыбка Джимми Картера – простое упражнение губ. Я не знаю, правда это или нет, но я слышал, что его жена каждую ночь закрывала ему рот, поскольку даже во сне... мускулы привыкают после целого дня тренировки. Видели его последние снимки? Улыбки нет совершенно, он выглядит совсем другим человеком, неожиданно повзрослевшим лет на десять. Куда ушла та улыбка? Она была фальшивой. То была Америка.

Гипноз может сделать вам улыбающееся лицо, он может сделать вам печальное лицо, он может сделать вам гневное лицо, поскольку гипноз – это просто метод усыпить ваш сознательный мозг. Тогда вы находитесь под властью человека, загипнотизировавшего вас. Тогда все, что он приказывает... он говорит: «Улыбайтесь», – и вы улыбаетесь; он говорит: «Плачьте», – и вы плачете. Но кто кого гипнотизирует здесь?

Кто командует кому-либо: «Улыбайтесь, смейтесь, плачьте, делайте то, делайте это?» Они не знают, что такое гипноз.

Наркотики могут сделать вас счастливыми; они также могут сделать вас несчастными, ведь наркотик не гарантирует вам счастье. Наркотик может только усилить ваше расположение духа. Если вы несчастливы, с наркотиком вы будете несчастливы еще более; у вас будут кошмары. Если вы счастливы, вы будете еще более счастливыми, безумно счастливыми. Но вы сможете немедленно определить человека, счастливого под воздействием наркотика, – по той простой причине, что его состояние счастья будет напряженным. Оно навязано ему химическими веществами. Его лицо будет улы-оаться, но так, как если бы кто-то приставил к нему сзади ружье и приказал: «Улыбайся, иначе открываю огонь».

Химические средства могут вынудить вас, но вынужденная улыбка, вынужденное счастье выдадут себя напряжением. И это может продолжаться лишь часы, а затем вы снова упадете в ту же яму, и глубже, чем раньше, поскольку это напряжение утомляет всю вашу систему. Это счастье, ложное, вынужденное, химическое, забирает у вас немного естественного счастья, бывшего в вас. И когда оно уходит, вы впадаете в еще более глубокую тьму – Вы привязываетесь к наркотикам. Вскоре вам потребуется большее количество, затем еще большее, затем еще большее, и наступит момент...

В Индии за эти тысячи лет мы испытали все. В Индии есть ?» монахи, которые могут выпить любое количество алкоголя, и это не подействует на них, любое количество марихуаны, и это не подействует на них совершенно, они остаются, какими и были. Единственное, что они должны попробовать в конце, когда ничто другое не действует на них, – это укусы кобры. Поэтому они держат при себе кобр. Они заставляют кобру кусать их в язык; вас бы это убило, но для них это просто дает небольшой... То, что дают вам наркотики, им может дать только яд кобры – и рано или поздно они привыкают и к >• - .ту.

В древней Индии в каждом царстве были мал» Ple девочки, красивые девушки – их называли витка :ми, отравленными девушками. С самого первого дня их жизни им начинали давать яд – в маленьких дозах, с молоком. К тому времени, когда они вырастали, вся их кровь была отравленной. Змея может убить змею, но не такую девушку. И таких девушек держали в качестве

детективов, в качестве убийц. Если царь хочет убить другого царя, он просто посылает ему девушку, а она так красива, что тот царь обязательно заинтересуется ею. Достаточно одного поцелуя такой девушки, и с царем покончено – даже не укус, просто поцелуй.

Эти люди из вашего вопроса не могут представить себе нашу жизнь по той простой причине, что они никогда не были счастливы, просто счастливы. Они знали счастье, вызванное чем-то: они выигрывают в лотерею – на несколько мгновений они счастливы; они влюбляются в красивую женщину – на несколько дней они счастливы. Но они никогда не видели людей, которые счастливы без всякой причины – без лотереи, без влюбленности... люди просто счастливы.

Да, я понимаю их затруднение. Но вы должны помочь им понять, что счастье не нужны причины. Для несчастья причины нужны; счастье просто естественно.

Быть радостным – совершенно естественно.

Чтобы быть несчастливым, нужны причины; но чтобы просто быть счастливым, никаких причин не требуется. Счастье самодостаточно. Это такое прекрасное переживание, нужно ли что-то большее? Зачем вам нужна для него какая-то причина? Его достаточно для него самого; оно является своей собственной причиной.

Но чтобы понять это, им потребуется время. Не гневайтесь на них, если они не понимают; почувствуйте к ним сострадание, будьте добры с ними. Помогите им быть счастливыми с вами, чтобы они могли немного почувствовать вкус счастья без наркотиков, без гипноза, без какой-либо причины.

И помните, счастье заразительно. Поэтому, если вы счастливы, тяните их в свой круг. Когда вы танцуете, тяните их в свой круг. И может быть, не зная того, они сами начнут танцевать, их самих захватит танец, и они удивятся тому, что происходит. Когда вы поете, тяните их в свой круг. Пусть они стоят; если они стоят по несколько минут, как мертвые столбы, не тревожьтесь. Они не мертвы, жизнь еще есть в них. Вы просто танцуете вокруг них, и свежая жизнь может начать подниматься в них; они могут начать танцевать и петь с вами. Они ничего не смогут понять, если вы не дадите им переживания того, что счастье случается без всякой причины. Логически убедить в этом невозможно, – но через существование вы сможете убедить их. И в этом вся цель нашей коммуны.

Три тысячи людей – это огромная сила. Тяните этих людей в свой круг. Сначала они будут сопротивляться; не беспокойтесь, не обращайтесь внимания на их сопротивление. Они делают это, не ведая, что делают. Не обращайтесь внимания, не замечайте. Они думают, что быть серьезными – это что-то уважительное, респектабельное; пусть думают так.

Вы просто пойте, танцуйте, радуйтесь, и вскоре они будут захвачены этим. Вот так мы собираемся захватить всю Америку!

Беседа 10

ВАШЕ ДЕТСТВО -ОБУЧЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РАВСТВЕ

8 ноября 1984 года

Бхагаеан,

В чем различие между верой в мессию и доверием к Учителю?

Вера слепа. Она не имеет для себя рационального доказательства. Она основывается на вашей психологической потребности, она не имеет объективного доказательства. Вы хотите верить, поскольку без веры вы чувствуете себя пустыми, просто деревяшкой, плывущей неведомо куда.

Без веры вы чувствуете себя пустыми, настолько пусты-йи, – что даже не осмеливаетесь жить. Всмотритесь внутрь себя:

эта пустота выглядит, как смерть.

Ваша психологическая потребность заключается в том, что кто-то должен дать вам надежду, веру, своего рода опиум, чтобы вы могли уснуть. По крайней мере на время вы можете отложить все ваши страхи. С вами мессия, сын Бога – чего теперь бояться? Или посланник Бога – что теперь вам нужно для смысла жизни? Он дает вам смысл, он дает вам надежду, и он имеет

авторитет. Но все это ваши представления... и все это эксплуатируется им. Это общее явление.

Мессия, тиртханкара, аватара, паигамбара – они знают вашу психологическую потребность, психологическую потребность каждого; они эксплуатируют ее. Они говорят: «Вам не нужно беспокоиться. Вы должны только верить в меня». Они делают это так просто – риска нет. Вам ничего не нужно делать, кроме как верить, – неужели этого вы не сможете? И что вы получаете в этой торговой сделке? Все, что вам всегда нужно:

надежду, будущее, осмысленность... иначе вы скучаете, иначе вы начинаете думать: «Зачем жить?»

Мессия показывает вам путь, показывает вам цель, дает вам почувствовать себя значительным, почувствовать, что вы не случайны, что Бог имеет что-то, что должно быть исполнено через вас. Он удовлетворяет вашу психологическую потребность. Он не уничтожает ваш страх, вашу бессмысленность, вашу безнадежность. Он просто дает вам красивую обертку; он укрывает ваш психологический вакуум.

И вы удовлетворяете его психологическую потребность. Чем больше вас собирается вокруг него, чем больше последователей, тем больше он убеждается, что он не душевнобольной. Иначе обязательно будет подозрение: «Какие у вас есть доказательства, что вы сын Божий? Может быть, это просто представление вашего ума». Но теперь у него есть некоторое доказательство – верующие. По мере того, как их число продолжает увеличиваться, по мере того, как последователей становится больше и больше, он получает твердое доказательство: так много людей, миллионы людей не могут ошибаться.

Вы видите порочный круг? Он становится более представительным, более определенным, более фанатичным. И чем более представительным, определенным и фанатичным он становится, тем больше людей должно попасться в его ловушку, поскольку им нужен авторитет. Им нужна фигура отца, кто-то, кто поведет их. Сами по себе они не знают, куда идти, зачем идти, чем быть.

Каждый ребенок воспитывается таким образом, что данная психологическая потребность должна возникнуть, обязана возникнуть. Все говорят ребенку, что он долж'ен делать то, не делать этого. Конечно, родители думают, что они поступают так во благо самого ребенка; но это не так. Это что-то прямо противоположное. Они не это имеют в виду. На самом деле они имеют в виду, что делают ребенку добро, поскольку как сам ребенок может решить, что хорошо и что плохо? Поэтому решать должны они. И, естественно, ребенок так мал, а в его глазах отец, дед такие большие, такие сильные, такие мудрые – он может верить им.

Так с самого начала ребенка не учат быть независимой личностью. Он воспитывается быть последователем. Он воспитывается всю свою жизнь быть умственным рабом.

Его отец воспитывался точно так же. Отец его отца воспитывался точно так же. Он будет поступать так же со своими детьми. Вот так глупость переходит из поколения в поколение: одно поколение передает ее другому поколению – это становится вашим наследием.

Поэтому вы ждете, ждете Бога... кого-нибудь, кто должен прийти и исполнить все ваши психологические потребности.

Он будет отцом, наставником, философом, мудрым человеком;

и тогда вы можете расслабиться, вам не нужно тревожиться, Вам не нужно напрягать разум, вам не нужно использовать свою сообразительность. Вы можете отложить в сторону всю вашу разумность, теперь вы можете быть слепым – и идти за мессией. И когда вы видите, что приходит все больше и больше людей, то и для вас это становится доказательством того, что этот человек, должно быть, прав. Оставьте мессию одного, и вы увидите его колеблющимся, весь его авторитет уйдет. Оставьте верующего в одиночестве... вы будете удивлены – за двадцать один день полной изоляции вы сойдете с ума. Чтобы вам сойти с ума, не потребуется больше, как раз двадцать один день полной изоляции – от мира вашей веры, вашей религии, вашего общества, вашего университета, и того и другого – полной изоляции

на двадцать один день. И вы увидите, как медленно-медленно земля уйдет у вас из-под ног; возникает страх, возникает трепет. Через двадцать один день вы будете душевнобольным человеком.

Поэтому люди и боятся оставаться одним. Они делают все, чтобы не оставаться одни. Они пойдут на любое вздорное кино, лишь бы не оставаться одним. Они будут играть в любую глупую игру, они будут смотреть любую идиотскую вещь:

футбольный матч... можете вы представить себе что-либо более идиотское? Несколько идиотов бьют мяч на одну сторону, а несколько других идиотов бьют его обратно... и миллионы идиотов смотрят, как будто происходит что-то потрясающе важное. Нет, психологическая причина в том, что они хотят как-то забыться, забыть, что они одни. В толпе они чувствуют себя хорошо, более здоровыми, более здоровыми, поскольку вокруг них люди, такие же, как они. Миллионы людей наблюдают за игрой – это не может быть идиотизмом. Смотрит даже президент страны – это не может быть идиотизмом.

Каждый поддерживает всех остальных в здравом уме. Но двадцать один день абсолютной изоляции: без газет, без телевидения, без радио, полностью отрезанным от своего мира – без жены, без мужа, без детей, без любовных приключений... И вы будете изумлены, наблюдая себя в этом предельном одиночестве: все ваши дела на протяжении всей жизни были не что иное, как прикрытие дыр в вашем бытии, прикрытие ран, но, конечно, прекрасными цветами. Но эти раны не лечатся. Возможно, их можно было бы вылечить, если бы они были не прикрыты. Покрытые, они собирают больше гноя;

покрытые, они становятся более канцерогенными.

Вера – это слепота. Все верования – слепота. Доверие – это совершенно другое.

В словарях доверие имеет тот же смысл, что и вера, но люди, писавшие эти словари, не ощутили вкуса доверия, они не знают, что это такое.

С одной стороны, нет мессии, нет аватары, никто не восклицает: «Я единственный порожденный сын Божий», – или: «Я единственный посланник, истинный посланник».

Когда я говорю, что я обыкновенный человек, я подрубаю самые корни веры.

Я не хочу, чтобы вы верили в меня, поскольку за многие века вера разрушила миллионы людей. Пора уничтожить верование.

Я просто говорю, что я обыкновенный человек. Я ничем не поддерживаю в вас веру в меня. На самом деле я делаю все возможное, чтобы вы не верили в меня.

Посмотрите: Махавира удовлетворяет условиям, которых джайны ждут от тиртханкары – болезненные условия, трудные условия. Но чтобы быть таким особенным, как тиртханкара... слово «тиртханкара» означает того, кто прокладывает свой путь в иной мир или к другому берегу. Он последний из тиртханкар. Теперь миллионы лет люди будут ступать по пути, который прокладывает он. Теперь на миллионы лет он собирается доминировать над миллионами душ – поэтому он готов исполнить любое условие – Если они говорят, что тиртханкара должен жить обнаженным, он живет обнаженным. Если они говорят, что он должен есть раз в день, он ест раз в день. Если они говорят, что он не должен принимать ванну, он не принимает ванну. Если они говорят, что он не должен чистить зубы, он не чистит зубы. Он должен издавать зловоние.

Я знал джайнских монахов... с ними трудно разговаривать. И вы знаете, я человек прямой, я сказал просто: «Вы дурно пахнете. Отсыдьте от меня на десять метров. Я не могу разговаривать, сидя к вам так близко». Их дыхание источает запахи, не может не источать; ни разу в жизни они не чистили своих ртов. Их тела воняют. Но они готовы исполнять любое глупое требование, поскольку то, что они получают в награду за это, исполнено огромного психологического смысла. Это все только психология, только удовлетворение эго.

Я говорю вам: я обыкновенный человек, такой, как вы, без какой бы то ни было разницы.

Я подрубаю самые корни вашей веры в меня. И поэтому я настаиваю на обыкновенности.

Я не хочу, чтобы вы хоть как-то цеплялись за меня. Я не враг вам.

Я не хочу, чтобы из-за меня вы оставались искалеченными, ослепшими, по-рабски зависимыми. Я не хочу принимать на себя такую ответственность.

Поэтому со своей стороны я предельно ясен. Я не даю вам никакой поддержки. А с вашей стороны я постоянно стучу по вам, иногда даже причиняю вам боль, потому что все, кажущееся вам значимым, может не быть таким, и я должен разрушать это. Прежде чем я смогу сделать вас совершенно чистыми, я вынужден буду убрать множество камней, лежащих на моем пути к вам и не дающих мне достичь вас.

Доверие – совершенно другая материя. Оно включает два шага. Первый – гипотетическое доверие. «Гипотеза» – это научный термин. Когда вы начинаете эксперимент, вы гипотетически предполагаете, что он будет успешным, – только гипотетически, без гарантии. Это не вера, в нем вы ничем не рискуете. Просто чтобы провести эксперимент, вы гипотетически принимаете, что соответствующее явление имеет место – ну что же, посмотрим на него, углубимся в него, поэкспериментируем с ним. Предположение может оказаться правильным, может оказаться неправильным. Гипотеза не закрывает двери. Гипотеза не является ответом, она – лишь начало поиска. Она – знак вопроса.

Вера начинается с устранения сомнения; гипотеза исполнена сомнения. Человек, лишенный сомнения, не может экспериментировать. Ради чего человек собирается экспериментировать? У него есть сомнение – он хочет найти истину.

Сомнение может быть скрыто верой, или оно может быть устранено поиском истины. Вот два единственных пути-

Если вы верите, нет нужды в эксперименте. Поэтому всякий, кто не хочет рисковать ничем, у кого нет разума для поиска – любая посредственность, – обязан верить. Верят только посредственности. Чем больше их глупость, тем больше их вера. Чем больше их посредственность, тем сильнее их фанатизм.

Другой путь заключается в том, чтобы начать с сомнения, не скрывать его. Но чтобы начать, нужна гипотеза. Если я скажу, что вода состоит из водорода и кислорода, то вы или можете поверить мне, или можете принять это в качестве гипотезы. Если вы принимаете это в качестве гипотезы, то это означает, что веры в меня нет. Мое высказывание вы восприняли только как повод для эксперимента, проверки, так это или нет.

Итак, первая часть доверия – желание экспериментировать.

Функция Учителя не в том, чтобы заставлять вас верить.

Его функция – создать вокруг себя атмосферу, вибрацию, привлекающую человека к эксперименту, притягивающую его к нему, заставляющую не верить, но идти с ним; не следовать, но идти с ним; поскольку он говорит: «Я видел нечто. Я видел дверь, и сквозь дверь я видел огромное небо».

Учитель должен обладать определенной магнетической силой, огромным воздействием.

И это приходит легко. Если я увидел открытое небо, то что-то от этого открытого неба будет в моих глазах. Если я увидел звезды, то что-то от этих звезд обязательно отразится во мне.

Мне не нужно провозглашать это.

На самом деле тот, кто провозглашает, не имеет – именно из-за самого этого провозглашения. Иисус называет себя сыном Бога – зачем это нужно? Если вы сын Божий, разве не будет достаточно одного лишь этого, чтобы люди почувствовали вибрацию? Когда солнце восходит, об этом не нужно объявлять. Даже птицы начинают петь – солнце постучалось в их двери: «Просыпайтесь! Уже утро, и я вернулось». Нет, не нужно. Даже цветы знают, что солнце взошло; они открываются. Ночью они были закрыты; теперь они снова хотели бы исповедовать солнце. Это жизнь! Все сущее понимает, что солнце пришло, и начинает вибрировать его энергией.

Что за необходимость Иисусу постоянно провозглашать:

«Я – сын Божий?» Он должен подозревать себя, он должен сомневаться в себе ~ и это абсолютно разумно. Он никогда не видел Бога... никто никогда не видел Бога, На каком основании у него может не быть сомнения, что он – сын Божий? Сомнение есть. Он кричит и провозглашает, как раз чтобы развеять сомнение. Чтобы убедить себя, он должен убедить других, что он – сын Божий.

Настоящий Учитель не провозглашает ничего.

Самого его существования, самого его присутствия достаточно, чтобы создать в вас желание исследовать – запомните, не следовать, но исследовать, – чтобы идти с этим человеком, может быть, пройти с ним несколько шагов, чтобы самим посмотреть, есть ли небо или его нет.

Все, что делает Учитель, – это создает в вас желание идти вместе с ним, с открытым умом экспериментировать вместе с ним.

Поскольку он знает – нет необходимости говорить вам, чтобы вы верили. Необходимость говорить кому-либо верить во что-либо возникает только тогда, когда сам человек знает, что без веры истина не будет найдена – ведь вера создает истину в вашем воображении. Именно вера порождает галлюцинацию. Учитель всеми путями пытается заставить вас не верить, поскольку вера – преграда для поиска. Да, вы должны быть восприимчивы, готовы для исследования, доступны новому, неизведанному, тому, что может случиться. Это я называю первой частью, гипотезой.

Я уже говорил, что моя религия научна, а каждая наука основывается на гипотезе. Не обязательно, чтобы каждая гипотеза оправдывалась. Но для исследователя не повод печалиться о том, что одна гипотеза провалилась. На самом деле он радуется, что теперь одной гипотезой меньше: «Мой поиск становится уже, ближе к истине».

Эдисон работал над электричеством. Это заняло у него три года... все его сотрудники разочаровались. Многие оставили его; многие думали: «Он сошел с ума, и мы сойдем с ума вместе с ним». Остались лишь немногие. Но и они колебались, оставаться ли с этим человеком или нет, здоров он или нет, – «ведь все гипотезы, которые мы испытывали, провалились».

Но этот человек на следующий день начинает свой поиск с тем же рвением, энтузиазмом, какие они видели в нем в первый день – все так же. Это его качество удерживало их от того, чтобы уйти. Говорят, что они проваливались девятьсот девяносто девять раз. И последний сотрудник – поскольку к тому времени все остальные ушли; с них было достаточно, – последний сотрудник сказал: «Что теперь? Мы потерпели неудачу девятьсот девяносто девять раз. На протяжении трех лет не было ничего, кроме неудач, неудач и неудач. Но вы странный человек, вы начинаете на следующий день с тем же рвением».

Эдисон сказал: «Я испытываю больший энтузиазм, чем в первый день, когда мы начали. Вы не правы, это не то же рвение; теперь его гораздо больше, поскольку я понимаю, что девятьсот девяносто девять гипотез отвергнуто. Теперь истина очень близко. Если есть тысяча дверей, то в девятьсот девяносто девять мы уже постучались и обнаружили за ними пустоту. Теперь осталась только одна». Он говорил так просто для примера, но, по случайности, так и вышло. В тот день они добились успеха.

Гипотеза просто означает готовность к эксперименту, то есть половина гипотезы – это готовность со стороны ученика, открытость, восприятие того, что: «Мы не знаем... Возможно, мы сможем открыть, возможно, нет; может быть, мы движемся в правильном направлении, может быть, нет. Но в любом случае, добьемся ли мы успеха или потерпим неудачу, мы не проиграем. Поскольку, даже если мы потерпим неудачу, это просто будет означать, что одно направление не то – испытаем другое направление; один метод не работает – испытаем другой метод. Где-то, когда-то, в какой-то момент дверь откроется».

Со стороны Учителя основное дело – не создавать в ученике веру, но создавать тот энтузиазм, то рвение продолжения поиска несмотря на неудачи.

Учитель – это вдохновитель. Он не является объектом веры.

Он не поддерживает никаких ваших психологических слабостей.

Он просто показывает вам, как он достиг.

Он объясняет вам способ, метод, эксперимент, который стал исполнением для него. Его бытие дает вам ощущение исполнения, удовлетворения, чувство того, что он достиг – что есть в воздухе вокруг него нечто, что вы можете вдыхать. И он дает вам способ, метод того, как это случилось с ним. Он никогда не говорит, что с вами это случится точно таким же способом.

Все, что он говорит, это: «Со мной случилось это, так что весьма вероятно, что это случится и с вами. Я просто обыкновенный человек, как и вы. Если это могло случиться с таким обыкновенным человеком, то почему этому не случиться и с вами? Может быть, вам нужно двигаться под немного иным углом; может быть, вам нужно использовать немного иной метод. Может быть, вы вынуждены будете идти немного дальше, может быть, с вашей стороны гора немного круче, но – это случится! Это может случиться».

Вторая часть доверия возникает тогда, когда вы переживаете что-то невидимое, что Учитель передал вам через свою вибрацию. Поэтому только те, кто очень чувствителен и очень восприимчив, смогут почувствовать это.

То, что Учитель передал вам, как некоторое сердечное чувство, – это не конец, это только начало путешествия. Теперь вы можете принять некоторую гипотезу. Вторая часть доверия случится в тот день, когда вы ощутите вкус того, о чем Учитель разговаривал с вами, о чем говорил, чем он был. Тот день, когда вы ощутите вкус этого, не будет днем веры, он будет днем доверия. Теперь вы знаете. Теперь вы знаете, что были с человеком, который знал. И это было единственным различием, теперь это различие исчезло.

Доверие полно, когда различие между Учителем и учеником исчезает, когда знание ученика идет тем же путем, что и знание Учителя.

Он увидел свет, он ощутил запах цветка. Это момент благодарности.

Ни один верующий не испытывает настоящей благодарности к этим мессиям, аватарам – ни один, ведь что они дают вам? Просто веру... не имеющую основы, не имеющую фунда-мента.^Как можно испытывать к ним благодарность? Можно молиться, можно восхвалять их, и это просто политика. Может быть, по их благоволению, вняв вашим восхвалениям и молитвам – которые не что иное, как род взятки, – они почувствуют к вам особое сострадание, одарят вас каким-нибудь чудом. Но чудес не бывает никогда. Да, истина бывает, любовь бывает, но чудес не бывает.

По отношению к этим людям нельзя испытывать настоящего чувства благодарности. Напротив, если вы посмотрите в себя, вы почувствуете гнев. Вы удивитесь, когда скажу вам, что все христиане глубоко внутри гневаются на Иисуса. Он обещал спасти их, но не спас. Он обещал и говорил: «Скоро наступит царство Божье, скоро вы будете со мной в царстве Божьем». Прошло две тысячи лет, а это «скоро» еще не наступило. Когда же оно наступит?

В каждом христианине против Иисуса гнев. И из-за этого христианин выказывает так много фанатизма по отношению к Иисусу, чтобы никто не догадался о его гневе, чтобы никто не узнал о том, что он обманут, что ему дали поддельную веру, что две тысячи лет миллионы людей прожили с этой верой и умерли с этой верой – не получив никакого роста, не добравшись никуда, не найдя ничего. Этого гнева, этой ярости боятся... Чтобы подавить его, человек идет в церковь, он молится Иисусу, или Кришне, или Мухаммеду.

Но каждый верующий рано или поздно разочаровывается, поскольку вера не дает ему истины. Она не дает ему живой воды жизни.

Всякий христианин хотел бы сделать то, что сделал Иуда. Другое дело, что он не делает этого; это потому, что у него недостаточно смелости. Никто не попытался понять Иуду, ведь даже попытка понять Иуду воспринимается, как выпад против христианства. Но этот человек должен быть исследован. Он был единственным образованным, культурным – более, чем Иисус, более, чем любой из его апостолов. И естественно, как образованный, культурный человек, он должен был быть полон сомнений. Я не могу представить Иуду верящим, что Иисус – сын Божий.

Он был с Иисусом. Этот человек обладал определенным обаянием, но это не имеет ничего общего с истиной. Адольф Гитлер обладал огромным обаянием, и вы знаете... в конце жизни он начал верить, что является воплощением старого библейского пророка Илии. Всю свою жизнь он убивал евреев! В его газовых камерах превратились в дым миллионы евреев. И в конце жизни он начал думать, что он Илия, один из самых значительных пророков Ветхого Завета.

Вы подумаете, он сумасшедший, но еще есть на земле люди... Я получил письмо откуда-то отсюда, из Америки, от президента нацистской партии, в котором содержатся угрозы в мой адрес и говорится, что я не должен выступать против Адольфа Гитлера, поскольку: «Это оскорбляет наши религиозные чувства». Я был просто изумлен. Религиозные чувства!.. Но я был также и чрезвычайно заинтересован. Какие религиозные чувства оскорбляются? А человек продолжает: «Может быть, вы не знаете, что Адольф Гитлер – это не обыкновенный человек. Он перевоплощение пророка Илии. Так что, пожалуйста, не выступайте против Адольфа Гитлера, поскольку это оскорбляет наши чувства, а вам нехорошо оскорблять чьи бы то ни было религиозные чувства». Адольф Гитлер, религиозный лидер! Но еще есть люди, верящие в это, – что поделаешь?

И что же случилось с Адольфом Гитлером в конце? Поражение стало абсолютно очевидным. Его держали в неведении; ему постоянно говорили ложь, поскольку он не мог слушать никакой правды. Он не мог слушать, что: «Наши силы уничтожаются, мы терпим поражение». Нет, не мог. Любой, приносивший ему такие известия, расстреливался на месте: это невозможно, этот человек лжет! Он убивал своих собственных генералов, советовавших ему: «Мы должны отступить. Идти вперед – это просто убивать своих людей». Он расстреливал их повсюду. Он говорил: «Мы здесь, чтобы побеждать. Это наш удел, удел арийской расы, нордической расы, – править миром. Ничто не может быть против этого».

Поэтому мало-помалу его люди поняли: пусть живет своим вымыслом. Он жил в подземном убежище. Все было потеряно – русские, американские, британские армии входили в Берлин, а он все еще верил, что его силы в Москве, в Лондоне. Когда он услышал разрывы бомб, падающих поблизости, он не мог поверить в то, что происходит. Он спросил, и они сказали:

«Что мы можем поделать? Если мы говорим вам правду, вы расстреливаете нас. А правда в том, что мы побеждены. Мы потерпели поражение, это вражеские силы; Берлин пал».

В этот момент в нем возникла эта идея, может быть, как раскаяние за то, что он убил так много евреев... как может работать человеческий ум! Может быть, он чувствует раскаяние и жаждет возмещения за это: он становится пророком Илией. Это была его последняя глупость – Он сделал их много за свою жизнь, но это была последняя. Но повсюду, и даже в Америке, есть люди, создающие партии вокруг религиозного пророка Адольфа Гитлера.

Иуда оставался с Иисусом. Иисус определенно обладал некоторым обаянием. Есть люди, рождающиеся лидерами, как есть люди, рождающиеся поэтами, как есть люди, рождающиеся художниками. Каждый рождается с определенными качествами. Их можно знать, их можно не знать. Чем скорее человек узнает, тем лучше, поскольку тогда он начинает двигаться в правильном направлении к своему исполнению. Если он не найдет правильного направления, ведущего к исполнению его природных качеств, он не испытает чувства удовлетворения.

Итак, функция Учителя не в том, чтобы сделать вас подобным себе.

Его функция – помочь вам открыть, кто же вы.

Вы не подобны мне. Не нужно быть дубликатом, копией.

Но эти мессии, и паигамбары, и тиртханкары – они все стараются сделать каждого копией. Они изначальны. И посредством веры вы очень легко становитесь копиями.

Иуда оставался с Иисусом, но он был полон сомнений. Снова и снова поднимал он вопросы, исполненные сомнений. И Иисус всегда отметал его сомнения, ведь ни у кого другого сомнений не было. Все были верующими. Они были необразованными людьми, готовыми верить и очень счастливыми тем,

что стали учениками, апостолами. Поистине великое достижение... Единственный порожденный сын Божий и они – его апостолы, его посланники. Чего большего можно ожидать? Поэтому они просто верили, ни единого вопроса с сомнением. Но Иуда постоянно сомневался. И Иисус не пытался понять этого человека, его сомнение. Вместо того, чтобы давать ему веру, он должен был показать ему дверь, путь, так, чтобы тот мог доверять.

Мои собственные чувства по отношению к Иуде сильно отличаются от чувств всех остальных людей. Я сожалею об этом человеке. Он был, может быть, одним из самых неподдельных ищущих среди последователей Иисуса. Но Иисус ни разу не дал ему никакого рационального основания. Вина Иисуса, что такой человек разочаровался, насытился всеми этими играми в веру. И в этой игре в веру он был побежден дураками, ведь эти дураки были абсолютными верующими.

Сомнение – вот что заставило его передать Иисуса в руки его врагов, ведь теперь это был единственный способ узнать, действительно ли он сын Божий. Он не дает доказательства, он не дает пути для переживания. Теперь есть только один способ:

передать его врагам, и пусть его распнут, и это будет доказательством. Он воскреснет, и тогда не будет вопроса о сомнении.

На Иисусе лежит ответственность за то, что он заставил Иуду сделать такой крутой шаг. Но воскресения не случилось. И Иуда почувствовал глубокую печаль, раскаяние, что без необходимости он совершил грех. Он без необходимости предал Иисуса. Не было нужды; если он не мог верить в него, он мог бы его покинуть – какая нужда была посылать его на крест? Он испытал такое раскаяние, что через двадцать четыре часа повесился, покончил с собой.

Никто не беспокоится о его самоубийстве. А оно так же значительно, как и распятие Иисуса, может быть, даже значительнее; в нем гораздо больше таинственного. Почему Иуда покончил с собой? Если бы он был настоящим врагом, не нужно было бы раскаиваться. Он должен был бы быть счастливым и радостным. Но он не был врагом. И убийство Иисуса не было его целью. Он не мог себе этого представить.

Но Иисус ни разу не дал ему рационального основания и сам подтолкнул его к этому крутому шагу – ведь это станет единственным доказательством, является ли он сыном Божьим. Если произойдет воскресение, он сын Божий, и это докажет все. Тогда все, что он говорил, правда; тогда не нужно сомневаться, тогда не нужно думать об этом, тогда нет вопроса. На самом деле он не думал о том, чтобы помочь врагам покончить с Иисусом; он пытался найти рациональное основание для доверия, которое не смог дать ему Иисус.

Учитель никогда не дает вам веры; он дает вам соучастие в его атмосфере, и в вас возникает гипотеза, желание экспериментировать.

И когда такое желание есть, он дает вам путь, который он знает, которым он прошел. И вы не найдете такого безумного Учителя, как я, по той простой причине, что я прошел почти всеми путями. Это просто безумие, потому что к цели ведет один путь; нет нужды путешествовать по другим.

Были Учителя, путешествовавшие по пути; они достигли цели: они помогли другим людям впитать их дух, и если был кто-то, готовый экспериментировать, все было в порядке.

Я никогда не был ничьим последователем, ни в одной из моих жизней. Но я путешествовал со многими людьми, многими путями.

Чтобы узнать истину, достаточно одного пути, но мой поиск не только ради истины, но и ради того, чтобы узнать, ведет ли к истине один путь или много путей, таких же правильных, как и этот.

Итак, я прошел к цели, вернулся; пошел с другого направления, вернулся; пошел с другого направления, вернулся; и я не оставил в своих путешествиях ни одного неисследованного пути. Поэтому я говорю вам, что это просто безумие. Я не хочу, чтобы вы следовали всеми этими путями, если в вас не возникает подлинно вашего побуждения к этому. Если нет, одного пути достаточно.

Мгновение вы переживаете, и доверие становится полным; тогда оно не является более гипотетическим, тогда оно является экзистенциальным, жизненным.

В это мгновение нет Учителя, нет ученика. Просто два пламени оказались так близки друг к другу, что они стали одним пламенем.

Ученик начинает ощущать тот же аромат, что и Учитель. Его глаза начинают излучать тот же неподдельный свет, что и глаза Учителя. Его вибрация становится такой же, как у Учителя.

И тогда возникает огромная благодарность: благодарность 'за то, что этот человек не давал мне веры, иначе я потерялся бы.

Этот человек не сделал меня зависящим от него, иначе я потерялся бы.

Этот человек не эксплуатировал меня психологически, ради своего собственного эго, иначе я не смог бы даже понять, что происходит.

Поскольку я был болен и нуждался, он мог бы легко эксплуатировать мои нужды ради своего эго. Он мог бы создать порочный круг удовлетворения эго: вы удовлетворяете эго Учителя, Учитель удовлетворяет эго ученика.

Так случилось, что я был приглашен одним из шанкара-чарий в Фаридабаде; он проводил большую всемирную религиозную конференцию. Он, должно быть, совсем не знал меня. Я осознал это, он осознал это; когда я начал говорить, через две минуты, стало ясно, что он не знал меня.

Мной заинтересовался его секретарь, он читал мои книги. Он убедил его пригласить меня, ну, конечно, это была всемирная религиозная конференция, было приглашено так много религиозных лидеров – не было вреда. Всю бумажную работу делал, должно быть, секретарь, и шанкарачарья мог и не знать по-настоящему, кто я и что может случиться.

Но когда я прибыл туда – я прибыл ранним утром, – шанкарачарья пожелал увидеться со мной, поскольку вечером уже начинались заседания, собралось, по крайней мере, пятьдесят тысяч человек и потом времени бы не было. А он должен председательствовать на конференции. Поэтому из дома для гостей, где я находился, я пошел к нему в храм, где находился он.

Он сидел на деревянной платформе, на метр выше всех остальных сидевших. Рядом с его деревянной платформой была другая платформа, на полметра выше пола, на полметра ниже его платформы. На ней с большим достоинством восседал другой монах. А на полу расположились все гости, прибывшие принять участие в конференции и выступить на ней...

индусы, мусульмане, христиане, сикхи, джайны, буддисты – все сидели там.

Я тоже сел там. Шанкарачарья сказал – он начинал разговор: «Знаете ли вы человека, сидящего рядом со мной на платформе пониже, кто он? Он был главным судьей верховного суда. Когда он оставил должность, он отрекся от всего. И он так смиренен... Я просил его сесть рядом со мной на ту же платформу, но он отказался. Он говорит: «Нет, вы мой гуру, мой учитель. Как я могу сидеть рядом с вами?» Вот почему он сидит на платформе пониже».

Я спросил у шанкарачарьи: «Я понял – он, должно быть, очень смиренен в том, что касается вас, ведь он на полметра ниже вас, но что же сказать обо мне и всех людях, сидящих здесь в этой комнате? Он великий эгоист, он на полметра выше нас. Почему он не сидит с нами? Если он так смиренен, то зачем нужна эта средняя ступень? Он может сидеть с нами. Но он не сидит с нами, он сидит выше – меня не обманули эти утверждения о его смирении. Он просто ждет. Когда вы умрете, он будет сидеть там, где сидите вы. Он просто ждет вашей смерти». И я сказал этому человеку: «Если у вас есть какое-нибудь чувство достоинства, сойдите вниз с платформы и сядьте со всеми».

И я сказал также шанкарачарье: «Это не та встреча, на которой вы собираетесь выступать; мы ваши приглашенные гости, и вы сидите выше, а мы ниже. Кто здесь хозяин? И кто гость? Ни он не является смиренным, ведь я настойчиво говорил ему: «Сойдите вниз», – а он не сходит, ни вы не являетесь смиренным. Я говорю вам: «Сойдите вниз, сядьте со всеми». Но вы не сходите. Все это показуха».

«Вы не можете сидеть со всеми этими людьми, мусульманами, христианами. Шанкарачарья – и сидит с мусульманами, христианами, сикхами, джайнами, буддистами... хотя вы и пригласили этих людей. Вы хозяин, вы должны вести себя, как хозяин. Но у вас нет смелости сойти вниз. А ведь это не та встреча, на которой вы собираетесь выступать, – тогда было бы все в порядке, тогда вы можете быть выше. Это должна была быть небольшая беседа, дружеская беседа, но вы разрушили эту дружескую беседу. Спускайтесь вниз, иначе я поднимусь вверх!»

Этот дурак тоже не спустился вниз. Тогда я вынужден был подняться на платформу и сесть рядом с ним. И я попросил других людей: «Все, кто хочет, могут взойти. Поднимайтесь, насколько здесь хватит места, потом на другую платформу, Будьте смиренными, садитесь на вторую платформу. Я не смиренный человек. Я совершенно счастлив здесь, я буду сидеть здесь».

Эти дураки... нельзя уважать ни его, ни человека, которого он назвал. И почему он начал эту беседу с него? Я сказал ему: «Вы хотели сказать нам, что ваш ученик был главным судьей верховного суда Индии, и если уж он ваш ученик, то что говорить о вас! И вы хотели подчеркнуть тот факт, что он очень смиренен, поскольку отказался сидеть с вами. Ни вы, ни он не являетесь смиренными; вы оба играете на психологических потребностях друг друга и эксплуатируете их».

Теперь он испугался, что пригласил, сам не зная того, опасного человека. Он всеми способами старался организовать дело так, чтобы на открытии, где будут присутствовать пятьдесят тысяч или более человек, я не смог выступить. И шаги, которые он предпринял, были следующими: он держал позади меня трех человек с палками в руках, так что все видели их. Секретарь, пригласивший меня и заинтересованный во мне, подошел и сказал: «Это кажется странным, но эти три человека преступники, опасные люди, убийцы, и их поместили позади вас так, чтобы, если вы заговорите, они напали на вас и нарушили всю встречу. Вам не дадут говорить».

Я сказал: «Не беспокойтесь. Я знаю свое дело очень хорошо. Не беспокойтесь». Я посмотрел на этих троих. Я сказал им: «Вы все готовы?» Они переглянулись. Я сказал:

«Будьте готовы, я начинаю». И без объявления моего имени шанкарачарьей я подошел к микрофону и сказал публике:

«Видите трех человек, стоящих позади меня с палками. Вы должны знать этих троих, они отсюда, из Фаридабада. Они преступники и убийцы. Они были приведены сюда шанкарачарьей, чтобы я не мог говорить. Если я начну говорить, они нападут на меня. Я хотел бы, чтобы вы подняли свои руки в знак того, хотите ли вы слушать меня или нет?»

Поднялось пятьдесят тысяч рук. Тогда я сказал шанкарачарье: «Вы меня теперь совершенно не беспокоите. Вы больше не председатель этой конференции. Эти руки дали вам отставку». И я сказал этим троице: «Будьте осторожны. Если вы сделаете что-нибудь, то ни вы, ни ваш Шанкарачарья – никто не сойдет с этой сцены живым. Здесь эти пятьдесят тысяч человек».

И они закричали: «Да, мы здесь. Если вам причинят какой-нибудь вред, мы сожжем все на этой сцене». Я говорил. Я сказал все, что хотел сказать, а эти трое преступников просто ускользнули прочь. И этот человек говорил о смирении...

Смирение возникает только при условии, благодарность возникает только при условии, что вы пережили то, что Учитель пытался выразить словами, действиями, молчанием, всеми другими способами – ведь это переживание является чем-то невыразимым.

Хорошо, Шила, еще один вопрос.

Бхагаеан,

Вы говорите, что Вы просто обыкновенный человек. Является ли Ваша коммуна просто обыкновенным собранием людей?

Я обыкновенный человек. Вот почему моя коммуна абсолютно необыкновенна, ведь вокруг обыкновенного человека никогда не бывало коммун. Да, была маленькая коммуна вокруг Иисуса, – но он был сыном Бога. Была большая коммуна вокруг Будды, – но он был величайшим из осознавших

людей прошлого, настоящего и будущего... Никто не превзойдет его. Конечно, вокруг него была большая коммуна, но он был необыкновенным человеком. Была коммуна при Махавире, — но он был двадцать четвертым тиртханкарой, это совершенно уникальный статус.

У меня нет статуса совсем, я обыкновенный человек.

Поэтому я говорю, что моя коммуна абсолютно необыкновенна, поскольку разве так бывало, чтобы коммуна функционировала вокруг обыкновенного человека?

Это впервые. И пребывание рядом с обыкновенным человеком вроде меня требует огромной смелости, ведь я не исполняю ваших детских желаний, я не исполняю ваших фантазий, я не даю вам никакой надежды, никаких обещаний.

Пребывание со мной — достаточное доказательство того, что моя коммуна абсолютно необыкновенна, но я — обыкновенный человек.

Беседа 11

ДА, Я УЧУ ВАС СЕБЯЛЮБИЮ

9 ноября 1984 года

Бхагаван,

Вы учите Ваших санньясинов заботиться прежде о себе, чем о других. Это, кажется, идет против многих религий в мире, которые учат служить человечеству, и это должно казаться им очень большим себялюбием. Можете ли Вы поговорить об этом?

Это идет не только против многих религий, это идет против всех религий в мире. Они все учат служить другим, не быть себялюбивыми. Но для меня себялюбие — естественное явление.

Отсутствие себялюбия навязано. Себялюбие — часть вашей естественной природы.

Если вы еще не достигли того состояния, когда ваше это растворяется во вселенной, вы не можете по-настоящему отбросить себялюбие. Вы можете притворяться. Вы будете лишь лицемерами, а я не хочу, чтобы мои люди были лицемерами. Так что это немного сложно, но это можно понять.

Прежде всего себялюбие — часть вашей природы. Вы должны воспринять это. И если себялюбие — часть вашей природы, то оно должно служить чему-то очень существенному, иначе его не было бы вовсе.

Вы выжили благодаря себялюбью, благодаря эгоизму, благодаря тому, что заботились о себе. В противном случае человечество давным-давно исчезло бы.

Только подумайте о ребенке, который родился без себялюбия, у которого нет себялюбия. Он не сможет выжить, он умрет — ведь даже дыхание себялюбиво, принятие пищи себялюбиво. Когда миллионы людей голодают, вы едите, когда миллионы людей больны, страдают, умирают, вы здоровы.

Если рождается ребенок, лишенный себялюбия, как неотъемлемой части своей природы, он не выживет. Если к нему подползет змея, зачем бежать от нее? Ваше себялюбие — вот что защищает вас, иначе встреча со змеей неизбежна. Если на вас прыгает лев и убивает вас, то пусть убивает. Это отсутствие себялюбия. Лев голоден, вы обеспечиваете ему пропитание — кто вы, чтобы вмешиваться? Вы не должны защищать себя, вы не должны бороться. Вы должны просто предложить себя на обед льву. Это будет отсутствием себялюбия.

Все эти религии учили противоестественному. И себялюбие — только одна часть из этого.

Я учу вас естественному. Я учу вас быть естественными, абсолютно естественными, бесстыдно естественными.

Да, я учу вас себялюбью. Никто не говорил до меня так. У них не было мужества говорить так. А сами они были себялюбивыми; это изумительная часть всей истории.

Почему джайнский монах мучает себя? Тому есть объяснение. Он хочет достичь мокши и всех удовольствий там. Он не жертвует ничем, он просто торгуется. Он бизнесмен, и его священные книги говорят: «Тебе воздается тысячекратно». И эта жизнь действительно очень мала — семьдесят лет

совсем немного. Если вы жертвуете удовольствиями в течение семидесяти лет ради вечных удовольствий, то это хорошая сделка. Я не думаю, что это отсутствие себялюбия.

А почему эти религии учили вас служить человечеству? Какое объяснение? В чем цель? Что вы собираетесь выиграть от этого? Вы, может быть, никогда не задавались таким вопросом. Это не служение...

Я очень любил древнюю китайскую историю. Человек упал в колодец. То было время большого праздника и большого стечения народа, и было так много шума, люди радовались, танцевали, пели, вокруг творилось все в этом роде, поэтому никто не услышал, как он упал. А в те времена колодцы в Китае не защищались стенкой, окружавшей их, высотой хотя бы метр или полтора, чтобы никто не падал в них. Они не имели никакой преграды, просто стояли открытыми. В темноте можно было упасть, не подозревая, что здесь колодец. Этот человек начал кричать: «На помощь!»

Мимо проходит буддийский монах. Конечно, буддийский монах не интересуется праздником, не предполагается, что интересуется, — я не знаю, что он делал там. То, что он оказался там, означает некоторое подсознательное побуждение посмотреть, что происходит, как люди радуются: «И все эти люди попадут в ад, а я единственный здесь, кто попадет на табеса». Он проходит мимо колодца и слышит этого человека. Он смотрит вниз. Человек говорит: «Хорошо, что вы услышали меня. Все так заняты, и здесь так шумно, что я испугался, что умру здесь».

Буддийский монах сказал: «Вы умираете из-за злых дел в вашей прошлой жизни. Теперь вы получаете наказание. Примите его и покончите с этим! Так хорошо. В новую жизнь вы войдете очищенным, и не нужно будет снова падать в колодец».

Человек сказал: «В этот момент мне не нужна никакая мудрость и никакая философия...» Но монах ушел.

Останавливается старый даос. Он испытывает жажду и смотрит в колодец. Человек все еще зовет на помощь. Даос говорит: «Это не по-мужски. Нужно принимать все, как оно идет, так говорил великий Лао-цзы. Поэтому принимайте это! Радуйтесь! Вы кричите, как женщина. Будьте мужчиной!»

Человек сказал: «Я готов называться женщиной, но сначала, пожалуйста, спасите меня! Я не мужественный. И вы можете сказать мне после все, что хотите сказать, — сначала вытащите меня».

Но даос сказал: «Мы никогда не вмешиваемся в дела других. Мы верим в личность и ее свободу. Это ваша свобода — упасть в колодец, это ваша свобода — умереть в колодце. Все, что я могу сделать, это предложить вам: вы можете умереть, плача и рыдая, — это глупо, — или вы можете умереть, как мудрый человек. Примите это, радуйтесь этому, пойте песню и умирайте. Так или иначе, все умирают, поэтому какой смысл спасать вас? Я умру, все умрут — может быть, завтра, может быть, послезавтра, — поэтому какой смысл беспокоиться о вашем спасении?» И он уходит.

Приходит конфуцианец, и у человека появляется некоторая надежда, поскольку конфуцианец более мирской, более земной человек. Он говорит: «Это моя большая удача, что пришли вы, конфуцианский ученый. Я знаю вас, я слышал о вас. Теперь сделайте что-нибудь для меня, ведь Конфуций говорит: «Помогайте другим». Помня отклик буддиста и даоса, человек подумал: «Чтобы убедить людей спасти меня, лучше говорить о философии». Он сказал: «Конфуций говорит:

«Помогайте другим»».

Конфуцианский монах сказал: «Вы правы. И я помогу. Я пойду из одного города в другой, я буду стараться и протестовать, и я заставлю правительство построить защитные стенки вокруг каждого колодца в стране. Не бойтесь».

Человек сказал: «Но к тому времени, когда эти защитные стенки будут сделаны и ваша революция победит, я умру».

Конфуцианец сказал: «Вы не имеете значения, я не имею значения, индивидуумы не имеют значения — значение имеет общество. Упав в колодец, вы подняли очень важный вопрос. Теперь мы будем бороться за это. Вы будьте спокойны. Мы проследим за тем, чтобы каждый колодец имел вокруг

себя защитную стенку, чтобы никто не смог упасть в него. Просто спасая вас, что спасешь? По всей стране миллионы колодцев, и миллионы людей могут упасть в них. Поэтому не будьте таким себялюбивым. Поднимитесь выше себялюбия. Я буду служить человечеству».

«Вы послужили, упав в колодец. Я буду служить, заставляя правительство сделать защитные стенки». И он уходит. Но он делает существенное замечание: «Вы очень себялюбивы. Вы просто хотите спастись и напрасно потратить мое время, которое я могу использовать ради всего человечества».

Как вы думаете, существует ли где-нибудь что-то вроде «человечества», существует ли где-нибудь что-то вроде «общества»? Все это просто слова. Существуют только индивидуумы.

Четвертый человек – христианский священник, миссионер, тащивший с собой мешок. Он немедленно открывает мешок, достает веревку, бросает веревку... до того, как человек сказал что-либо, он бросает веревку в колодец. Человек удивлен.. Он говорит: «Похоже, ваша религия самая истинная».

Тот говорит: «Конечно. Мы готовы ко всяким неожиданностям. Зная, что люди могут падать в колодцы, я ношу с собой эту веревку, чтобы спасти их, поскольку, только спасая их, я могу спасти себя. Но запомните, я слышал, что говорил конфуцианец: не делайте защитных стенок вокруг колодцев, иначе как мы будем служить человечеству? Как мы будем вытягивать людей, упавших в колодец? Сначала они должны упасть, потом мы будем вытаскивать их. Мы существуем ради служения, но должен существовать повод к тому. Без повода как мы можем служить?»

Все эти религии, говоря о служении, определенно заинтересованы, чтобы человечество оставалось бедным, чтобы людям нужно было это служение, чтобы были сироты и вдовы, нищие, чтобы старики нуждались в уходе. Такие люди необходимы, абсолютно необходимы. В противном случае, что же случится с этими великими служителями человечеству? Что случится со всеми этими религиями и их учениями? И как тогда входить в царство Божье? Такие люди должны служить в качестве лестницы.

Вы называете это отсутствием себялюбия? Что, этот миссионер не себялюбив? Он спасает этого человека не ради него; он спасает его ради самого себя. Глубоко внутри все еще есть себялюбие, но теперь оно прикрыто красивыми словами:

служение, бескорыстие.

Но откуда эта потребность в каком бы то ни было служении? Почему должна быть какая-то потребность? Разве мы не можем устранить все поводы для служения? Мы можем, но тогда религии очень разгневаются. Будет разрушен весь их фундамент – весь их бизнес, – если не будет бедных, не будет голодных, не будет страдающих, не будет больных. И наука может сделать это. Сегодня это абсолютно в наших руках. Это случилось бы давным-давно, если бы религии не останавливали каждого, кто собирался внести свой вклад в знания, устраняющие все поводы для служения.

Но эти религии были против всякого научного прогресса – и они говорят о служении. Им нужны эти люди.

Их потребность – это не отсутствие себялюбия; это предельное себялюбие. Эта потребность имеет объяснение. Есть цель для достижения.

Поэтому я говорю моим санньясином: служение – это грязное слово. Никогда не используйте его. Да, вы можете соучаствовать, но никогда не унижайте человека служением ему. Это унижение.

Когда вы служите кому-то и чувствуете великое... вы низводите другого до положения презренного человека, недочеловека. А вы такой превосходный, вы пожертвовали своими собственными интересами и служите бедным. Вы просто унижаете их.

Если у вас есть что-то, что дает вам радость, покой, восторг, делитесь этим.

И помните, когда вы делитесь, нет объяснения, нет мотива. Я не говорю, что благодаря такому делению вы попадете на небеса. Я не ставлю вам никакой цели.

Я говорю вам, благодаря разделению вы будете удовлетворены. В самом этом разделении есть удовлетворение, за ним нет иной цели; оно не ориентировано на какую-либо цель. Оно имеет целью самое себя.

И вы будете чувствовать себя обязанными человеку, готовому разделять с вами. Вы не будете чувствовать, что он обязан вам, – вы ведь не служили ему. И только люди, верящие в разделение, в соучастие, а не в служение, могут разрушить все эти поводы к служению, в<*е эти безобразные поводы, опутывающие землю. Все релип эксплуатировали эти поводы. Но они давали красивые н. чания... Они стали очень искусными, тысячелетиями давая красивые названия безобразным вещам. А когда вы даете красивые названия безобразным вещам, очень вероятно, что вы сами забудете о том, что это лишь прикрытие. Внутри, в реальности, все остается тем же самым.

Я вспоминаю... Я остановился в Калькутте в доме очень богатой женщины. Она была вдовой, молодой вдовой. У нее был ребенок; ее муж умер несколько лет назад. И она чрезвычайно заинтересовалась образом моих мыслей. Мы завтракали, и я увидел фотографию, висящую на стене. Я узнал человека. Я спросил женщину: «Эта фотография Свами Дивьянанда Сарасвати?»

Она сказала: «Да».

Я сказал: «Это странно. Невозможно одновременно интересоваться мной и этим человеком. Я знаю его. Он принадлежит весьма шовинистической индуистской группе Арья Са-мадж, очень фанатичной». Его религия исходит из того, что она – единственная истинная религия, все остальные не истинные, и что Веды написаны Богом и их существование не может быть исчислено годами... десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч... нет. Они были созданы одновременно с созданием всего сущего. Как мог Бог создавать мир, не дав этих руководств? Конечно, это представляется логичным. И Вед достаточно. Никакие другие книги не нужны.

Есть четыре Веды – настолько детские, настолько глупые и настолько полные всякого хлама и чепухи, что Бог был, должно быть, не в своем уме, если он создавал такого рода книги.

Ну, я встречался с этим человеком, и мы немедленно стали врагами навсегда, поскольку я сказал: «Все это чепуха – то, что, как вы думаете. Бог создал их. А если это создал Бог, то ваш Бог нуждается в психиатрическом лечении».

В Ведах говорится, что Бог создал женщину. Конечно, он отец: он создал женщину, он отец... и он влюбился до безумия. Он начал гоняться за этой женщиной. Женщина испугалась того, что ее изнасилует ее собственный отец, поэтому она стала прятаться. Так и произошло творение. Она стала короной, – но Бога не обманешь, он стал быком. Так произошли все животные: женщина постоянно изменялась, так же изменялся и Бог. Вот так начало свое существование все сущее. Бог все еще преследует женщину в миллионах форм. Но сама идея отца, который создал... Он насильник, обыкновенный насильник, вечный насильник – он все еще продолжает преследовать. И вы называете это книгой, созданной Богом?

Поэтому я спросил у женщины: «Если вы интересуетесь мной, то как это может быть, что вы интересуетесь и этим маньяком».

Она сказала: «Я совсем им не интересуюсь. Вы правы... Это мой муж интересовался им. Он повесил эту фотографию здесь, теперь он умер, и из уважения к нему я не снимаю этой фотографии. Ноя никогда не смотрю на нее. И я всегда радуюсь тому, что мой сын сделал с ним».

Я спросил: «Что же ваш сын сделал с ним?»

Она сказала: «Он, бывало, приходил сюда и оставался с нами». У них был прекрасный гостинный зал, человек на пятьсот, по крайней мере, так что они иногда проводили лекции в своем доме.

Однажды... в то время ребенку было, должно быть, не более пяти или шести лет. Женщина, конечно, сидела впереди, ребенок сидел впереди, они были хозяевами, муж сидел впереди. И посреди беседы Свами Дивьянанды ребенок сказал громко: «Я хочу писать».

И это прямо перед Свами Дивьянандой, весь зал рассмеялся. На самом деле все хотели того же. Лекция была такая, что она вызывала стремление, желание отправиться в туалет. А поскольку все рассмеялись, Дивьянанда

очень разгневался. Этим так называемым религиозным людям присуща такая ярость, такой гнев.

Он подозвал женщину к себе поближе и сказал: «Это нехорошо. Вам следует научить своего сына».

Она спросила: «Как я могу научить его?»

Он сказал: «Вы можете сделать простую вещь. Вы можете сказать ему, что всякий раз, когда он захочет пойти пописать, пусть он просто скажет: «Мама, я хочу пойти попеть. Я хочу петь». Замените слово «писать» на слово «петь». Никто не поймет, только вы будете понимать этот условный язык».

И мать сказала: «Ладно».

Спустя шесть или семь месяцев он снова вернулся в Калькутту, остановился там, а мать вынуждена была уехать, поскольку один из ее очень близких родственников был при смерти и она хотела видеть его и быть с ним. Поэтому она сказала Свами: «Я уезжаю. Моего мужа нет дома, он всегда приу.одит поздно, а я не хочу брать ребенка с собой. Человек умирает, может быть, еще есть час или два, и я не хочу, чтобы малыш видел агонию смерти. А один он не уснет, он никогда не спит один. Поэтому будьте так добры, позвольте ему спать с вами «а вашей кровати?»

Свами сказал: «Нет проблем. Он может спать со мной на моей кровати. А когда вы вернетесь, вы сможете забрать его в свою кровать».

Так и договорились. Посреди ночи ребенок разбудил Свами и сказал: «Свамиджи, я хочу петь».

Свами сказал: «Разве время петь посреди ночи? Ты идиот, спи. Не беспокой меня».

Бедный мальчик от страха закрыл глаза, но он хотел петь. Как долго мог он терпеть? Поэтому он снова потряс Свами; тот снова храпел. Он проснулся: «Ну что теперь?»

Мальчик сказал: «То же. Невозможно, я больше не могу держаться; я должен петь».

Он сказал: «Но что подумают люди по соседству... посреди ночи? И что за песня? Я устал, пробыл в пути целый день, разговаривал с людьми и теперь должен слушать твое пение? Ты не можешь подождать? Я могу послушать утром».

Мальчик сказал: «Нет, я не могу ждать».

Свами сказал: «Будь немного более терпеливым. Можно подождать, нет проблем. Пение не такая вещь, ради которой ты не можешь подождать».

Мальчик вынужден был слушать его, потому что он громко кричал. И он был один – отца не было, матери не было. И этот человек говорит, что такое можно контролировать, что можно потерпеть.

Он сказал: «Хорошо, я постараюсь». Он закрыл глаза, но через несколько минут... Свами снова захрапел. Он разбудил его. Он сказал: «Теперь, останавливаете вы меня или нет, нужно петь, прямо здесь, в кровати».

Свами сказал: «Тогда сделай одно дело – просто шепчи мне на ухо, чтобы никто не слышал. Ты, чертенок, просто шепчи мне на ухо».

Мальчик сказал: «Вы на самом деле имеете это в виду?»

Он сказал: «Да, я имею в виду это. Пошепчи и после засыпай и дай спать мне. И чтобы больше не было этих дел с пением посреди ночи – только утром». Так что мальчик пошептал ему на ухо – было поздно что-либо сделать. Только тогда он вспомнил, что означает «петь» и почему мальчик не мог контролировать себя. Он сделал это своими собственными руками. Он изменил реальность на фальшь, на ложное слово. И сам забыл об этом.

Все эти религии дали хорошие названия, красивые названия безобразным реалиям.

Зачем служить бедным, когда бедность может быть уничтожена?

Ни одна религия не говорит: «Уничтожьте бедность». Они в глубоком заговоре со своими неотъемлемыми интересами. Они не предлагают уничтожить бедность. Они не предлагают никаких мер к тому, как уничтожить бедность, остановить ее. Но служат бедным, служат вдовам.

Они не говорят: «Зачем заставляя женщину оставаться вдовой?» Такое простое явление... В Индии мужчине разрешается жениться столько раз,

сколько он хочет. На самом деле, когда жена умирает и ее тело сжигается на погребальном костре, люди уже начинают говорить о женитьбе, как организовать женитьбу этому мужчине. Так мерзко, так негуманно: тело жены еще не сторело полностью... Но, сидя там, вокруг, чем еще заняться? Они должны о чем-то говорить, а эта тема самая горячая. Теперь этому мужчине нужна женщина, и они предлагают, где будет лучше жениться, какая женщина подойдет ему – и чтобы не вдова.

Никто не хочет жениться на вдове. Она использованная женщина. Женщина – это вещь, использованная кем-то другим, – как можно пользоваться ею? Мужчина не используется, он всегда остается свежим, чистым. Он может жениться повторно. В Индии тысячи лет женщина так сильно страдала оттого, что она должна была оставаться вдовой. Миллионы вдов... Они не могут носить никакой другой цвет, кроме белого. Они должны брить свои головы. Они не могут использовать орнамент. Всеми возможными способами им дается понять, что они должны жить жизнью почти мертвеца.

Они не могут пойти в общество, как другие женщины, – особенно это относится к праздникам, – они не могут присутствовать на свадьбах, поскольку само их присутствие, сама их тень – бедствие. И про вдову говорят, что она съела своего мужа. Муж умер из-за ее ненависти. Он бы жил, если бы не женился на ней. Она ответственна за его смерть. Всю жизнь несет она этот груз и вынуждена оставаться во всех отношениях безобразной.

Служите вдовам. В Индии есть институты специально для вдов, поскольку дома они не равны даже слугам – Они делают всю работу, работают целыми днями. Но лишены всякого уважения; без оплаты, без уважения – и постоянное обвинение, что из-за нее умер чей-то сын, чей-то брат... все против этой женщины. И она должна прятаться, как тень. Она не должна появляться, когда приходят гости. Она живет, как приведение.

Поэтому религии открывают институты – в этом видят служение вдовам. Но почему на первом месте вдовы? Простая логика заключается в том, чтобы издать закон, запрещающий мужчине, желающему жениться второй раз, жениться на девственнице, – он должен жениться на вдове, все просто. И проблема исчезает. Вместо того, чтобы способствовать исчезновению проблемы, ей помогают существовать.

То же самое происходит и на Западе, только несколько иным путем, в другом направлении. Медицинская наука там развилась до такой степени, что ученые говорят об отсутствии внутренней необходимости в смерти человеческого тела, по крайней мере, в течение трехсот лет. И это очень осторожная оценка – триста лет. Они говорят, что на протяжении трехсот лет не возникает внутренней необходимости в смерти человеческого тела. В течение трехсот лет каждый может жить полностью... молодым.

Если можно будет жить триста лет, представляете ли вы, какие будут последствия? Только подумайте – Альберт Эйнштейн, живущий триста лет. Какое благословение не удалось ему пролить на человечество! Такой ум! В возрасте двадцати шести лет он был способен представить теорию относительности, преобразовавшую всю науку, ее образ. Только подумайте:

если бы он был способен жить триста лет, благодаря ему все, кажущееся невозможным, было бы возможным. И я привел только один пример.

Если Бертран Рассел мог дать так много за сто лет, то за триста... Такой человек, как Бертран Рассел, не может сидеть и ничего не делать. Даже когда ему было сто лет, он был много моложе ваших так называемых молодых людей – своим видением, своим подходом, своей разумностью, своей ясностью во всем. И если бы этот человек мог жить триста лет, я могу сказать с абсолютной уверенностью, он изменил бы многое из того, что говорил, когда ему было пятьдесят, сорок, тридцать.

Он мог бы обратиться внутрь себя. Он мог бы начать медитировать. Он мог бы проявить себя одним из самых религиозных людей в мире. Он имел к тому все способности и смелость, необходимую для применения этих способностей. Но время коротко. Сто лет для такого человека, как Бертран Рассел, очень мало.

У него такие разносторонние интересы: в образовании – он хочет сделать революцию; в философии – он вызывает к жизни новые концепции; в математике... которая не была его предметом, но он так заинтересовался логикой, что вынужден был погрузиться и в математику, поскольку они близки. Математика – это приложение логики.

Бертран Рассел объединил свои усилия с одним из величайших математиков и философов Америки, Уайтхедом, и вместе они написали книгу «Основания математики». Она намного опередила свое время: она была написана пятьдесят, шестьдесят лет назад, но даже сейчас есть, может быть, лишь дюжина или две людей, которые могут понять, что это такое.

Если бы он жил триста лет, он дал бы нам совершенно новую математику – может быть, более высокую математику, которой интересовались Гурджиев, Успенский и подобные им мистики, высокую математику, имеющую дело не с обыкновенным материальным экспериментом, а с предельными проблемами. А ваша математика, которую вы изучаете в университетах, не может работать с предельными проблемами. Предельные проблемы лежат вне ее. Нужна совершенно новая математика, поскольку, когда вы подходите ближе к предельному, вы обнаруживаете, что все ваши категории, логика, математика, распадаются на части. Существование ведет себя иначе – настолько иначе, что иногда дважды два может быть три, иногда дважды два может быть пять. Одно определено: в предельном дважды два никогда не будет четыре.

Я могу привести вам простой пример. Почему в предельном ядре существования дважды два никогда не будет четыре? Потому что нет двух в точности одинаковых вещей. Два стула не являются в точности одинаковыми. Два других стула тоже не являются в точности одинаковыми. Вы складываете их вместе и называете их четырьмя стульями... а они не одинаковы. Каждый стул отличается от другого. Чтобы быть абсолютно точным, нельзя использовать слово «четыре».

Электроны, протоны, нейтроны – глубоко в предельном своем ядре мир ведет себя совершенно по-другому. Если вы выходите из комнаты, мы знаем, что вы можете выйти, только сделав определенный переход, может быть, шагов десять, и тогда вы окажетесь снаружи. Но на предельном уровне электрон делает прыжок, не проходя промежуточных положений. Он в точке А, затем его обнаруживают в точке В, далеко отстоящей от А, – но он совсем не обнаруживается между этими двумя точками. Он исчезает в А и появляется в В, и нет прохода между этими двумя точками. Как здесь может действовать обыкновенная математика, геометрия, обыкновенные измерения? Здесь нужно что-то совершенно иное.

И мы оказались в состоянии открыть науку благодаря увеличению продолжительности жизни. Может быть, вы не задумывались над этим. Наука возникла только триста лет назад – почему? Почему не раньше? Мы не нашли ни одного скелета человека старше сорока лет из числа тех, кто жил три тысячи лет назад, не говоря уж о более отдаленных временах. Человек в возрасте сорока лет умирал. Должно быть, сорок лет было предельным возрастом, поскольку не найдено ни одного скелета, который показал бы, что человек умер в пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет; сорок лет – предельный возраст.

Так что нет ничего странного в том, что Веды говорят – и индусы думают, что это для них какая-то потрясающая слава, – что люди никогда не стареют. Индусы думают, что во времена Вед наука была, должно быть, так продвинута, что никто не старел. Это неправда. Правда в том, что все умирали до сорока. Как же можно постареть?

Когда человек начал жить дольше и возраст в семьдесят лет стал средним возрастом, – а в западных странах, в некоторых странах, средним возрастом стало восемьдесят, девяносто лет, – тогда развилась наука. Но во времена сорокалетней продолжительности жизни что мог сделать человек? Он просто пытался как-то выжить: сам, его жена, поколение детей – и наступала смерть. Наука, религия, философия или что-либо более высокое требуют большего Бремени, большей роскоши, большего комфорта.

Теперь человек может жить триста лет. И если человек может жить триста лет, то почему не шестьсот? Почему не тысячу? Когда человек начнет жить триста лет, абсолютно точно, что мы найдем пути к тому, чтобы он жил дольше. Тогда он начнет накапливать мудрость. Тогда он сможет разрабатывать сложные проблемы.

Решать проблемы! Не нужно учить людей служению.

В чем проблемы? Взрыв народонаселения – вот проблема.

Все религии учат: «Служите бедным», – но ни одна религия не готова сказать: «Установите контроль над рождаемостью для уменьшения народонаселения».

Я за абсолютный контроль над рождаемостью.

Только немногим людям должно быть позволено рожать детей, и это должно осуществляться путем искусственного осеменения. Поскольку зачем нужно... Так бывает, что вы влюбляетесь в девушку, девушка влюбляется в вас, но вы можете оказаться неподходящими людьми, чтобы стать родителями, дать жизнь ребенку. Так может случиться, поскольку любовь не принимает в расчет вашу внутреннюю химическую структуру.

Вы не идете к химику, чтобы решить вопрос: «Я влюбился в девушку; соответствуют ли друг другу наши внутренние химические структуры? « Если вы куда-то и идете, то к идиоту-астрологу, хироманту... слепой, ведомый слепым. Это вопрос биохимии, не имеющий ничего общего с хиромантией, не имеющий ничего общего с астрологией. Но человеческому это необходимо чувствовать, что звезды интересуются вами. Только подумайте о глупости самой идеи: миллионы звезд занимаются вами, влияют на вас, их комбинации влияют на вас.

Это повергает меня в печаль о человеке. Что за человечество выросло на земле?

Но все эти религии против контроля над рождаемостью, а без этого контроля теперь нельзя.

Я поддерживаю абсолютный контроль над рождаемостью, запомните, не просто контроль; ведь просто контроль над рождаемостью – если не религиями, то правительствами – вынудит людей принять тот факт, что они должны иметь только двух или трех детей. Нет, этого недостаточно. Даже двух, трех детей недостаточно. Абсолютный контроль над рождаемостью заключается в том, что никому не разрешается рожать детей; всякий, заинтересованный в ребенке, может пойти, сдать свое семя в научную лабораторию, и лаборатория должна решить, какая из женщин будет матерью его ребенка.

Необязательно это будет ваша жена, здесь нет связи. Вы любите свою жену, ваша жена любит вас, но это не означает, что нужно отягощать землю искалеченным, глупым ребенком. У вас нет такой власти. Существование не дает вам на то своего разрешения. Почему вы принимаете на себя такую безответственную ношу, на себя и на все человечество? Вы даете жизнь ребенку, являющемуся калекой, или слепым, или больным умственно, а он даст жизнь другим детям.

Вот почему идиоты составляют большинство в мире.

Так и должно быть, ведь правильную комбинацию можно найти только в научной лаборатории. Вы не можете... вы не знаете, что несете в своих генах; вы не знаете своего потенциала, что за ребенка вы собираетесь родить. Вы любите женщину, это само по себе не несет вреда. Любовь должна быть доступна вам абсолютно, это ваше право, данное вам от рождения. Вы любите женщину; но обязательно каждая женщина должна быть матерью. Обязательно каждый мужчина должен быть отцом. Вскоре не будет необходимости и в матери. Ребенок может вырасти и в самой научной лаборатории.

Вы хотите ребенка, и, если вы действительно любите ребенка, вы хотели бы, чтобы он получился наилучшим. Поэтому вас не должно касаться то, кто дает семя, кто дает материнскую утробу. Вас касается только то, что вы получаете наилучшего возможного ребенка. Поэтому я – за искусственное осеменение и выращивание малышей в пробирках. И кроме того, я предлагаю эвтаназию (безболезненный добровольный уход из жизни). Когда

устанавливается преграда рождению, контроль над рождаемостью, позвольте предложить еще одно условие: контроль над смертью.

После определенного возраста – например, если вы принимаете в качестве среднего семьдесят лет, или восемьдесят, или девяносто, – человек должен иметь возможность свободно обратиться в медицинское учреждение: «Я хочу освободиться от своего тела». Если он не хочет больше жить, он имеет все права на это, ведь он пожил уже достаточно. Он сделал все, что хотел сделать. И теперь он не хочет умирать от рака или туберкулеза; он хочет просто безболезненной смерти.

Каждая больница должна иметь специальное место для таких людей, со специальным штатом, куда люди могут приходиться и получать помощь в безболезненной красивой смерти, без заболеваний, при поддержке медицинского персонала.

Если медицинское учреждение понимает, что человек представляет ценность для человечества – например, кто-то, подобный Эйнштейну или Бертрану Расселу, – если медицинское учреждение понимает, что человек имеет огромную важность, то его могут попросить пожить немного еще. Лишь немногих нужно просить пожить немного еще, поскольку они могут так много сделать для человечества, так много помочь другим. Но если такие люди все-таки не захотят жить, то это их природное право. Вы можете молить, просить, требовать. Если они согласятся, хорошо. Но если они скажут: «Нет, мы больше не заинтересованы», – тогда, конечно, у них есть все права умереть.

Почему нужно заставлять человека жить, когда он жить не хочет? И вы делаете из этого преступление. Вы заставляете человека волноваться без необходимости. Он не хочет жить, но он вынужден жить, потому что самоубийство – это преступление. Он должен принять яд или броситься в море со скалы. Это плохая ситуация. И странно... если он умирает, хорошо; если будет схвачен, то будет приговорен к смерти. Великое общество! Великие умы, создающие законы! Он будет приговорен к смерти за покушение на самоубийство.

Все эти проблемы могут быть разрешены. Поэтому нет нужды во всех этих служителях обществу, миссионерах и им подобных. Просто нужно внести больше разума в эти проблемы и пути их решения.

Поэтому я учу себялюбия.

Я хочу, чтобы вы были прежде всего своим собственным цветением. Да, это будет проявляться, как себялюбие; у меня нет возражения против такого проявления себялюбия. По-моему, это хорошо.

Но является ли себялюбивой роза, когда она цветет? Является ли себялюбивым цветущий лотос? Является ли себялюбивым сияющее солнце? Почему же вы должны волноваться по поводу себялюбия?

Вы родились. Рождение – единственная возможность, только начало, не цель. Вы должны цвести. Не тратьте себя понапрасну на всякого рода глупое служение.

Ваша первая и главная ответственность – цвести, стать полностью сознательными, осознающими, бдительными; и в этой сознательности вы сможете увидеть, чем вы можете делиться, как вы можете решать проблемы.

Девяносто девять процентов мировых проблем могут быть разрешены. Возможно, один процент разрешен быть не может. Тогда вы можете делиться с обездоленными людьми всем, чем можете, – но прежде всего вы должны иметь, чем делиться.

Все эти религии до сих пор не помогли человечеству в решении ни одной проблемы.

Только прислушайтесь к тому, что я говорю: решили ли они хоть одну проблему? А ведь они занимаются этим бизнесом со служением тысячи лет.

Бедные еще бедны, и их число продолжает возрастать. Есть больные, есть старые, есть всевозможные болезни, есть всевозможные преступления – и они продолжают возрастать. Каждый год число преступлений в мире становится больше, чем в год предыдущий. Странно... увеличивается число тюрем, увеличивается число судов – они думают остановить преступность, а вместе с тем преступность продолжает расти-

Здесь что-то принципиально не так. То, что они делают, не связано с самой проблемой. Человек, совершающий преступление, не преступник, он больной. Не надо его бросать в тюрьму и мучить, его нужно поместить в психиатрическую больницу и лечить там, медицинскими средствами, уважительно. Это не его вина.

Вы должны знать, что было время, когда на сумасшедших смотрели, как на преступников, их бросали в тюрьмы и били там. Лишь несколько сотен лет назад выяснилось, что эти люди не преступники, они страдают от определенных болезней. Побоями нельзя выбить болезнь. От этого можно стать только идиотом. Им нужно лечение, а вы лечите их неправильно. И то же относится ко всем преступникам, поскольку я не видел ни одного преступника, родившегося преступником.

Преступником его делает то, как он воспитывается, преступником его делает общество, в котором он воспитывается. И когда его ум становится преступным, нужно менять весь его ум целиком. Бесполезно связывать его, бросать в тюрьму, морить голодом, бить его – это ничего не даст. Это просто закрепит в нем его наклонности, так что когда он выйдет, то будет законченным преступником, образованным преступником.

Ваши тюрьмы, места заключения – это университеты для преступников, где они получают образование. Поэтому, когда человек отправляется в тюрьму, он выходит из нее, обучившись многому у старых преступников, бывших с ним вместе. И все, чему он выучивается, заключается в том, что совершить преступление – это еще не преступление, преступление – это попасться. Поэтому он изучает способы того, как не попадаться. Нужно менять само направление его ума, движущее его к преступлению. И это можно сделать. Очень сильно может помочь биохимия, очень сильно может помочь медицина, очень сильно может помочь психиатрия. Теперь у нас есть все возможности сделать такого человека достойным человеческим существом.

Служения не нужно, единственное, что нужно, – это делиться своей сознательностью, своими знаниями, своим существом, своим уважением, – но сначала это надо иметь.

Для меня величайшей проблемой человечества является то, что оно ничего не знает о медитации.

Для меня это величайшая проблема. Ни народонаселение, ни атомная бомба, ни голод... нет, это не основные проблемы; они легко могут быть разрешены наукой.

Единственной основной проблемой, которую не может решить наука, является то, что человек не знает, как медитировать.

Своим людям я говорю: сначала будьте себялюбивыми, предельно себялюбивыми – цветите. Расцветите и благоухайте, а потом распространяйте это благоухание. Потом делитесь им с этими несчастными людьми, которые имели те же возможности, что и вы, но которым жизнь не дала шанса пойти внутрь, ощутить вкус своей собственной божественности.

Я против всех религий, потому что, по-моему, то, что они делают, абсолютно бесполезно. Но они сделают», сопровождая это прекрасными словами, прячут вещи в прекрасных словах.

Например, Иисус на кресте говорит Богу... и христиане на протяжении столетий цитировали его слова, как самое значительное высказывание; и оно кажется таким, но только кажется. Не обманывайтесь кажущимся, кажущееся – не реальность. Иисус на кресте говорит Богу в своей последней молитве: «Авва, – это арамейское слово, обозначающее отца, – Авва, прости этих людей, ибо они не ведают, что творят».

Такое прекрасное высказывание, такое всепрощение... его распинают, а он просит Бога простить тех, кто его распинает. Но я глубоко разбирался в жизни Иисуса и в его высказываниях. Он не тот человек, который прощает. Он не мог простить даже фиговому дереву за то, что был не тот сезон. Он проклинал его, потому что он и его последователи были голодны, а дерево стояло без плодов – как будто дерево было враждебно по отношению к нему. Он проклинал его. А то был не сезон для фиг! И даже если бы был сезон, а фиг не было, что может сделать дерево? И какую ответственность может

нести дерево за их пропитание? И это тот человек, о котором думают, что он творит чудеса, превращает камни в хлеб, а воду в вино.

Зачем это нужно? Такой человек, если все эти чудеса – правда, мог бы просто приказать дереву в любое время года:

«Наполнись фигами, спелыми фигами», – на самом деле, не нужнее и дерева; фигами могли бы стать и камни. Но все эти чудеса фиктивны. Этот случай показывает, что все его утверждения фиктивны.

Зачем ему нужно было ходить попрошайничать в город, если он мог обращать камни в хлеб? И если этот человек был способен обращать камни в хлеб, то вообще почему в Иудее оставалась бедность? Я говорю только об Иудее – на самом деле я должен спросить, а почему во всем мире? Превратите целые Гималаи и Альпы в большие хлеба... Если этот человек имеет такие способности, то почему все время обращать в хлеб маленькие камушки? Превратите тогда в хлеб эти горы – люди смогут отрезать, уносить с собой и быть всегда сытыми. И почему обращать в вино небольшие количества воды? Почему не превратить в вино целый океан? Когда вы знаете секрет, когда вы знаете чудо, тогда превратите в вино целые океаны, и пусть люди пьют.

Если чудеса Иисуса – правда, то не должно быть никакой бедности, – но они все ложны.

Иисус говорит: «Те, кто не следует за мной, попадут в седьмой ад навечно. И их будут мучить всеми способами». Этот человек не знает прощения'. И если он не может простить вас только потому, что вы не следуете за ним, то как он может простить тех, кто распинает его? Простая логика – ничего больше не нужно... Кто вы такой, чтобы бросать кого-то в седьмой ад из-за того, что он не следует за вами? Вы не можете простить простое – что за вами не следуют, а просите Бога простить всех тех людей, которые распинают вас? Нет, здесь говорится не о прощении, но о чем-то другом.

Даже на кресте он хочет показать евреям: «Посмотрите, я – мессия, а вы все невежды». Он просит Бога: «Прости этих невежественных людей. Они не ведают, что творят». Здесь подчеркивается не прощение, поскольку этот человек не прощает, – вся его жизнь против этого. Эти слова для того, чтобы показать, что эти люди невежественны.

В последний момент он также настаивает: «Я знающий, я тот, кто знает; а вы, вы невежды. Ноя попрошу Бога простить вас». Он все еще пытается быть мессией, потому что так говорится в священных книгах: мессия будет распят и на кресте будет молить Бога: «Прости этих людей, они не ведают, что творят». Он упрямый, совсем как кремень. Даже распятие не меняет ничего: он мессия. И его последние слова объявляют всех остальных невежественными.

Можно использовать красивые слова, красивые фразы, чтобы прятать безобразную правду. Я совершенно не хочу заниматься подобным делом.

Я учу вас быть естественными, я учу вас воспринимать свою естественность.

Я знаю точно одно: когда вы расцветете, вы начнете делиться этим. Избежать этого нельзя.

Когда раскрывается цветок, невозможно удержать его аромат и бросить его в темницу. Аромат сбежит. Он распространится во всех направлениях.

Итак, прежде всего, будьте исполненными, будьте удовлетворенными. Прежде всего, будьте. Тогда из вашего существа будет исходить аромат, который достигнет многих. И это не будет служением, это будет сущая радость деления. И нет ничего более радостного, чем делиться своей радостью.

Беседа 12
ЖИВИТЕ СЕЙЧАС –МОЛИТЬСЯ БУДЕТЕ ПОТОМ
10 ноября 1984 года
Бхагаеан,

Евреи, христиане, индусы, джайны, мусульмане надеются на будущую жизнь, но я не вижу такой же надежды среди людей, окружающих Вас. Почему это так?

Есть три способа жить. Только один из них является подлинным; два остальные ложны.

Прежде всего, позвольте мне объяснить вам ложные способы, тогда проще будет понять правильный способ. Этими двумя ложными путями жили и живут большинство людей:

первый лежит во вчера, в прошлом; второй лежит в завтра, в будущем. Оба они — это на самом деле способы обманывать себя.

Вчера больше нет, а завтра еще не наступило.

Прошлым нельзя жить. Да, только в воображении, но не истинно. Оно мертво. Невозможно снова оживить его. Нельзя двигаться назад во времени. То, что ушло, ушло навсегда.

Но миллионы людей, девяносто девять и девять десятых процента людей выбрали способ жить или во вчера, или в завтра.

Завтра нет, и его никогда не будет. Оно никогда не наступает, по самой своей природе. Оно всегда приближается, приближается, приближается... но никогда не приходит. Это всего лишь надежда, которая не собирается исполняться.

Но надежда — самый древний психологический наркотик.

Сначала давайте посмотрим в прошлое, ведь оно, по крайней мере, было. Оно не может настать вновь, но оно было, у индусов наиболее продуманная философия о жизни в прошлом, ведь это самая философская религия из всех религий.

Индусы разделили время на четыре эпохи. Первая называется сатья юга, эпоха истины. Она была в самом начале времени. О ней нет никаких исторических записей, о ней нет никаких других свидетельств; на самом деле все, что существует, свидетельствует против нее. Поскольку такой человек, как Кришна, которому индусы поклоняются, как потомку Бога во всех его аспектах, во всей его целостности, даже такой человек не является человеком истины. Он лжет.

Он политик. Он очень легко изменяется. Он обещает — и нарушает обещание. И это их идея Бога во всем его превосходстве! Лгать для Кришны так просто... даже ваши политики третьего сорта — конечно, они все третьего сорта; я не должен был даже говорить о третьем сорте, поскольку другого сорта политиков нет, — даже они стыдятся лжи. И когда их схватят, они чувствуют, что поступали нехорошо. Но с Кришной не так, он совершенный политик. Он не является совершенным Богом, но является совершенным политиком. Лгать — его бизнес, жульничать — вся его игра. И эту эпоху индусы называют эпохой истины!

И если такова ситуация с их величайшим человеком, то что говорить об обыкновенных людях? Никогда не было такого времени, как эпоха истины, когда все были подлинными, честными, истинными по отношению к себе и к существованию. Но индуизм — очень старая религия, поэтому вы должны понять это психологическое явление. Ребенок не имеет прошлого, у него есть только будущее. Старик не имеет будущего, но только прошлое.

Поэтому все старые религии ориентированы на прошлое. Они, естественно, живут своим вчера.

Новые религии живут в будущем, позади себя они не имеют прошлого.

Они должны представлять себе будущее — Самая последняя религия, коммунизм... Запомните, я причисляю коммунизм ко всем остальным религиям, поскольку он соответствует всем критериям религии. Он требует от вас веры в догму. Он требует от вас веры в триицу Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Ленин. Он говорит, что вы должны верить в абсолютную истину Капитала, книги, написанной Карлом Марксом. Сомнения не допускаются. Спорить невозможно. С Марксом эта религия пришла к своему завершению. Теперь ничего нельзя больше добавить.

Но так обстоят дела со всеми новыми религиями. Исламу только четырнадцать столетий; сикхизму — пятьсот лет; христианству — две тысячи. Для индийского ума две тысячи лет ничего не значат. Индуизму, по крайней

мере, десять тысяч лет. Это очень догматическая, научная позиция. Индусы сами называют свою религию Санатан Дхарма, что означает вечную религию – она не связана со временем, она была всегда. Срок ее нельзя сосчитать ни в годах, ни в световых годах.

Вы удивитесь, когда узнаете, что «Индуизм» – это не имя, данное самими индусами. Они называют свою религию Санатан Дхарма, вечная религия. «Индуизм» – это имя, данное врагами индусов. Но так случается много раз, что вы становитесь известными под именем, данным вам врагами, и постепенно принимаете его. Это имя было дано людьми, пришедшими завоевывать Индию почти три тысячи лет назад. Граница проходила по одной из красивейших и величайших рек мира – Синдху. Первыми завоевателями были хуны, весьма варварское племя, насильственное, почти каннибалы. Я говорю «почти», потому что некоторые из них все еще поедали других человеческих существ.

Когда хуны три тысячи лет назад завоевывали Индию, в их алфавите не было слова, не было буквы, эквивалентной «с». Ближайшей была «х». Поэтому реку Синдху они называли Хинду. В их алфавите «с» никак нельзя было сказать. Поэтому было использовано ближайшее слово. «Синдху» стало «Хинду». Поэтому люди, жившие за рекой Хинду, стали называться хиндусами.

С тех времен происходят все слова, связанные с Индией. Когда пришли греки, они не имели эквивалента для «х»;

ближайшим было «и». Поэтому они «Синдху» называли «Инду», что позднее стало «Индус». А от «Индус» происходит *Ин-дия». Странно, что все эти слова происходят от реки Синдху. Теперь весь Запад знает эту страну, как Индию, под именем, данным западными людьми, или как «Хинду», под именем, данным хунами и мусульманами. Никто не называет ее Арьяварда – это название, которое применяется людьми, живущими в этой стране, что означает «страна ариев». А их религия называлась Санатан. Дхарма.

Этой религии точно больше десяти тысяч лет. Но нет доказательства, что когда бы то ни было был век истины, это воображение. Это старый человек, старая страна, старая религия. Она не может представить себе будущего, в будущем только смерть. Будущее темно, прославлять можно только прошлое. Поэтому первый век, наилучший, золотой век, – это сатья юга, век истины.

Вы удивитесь... Чарльз Дарвин не был знаком с этой идеей. Когда он начал работать над теорией эволюции, ему бы очень помогло, если бы он осознавал индусскую концепцию инволюции (закручивания в спираль), а не эволюции (раскручивания по спирали) – падения человека, а не его роста. Нет эволюции, поскольку эволюция означает будущее. Какая может быть эволюция для умирающего, для старика? Конечно, для ребенка эволюция есть, но для старика все съезживается, погружается во тьму. Поэтому задолго до того, как в мир мысли вошло слово эволюция, индусы уже создали другое слово – как раз противоположное ему – очень значительное слово «инволюция». Каждый день все нисходит вниз.

Вторую ступень они называют трета юга. Трета означает просто третий. Это потому, что то, что я назвал первой ступенью, сатья югой, они называют четвертой ступенью – наивысшей. Это потому, что если вы назовете ее первой, то вторая будет эволюцией, третья будет эволюцией, четвертая будет эволюцией. Индусы имеют самый философски настроенный ум. Они называли первую, самую раннюю, четвертой;

вторую – третьей; третью – второй; четвертую – первой, самой низшей.

Сатья юга – наилучший, золотой век, когда все было так, как оно должно быть, ничего нельзя улучшить. Нет преступлений, нет безнравственности, нет смерти, нет болезней, нет нищеты. Нет ничего, что называют плохим. Его также называют четвертым из-за абсолютной уравновешенности, он как стол на четырех ножках. Он полностью уравновешен, с него нельзя упасть. Люди не закрывают дверей. У них нет замков, потому что никто не ворует, – вот что они представляют себе об этом веке. Но это неправда.

Но если вы задеваете чье-то воображение, представление, которым он живет, которое дает ему единственную радость, он начинает гневаться. Когда я говорил им, что замков не было потому, что для замков требуется развитие определенного уровня технологии, а такой технологии для

изготовления замков не было... и, кроме того, люди были настолько бедны, что у них нечего было красть.

Мы знаем, что даже жена Рамы украдена, Рамы, который по индуским представлениям является еще одним воплощением Бога. Так что если даже жена воплощения Бога украдена, то что говорить о женах других людей? И мы знаем о Кришне, который украл у других людей шестнадцать тысяч жен. Они были женами, матерями. Они были оторваны от своих мужей и детей насильственно. И вы называете это сатъя югой?

Мы знаем – я говорил вам, – Парашумара убил свою собственную мать, а вы говорите, не было преступлений? И Парашумара был одним из воплощений Бога. И не только то, что он убил свою мать, его отец приказал сделать это. Отец был, должно быть, обыкновенным, посредственным мужем, испытывавшим постоянные подозрения. Возможно, он постарел и стал бессильным, а его жена была молодой и красивой, и он подозревал ее. А для подозрения были все основания, поскольку сами священные ! нти индусов описывают то, что даже боги – и помните, у индусов не один лишь Бог, но тридцать три миллиона богов – интересовались земными женщинами, поскольку они уставали от искусственной красоты.

На небесах красота искусственная. Девушки там никогда не стареют. Они не потеют. Они остаются всегда одними и теми же. И они чрезвычайно красивы, но что-то нечеловеческое есть в них. Можно иметь искусственную девушку, абсолютно прекрасную. Можно даже так организовать, что она будет дышать. Можно сделать так, что она будет улыбаться, говорить «привет» – по крайней мере, пока не сели батарейки, – она будет целовать вас, говорить: «Я люблю тебя*». Все может быть записано. Вот так оно и есть, записано. На протяжении семидесяти лет работает батарейка, только это. Но мы можем делать батарейки даже еще лучше, батарейки, которые могут работать сто, двести лет. Только разок вам может потребоваться сходить в мастерскую, заменить батарейку или что-нибудь другое.

Эти девушки на небесах искусственные. Поэтому, естественно, люди могут заскучать. Может быть, вы не думали об этом, от красоты тоже можно заскучать. Как долго можно смотреть на красивое лицо? А те боги живут с такими девушками вечно... одни и те же лица. Они должны предельно устать от них. Если что-то определенное и можно сказать о небесах, то это то, что там скучно, бесконечно скучно.

И это относится не только к одной, но ко всем религиям. Я буду говорить о каждой. Их небеса обязаны быть скучными. Для того, чтобы не давать вам скучать, сохранять вас взволнованными, живыми, нужны изменения. Там же ничего не меняется. Все постоянно. Поэтому боги переодевались и отправлялись на землю насилловать женщин. Конечно, они же боги. Похоже на то, что все боги всех религий – насильники. И если их можно поймать, то они должны быть наказаны, или их нужно исправить.

Поэтому в индуских пуранах – это их древние истории – боги являлись на землю, а там риши, мудрецы, имели, конечно, львиную долю всего. Чем более великим был мудрец, тем более прекрасную женщину он мог получить. Индусские мудрецы прошлого не были холостяками. Они не были католиками, они не были джайнами, они не были буддистами. Эта идея оставаться холостяком, хранить безбрачие – совершенно новое изобретение. Индусские мудрецы – они были очень, очень далеки от этой идеи. Эта идея еще не зародилась тогда. И если кто-то был мудрецом, мудрым, знающим, уважаемым человеком, то, естественно, он получал все лучшее, самую прекрасную женщину. Им предлагали своих дочерей даже цари. Отец Парашурамы был великим мудрецом, он мог обладать самой красивой женщиной. И он ревновал, подозревал ее. А боги приходили, переодевшись, – боги могут творить любые чудеса.

Как раз на днях я получил разгневанное письмо от одной христианки, в котором говорится: «Понимаете ли вы, что вы здесь – в христианской стране и говорите такие опасные вещи о том, что "Дух Святой был насильником", а Дух Святой – это часть Бога, и вы делаете Бога насильником. Не было изнасилование Девы Марии, было чудо», – так писала она. Да, обмануть эту бедную девушку было чудом. Это должно было быть чудом. Возможно, Дух

Святой предстал перед Марией в образе Иосифа, и она подумала: «Это мой муж».

Вот так поступали и индусские боги. Они приходят, когда мудреца нет дома, ведь мудрец должен рано утром, в три часа, идти к Гангу осуществлять омовение и творить долгую молитву и ритуал и все такое, и все это до восхода солнца. Поэтому в три часа он идет к Гангу, и в три часа, переодевшись ее мужем, приходит бог. И бедная женщина не может даже сказать: «Нет». Она не может сказать: «У меня сегодня болит голова». В индуизме это не допускается. Индусская женщина должна поклоняться своему мужу, как богу. Его приказ – это приказ, он должен быть исполнен – нет вопроса о неподчинении.

Поэтому отец Парашурамы, должно быть, подозревал жену и мог иметь для этого все основания. Он сказал Парашураме: «Пойди и отруби своей матери голову. Принеси мне голову своей матери». И Парашурама пошел и отрубил своей матери голову! Подчинение отцу... Так начинается история его насилия.

Его отец приказал ему: «Сотри всю расу воинов с лица земли», – поскольку был конфликт между браминами и воинами, между браминами и кшатриями, постоянно действующий конфликт: кто должен быть наверху – интеллектуал, ученый, брамин, мудрый человек, мудрец или политик, солдат, генерал – кто? Этот конфликт все еще продолжается. Он должен был быть и тогда...

Парашураме приказали уничтожить всех воинов раз и навсегда. Говорят – эта история, конечно, преувеличение, но чтобы было, что преувеличивать, под этим должна иметься некоторая реальность, – говорят, что тридцать шесть раз стирал он с лица земли всех воинов. Однако было одно затруднение, заключавшееся в том, что его отец не сказал ему уничтожить женщин воинов. Женщины-то оставались. А индуизм разрешает женщине пойти к мудрецу и попросить сделать ее беременной от него, и мудрец не может отказать. Это его религиозный долг.

Поэтому все эти женщины отправлялись к мудрецам. А Индия полна мудрецов – в те времена их было еще больше. Поэтому женщины снова беременели, и снова появлялись воины – и так тридцать шесть раз. Со временем Парашурама стал старым и больше не мог убивать, он совершил столько насилия, сколько только может совершить один человек. И теперь эти люди говорят: «Не было насилия», – а их собственные книги не описывают ничего, кроме насилия.

В Махабхарате, это описание величайшей индийской войны – это смысл слова махабхарата... Эта война, должно быть, произошла где-то пять или семь тысяч лет назад или, может быть, десять тысяч лет назад. Она, определенно, имела место, есть свидетельства, и она навсегда сломала становой хребет страны. Это была, точно, великая мировая война. Почти все известные нации участвовали в ней.

Так или иначе, это была семейная война: за царство сражались двоюродные братья. Они были братьями, и все их родственники вынуждены были разделиться: некоторые родственники на одной стороне, некоторые – на другой, и все они находились в родственных отношениях друг с другом. И они были такими важными людьми, что все остальные более малые нации участвовали в войне или на той, или на другой стороне.

Были убиты миллионы людей. Представляется, по описанию в махабхарате, что они уже знали что-то подобное ядерному оружию, такими обширными, такими огромными были разрушения. Когда война была окончена и одна из сторон, Пандавы, победила, они увидели, что побеждать не имело смысла, ведь теперь некем было править. Были только трупы и трупы по всей стране.

Они настолько разочаровались, что отреклись от мира и отправились в Гималаи. Эта победа не стоила того. Что это была за победа? Они потеряли всех своих людей, как на противоположной стороне – там были их друзья, родственники, – так и на своей стороне – тоже их родственники и друзья, родственники и друзья противоположной стороны. Они уничтожили их всех. Да, они одержали верх, но над кем? Над этими трупами. Так будет, если случится третья мировая война.

Тот, кто победит, будет рыдать и плакать. Тот, кто умрет, скончается, проиграет войну, может быть, будет в лучшем положении. По крайней мере, он не будет видеть мерзости победы.

Вы победили, но нет никого, чтобы даже поаплодировать вашей победе. И тогда Пандавы поняли: «Это было абсолютно бессмысленно, мы не должны были сражаться. Мы должны были отдать царство противоположной стороне; по крайней мере, люди были бы живы. А теперь мы отправляемся в Гималаи. Мы могли бы уйти раньше; теперь мы погружаемся в глубочайшее разочарование, предельное отчаяние и муку. А тогда мы могли бы радоваться».

И это неправда, что в те времена не было насилия, не было войн, не было воровства. Это неправда. Но индусы смотрят на сатья югу, как на золотой век. А потом началось падение. Трета юга имеет только три ножки. Сатья юга имела четыре, она была как стол с четырьмя ножками. Теперь это треножник с тремя ножками, он не так уравновешен. Он может легко перевернуться, он искалечен. Одна существенная часть человечества потеряна.

Если вы хотите понять это психологически, то индусская психология объяснит это. В век сатья юги было собрание бессознательного ума, подсознательного ума, сознательного ума а сверхсознательного ума, и у власти был ум сверхсознательный. Все три ума низших уровней следовали за ним. Это были четыре ножки.

В словах трети юга слово трета означает три. Стало три ума – сверхсознательный ум, лучшая часть человека, исчез. Теперь остались сознательный, подсознательный и бессознательный. Пока еще хорошо... но не так хорошо. До этого времени они были божественными; теперь они стали человеческими, но хорошими, достаточно хорошими.

Однако затем начали происходить некоторые нехорошие вещи. Индусы полагают, что именно в трета югу возникли такие религии, как джайнизм, буддизм, поскольку по их представлениям эти религии являются очень разрушительными. Они разрушали веру в Бога; они разрушали самую основу, они разрушали веру в Веды, как творение Бога. Они начали смеяться и шутить над Ведами, критиковать их, начали требовать доказательств. Они начали сомневаться. Сомнение вошло в человечество, вера исчезла.

А сомнение для того, кто верит, – одна из величайших болезней; она разрушает его верование.

Поэтому индусы называют джайнов и буддистов «атеистами». Они не воспринимаются, как теисты или религиозные люди, нет; они – причина разрушения религии. Но все еще, хотя они и отвергали Бога, отвергали Веды, они очень высоко ценили качества истины, ненасилия, неворовства, несобственности – Так что дела пошли вниз, но все еще было что-то ценное.

Затем этот век тоже прошел. Человек пал еще ниже. Наступает двапара юга. Двапара означает два, второй. Слово имеет тот же корень, что и английское *two*. Английский язык имеет почти тридцать процентов корней из санскрита. Это язык, произошедший от санскрита, как и немецкий, шведский, французский, итальянский, русский. Все европейские языки имеют от тридцати до семидесяти процентов санскритских корней.

В век двапара юги осталось только две ножки. Человек стал по-настоящему больным. Теперь стол потерял две ножки и остался только на двух ногах, можно ли уравновесить его? Добиться равновесия стало почти невозможно. В век двапара юги человек живет подсознательно. Сознательный ум исчез; теперь человек живет инстинктивно. Он не знает, почему он делает то или другое, почему в нем возникает то или иное желание, почему то или иное делает его счастливым или несчастным, – он идет ощупью в темноте. Но тьма еще не такая густая; еще есть маленький свет, откуда подсознание... может быть, свеча во тьме ночи.

Но большая часть покрыта тьмой. Есть лишь маленький свет, который вы называете вашим разумом, рациональностью, – но это лишь маленький свет, который может исчезнуть в секунду; лишь подует ветер – и его нет. Кто-то ударит вас, а нет вашего разума, и вы ведете себя, совершенно как животное. Кто-то наступит вам на ногу... и этого достаточно, ваш разум

исчез, и вы хватаете этого человека за горло, чтобы убить его. Ваш разум – мерцающий свет, он на милости любого случая; он может исчезнуть.

Затем наступает последний век, кали юга – век тьмы, в котором мы живем сейчас. Согласно индусам, это самая падшая ступень. Человек абсолютно бессознателен, пьян, душевно болен. Будущего нет; будет только темнее и темнее. Все лучшее прошло.

Поэтому старые религии смотрят в сторону вчера. Этого вчера на самом деле не было, оно никогда не случилось. Они своим человеческим умом представляют себе это вчера, как на экране, поскольку человеческий ум не может жить, если он не чувствует что-то прекрасное, восторженное, блаженное. Как он может жить? Он так пуст и находит, что легко наполнить эту пустоту долгим прекрасным прошлым.

Это относится к странам, имеющим долгую историю, и к старым религиям. У джайнов тот же статус: прошлое. Будущее не дает надежды – в этом мире. Будущее дает им надежду в другом мире, после жизни, на небесах и в раю, но не здесь. Здесь все кончено. По этой причине такие страны, как Индия и Китай, старейшие цивилизации в мире, величайшие цивилизации в мире, древнейшие культурные цивилизации в мире, остались в страдании – ведь они приняли идею о том, что ничего хорошего не может быть здесь, только после смерти.

Поэтому прошлое... цепляясь за прошлое... вот сокровище. Сфокусируйте свой взгляд на прошлом и готовьтесь к будущему в другой жизни – не в этой жизни; эта жизнь не дает надежды.

Для новых религий нет прошлого, в котором можно расправить крылья воображения и мечты. У них есть только будущее, и это будущее в другом мире. Или религия, вроде коммунизма, имеет его здесь, но не сегодня – когда-нибудь завтра, которое всегда маячит на горизонте. Но чем ближе вы подходите к нему, тем дальше оно отходит.

В 1917 году Ленин был абсолютно уверен, что в пределах десяти лет мы достигнем утопии. Прошло более шестидесяти лет; утопия дальше, чем была в 1917 году. Теперь никто не говорит об утопии. Ни один коммунистический лидер в России не говорит о ней, потому что они знают, что она не случится. Это была только надежда, которой отравляли людей, как наркотиком.

Поэтому я называю надежду древнейшим наркотиком, намного более опасным, чем ЛСД, марихуана или что-нибудь еще, что собирается открыть наука, – надежда на будущее.

А будущее вне жизни, невозможно установить, случится оно или нет. Люди умирают все время; никто не дает никаких сигналов с того берега, никаких указаний о том, что то, на что вы надеялись, здесь есть. Хотя бы один человек из миллионов и миллионов людей... а такие прекрасные люди умерли: Будда, Иисус, Мухаммед, Кришна. Неужели они не могут как-то попытаться дать хоть какой-нибудь сигнал? А теперь умерли многие ученые: Эйнштейн... люди потрясающего разума. Они могли бы найти какой-нибудь способ подать нам сигнал, дать нам указание: «Смелее. Мы добрались надежно». По крайней мере, такой телеграммы было бы достаточно.

Но за миллионы лет не пришло ни одного указания с того берега.

Для священника очень удобно, что с того берега нет сигналов, иначе немедленно возникли бы неприятности. Он может продолжать эксплуатировать вас, ведь ничего нельзя сказать о том, что будет после смерти. Поэтому то, что он скажет, основываясь на авторитете других священников, других старых священных книг, будет единственным; вы вынуждены верить этому. И вы вынуждены верить, поскольку в противном случае вы будете чувствовать себя лишенными основания, лишенными корней.

Тогда есть только смерть. Жизни вы не узнали, а смерть с каждым мгновением подходит все ближе. Никто не знает, будет ли он жить завтра или нет. Смерть может случиться в тот день или в другой, она может случиться завтра, со мной, с вами, с кем-нибудь еще... миллионы людей умирают каждый день. Перед смертью они не думают, что умирают. Вы представляете себе будущее, иначе ваша жизнь так тупа, так скучна, так пуста. Ни один цветок не расцветает в вас – нет плодов. Вот причина того,

почему все религии продолжают давать надежду, а все так называемые религиозные люди живут на надежде.

Надежда — это опиум... но весьма психологический.

Это естественно, что в моей коммуне вы не найдете никого, кто заботился бы о будущем, заботился бы о том, что случится после смерти, ведь так много случается прямо сейчас... кто беспокоится о смерти!

Так много радости, и так много покоя, и так много тишины доступно прямо сейчас, у кого же есть время думать о завтра? Завтра позаботится само о себе.

Мы так заняты, живя здесь и сейчас, поэтому вы не увидите моих людей, разговаривающих о прошлом или о будущем.

Они не беспокоятся о прошлом. Если бы его не было, для нас от этого никакого вреда. Если всех этих людей вовсе не было... если все эти исторические книги — просто изобретение и вымысел, ну и что?

Если не было прошлого, не было вчера, ну и что? Это ничего не отнимет у нас; мы не живем этим, мы никак не укоренены в этом, мы свободны от этого. Если все это исчезает — в добрый путь, всего хорошего. Это не имеет для нас смысла.

И почему мы должны беспокоиться о будущем?

Если вы знаете искусство жить... и это то, что я называю религией — настоящей, подлинной религией — искусство жить.

Если вы знаете искусство жить... а оно состоит из маленьких вещей, без огромных, великих заповедей... очень маленьких вещей... просто радостно, медитативно потягивать свой чай, ощущать каждый маленький глоточек, как последний. Может быть, вы не сможете больше держать чашку в своих руках — гарантии нет.

Когда вы встречаетесь с другом — встречайтесь. Кто знает? Может быть, вы не встретитесь вновь. Тогда вы будете раскаиваться. Тогда неисполненное прошлое будет гнаться за вами, вы хотели сказать что-то, но не смогли сказать. Есть люди, которые хотят сказать кому-то: «Я люблю тебя», — и ждут годы, но не говорят этого. А человек однажды может умереть, и тогда они будут плакать и рыдать и говорить: «Я хотел сказать этому человеку: "Я люблю тебя", — но не смог сделать этого».

Мои люди живут, живут так полно, что нет места ни для какого завтра, ни для какого вчера.

И только дурак беспокоится о смерти. На самом деле только люди, не знающие, как жить, беспокоятся о смерти.

Они боятся. Они знают, что упустили поезд жизни. Теперь есть только смерть. Что же есть смерть? Что случается после смерти? Они думают успеть на поезд после смерти. Здесь они упустили его! Вы что, думаете, что эти дураки, сумевшие упустить поезд здесь, окажутся в состоянии попасть на него после смерти? Они упустили поезд, пока жили... Когда они умрут, я не думаю, что они смогут попасть на поезд.

•Но если вы живете полностью, радостно, вовсе нет причины думать о будущем. Оно совсем не возникает из вашего бытия.

И ваша удовлетворенность от мгновения к мгновению делает вас все более и более наполненными, настолько наполненными, что вы не могли даже представить себе этого, не могли мечтать об этом.

С этой наполненностью вы будете даже переживать момент смерти, если он придет, переживать с радостью и восторгом, ведь вы будете открывать новую дверь, новую возможность. Вы будете взволнованы. Это будет приключение, вызов.

И вы не будете бояться смерти, поскольку что может смерть отнять у вас? Что может разрушить смерть? Что смерть может остановить?

Но человек, который не жил, он боится смерти и дрожит.

Древняя история: Яяти, знаменитый индийский царь, достиг столетнего возраста. Этого было достаточно, больше, чем достаточно. У него были сотни жен, сто сынчвей. Его смерть пришла.

Эта история очень значительна. Яяти, видя смерть, сказал: «Что! Так скоро? Так много дел не сделано — я не сделал того, я не сделал этого. Я сделал только половину, часть. Некоторые вещи я только начал, а многие

даже не начинал. Что! Разве уже время? Мне нужно хотя бы еще сто лет. Будь так добра...»

Смерть сказала: «Нет никаких проблем. Но сделай одну вещь... я должна забрать кого-то - вот такая бюрократия. Если ты не собираешься, тогда я возьму кого-то другого, заполню ведомость - и покончим с этим, но кого-то я должна забрать. У тебя сто сыновей; попроси любого из них. Отдай одного из своих сыновей, и я готова на такую сделку. Я даю тебе еще сто лет, ты даешь мне одного сына».

И Яяти посмотрел на своих сыновей. Некоторым было семьдесят, некоторым было шестьдесят пять, шестьдесят восемь, шестьдесят, пятьдесят... самому младшему было двадцать. Поднялся старший сын - Все остальные начали переглядываться: «Естественно, если ты не завершил свои жизненные дела в сто лет, как могу я завершить их в семьдесят? И почему я должен умирать вместо тебя? Для меня осталось еще тридцать лет...»

И человек, которому было пятьдесят, сказал: «Я прожил только половину жизни, и если ты не удовлетворен, то что говорить обо мне?» Они все смотрели друг на друга. Они так часто говорили отцу: «Если нужно, мы готовы умереть за тебя». Но когда нужда пришла, это оказалось очень трудно.

Самый младший, самый невинный, не имевший переживания, поднялся и сказал смерти: «Я готов - Можешь взять меня».

Даже смерть пожалела мальчика, ведь все эти девяносто девять старших сыновей, чья смерть была ближе, они не захотели умирать. А этот мальчик... даже смерть сказала этому сыну: «Это неправильно по отношению к тебе. Ты так молод. Неужели ты не видишь, что ни один из твоих братьев не поднялся? Твой отец не хочет умирать - в возрасте ста лет!»

Мальчик рассмеялся и сказал: «Поэтому я и готов. Если в сто лет он просит, то какой же смысл? Поэтому я готов, ведь я вижу девяносто девять своих братьев: если они не смогли почувствовать вкус жизни за семьдесят лет, за шестьдесят пять лет, за шестьдесят лет, за пятьдесят лет, как смогу сделать это я? Я хоть прожил двадцать лет. И я по-настоящему прожил их. И они были так наполнены, что я не думаю, что нужно еще время».

«Я вкусил от чаши жизни. Может быть, они забыли, как были молодыми. А я молодой; я еще чувствую на языке вкус юности, жизни. Можешь забирать меня, не печалься. Я не печалюсь. На самом деле, я очень взволнован самим этим приключением. Я узнал жизнь, она была прекрасна. Позвольте мне узнать и смерть. И если жизнь прекрасна, как может быть смерть чем-то другим? Ведь смерть - это крещендо жизни, самый пик жизни. Это не конец. Это наивысшая, предельная точка. Не трать время понапрасну. Я так желаю узнать смерть, почувствовать смерть, вкусить ее».

Эта история так значительна. Мальчик исчез. Смерть была абсолютно уверена, что это не тот тип человека, который умирает когда-либо. Он не может умереть, смерть для него невозможна. Он готов жить смертью - как он может умереть?

Смерть случается только с трусами, с теми, кто не вкусил жизни, чья чаша пуста. Смерть не случается с теми, чья чаша переполнена.

Да, это потрясающее откровение, но это не смерть. Это дверь, открывающаяся наружу, в неизведанное, неизвестное, непреднамеренное.

Снова прошло сто лет, и смерть вернулась. И Яяти сказал:

о Что! Сто лет прошли? Но я все там же, где был».

Смерть сказала: «Ты все равно там будешь, но я дам тебе шанс. Пусть это будет для всех примером - Просто дай мне другого твоего сына, и я вернусь через сто лет».

Так происходит тысячу лет подряд. В последний раз приходит смерть, Яяти говорит: «Я все в том же месте, но я готов идти, потому что я понял одну вещь - я не знаю, как жить. И сколько еще можно откладывать? И как долго я могу просить тебя? Я устал, предельно устал - тысячу лет все впустую. Я не ощутил ни единого мгновения, какой же смысл теперь? И как-нибудь, когда-нибудь, когда бы я ни должен ЗУДУ уйти, дела останутся незавершенными. Многие дела будут сделаны наполовину, многие дела будут

только начаты, многие дела не будут даже начаты, будут существовать лишь, как идеи. Я видел это на протяжении этой тысячи лет».

«Я испытываю зависть к тем своим сыновьям, которые имели смелость пойти с тобой. Я завидую. Они доказали... Смелость, разумность – теперь я понимаю – они давали мне пощечину каждый раз, когда ты забирала моего сына. Они говорили: "Ты дурак. Ты не знаешь, как жить, и откладываешь смерть. И пока ты не начнешь жить, ты будешь бояться смерти". Но я не знаю, как жить, так что лучше умереть. Пусть живут другие».

Смерть сказала Яяти: "Это первый признак разумности в тебе. И не только ты завидуешь своим сыновьям, которых я взяла, даже я завидовала им. Они были редкими, уникальными, по-настоящему живыми людьми. Я не могла уничтожить их. Они перешли от жизни к большей жизни. Они перешли от жизни к изобилующей жизни».

И это то, чему я учу здесь: живите так полно, чтобы даже само явление смерти преобразовать в двери, в новое откровение для более изобилующей жизни.

Та жизнь ждет, но только тех, кто знает, как пережить ее, как жить ею. И это самое время.

Это самое время как раз сегодня. Ни вчера, ни завтра не время жить – только сегодня.

В это мгновение, здесь и сейчас, время вкусить жизнь; тогда смерти нет.

Да, случится что-то вроде смерти. Ваше тело и вы разделитесь, но вы не умрете, вы будете распространяться. Вы отбросите прочь оковы вашего тела, тюрьму вашего тела, и вы войдете в соприкосновение с беспредельным, неограниченным, вселенским.

Эта всеобщая жизнь, жизнь во вселенной и есть божественность.

Беседа 13

ГОТОВАЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ РЕЛИГИЯ ИЗ МАГАЗИНА ПОДЕРЖАННЫХ ТОВАРОВ

11 ноября 1984 года

Бхагаван,

Пытаетесь ли вы разрушить все наши предшествующие идеи относительно религии?

Нет другого способа быть религиозным. Все, что вы слышали о религии, читали о религии, должно быть полностью отброшено.

Если вы не очиститесь, не сотрете все записи из вашего сознания, вы никогда не узнаете, что такое религия. Так называемые религии делают как раз противоположное. И вы можете видеть результат.

Весь мир разделен религиями: кто-то ходит в синагогу, кто-то ходит в храм, кто-то еще ходит в церковь. Но находите ли вы где-нибудь какую-нибудь религиозность?

Каждый ребенок воспитывается, формируется в рамках определенной религии.

Это одно из величайших преступлений против человечества. Нет большего преступления, чем загрязнять ум невинного ребенка идеями, которые могут стать преградами на его пути открытия жизни.

В тот момент, когда вы хотите открыть что-то, вы должны быть абсолютно непредвзятыми. Нельзя открывать религию, будучи мусульманином, или христианином, или индусом – нет. Это способ сделать открытие религии невозможным.

Каждое общество до настоящего времени старалось начинить каждого ребенка своей доктриной. Еще до того, как ребенок будет способен задавать вопросы, ему даются ответы. Разве вы не видите глупость этого.

Ребенок еще не задал вопроса, а вы уже даете ему ответ. Вы на самом деле при этом убиваете всякую возможность возникновения у него его собственного вопроса. Вы заполнили его ум ответом. А если у него нет своего собственного вопроса, то как у него будет его собственный ответ? Вопрос должен быть подлинно его. Он не должен быть заимствован, он не должен быть унаследован.

Но такая чушь продолжается столетиями. Сделать из вас что-то до того, как вы откроете, кто вы, – в этом заинтересованы священник, политик, родители. Они боятся, что если вы откроете, кто вы, то станете мятежным, станете опасным для их коренных интересов. Тогда вы сами по себе станете личностью", живущей незаимствованной жизнью.

Они настолько боятся, что до того, как ребенок станет способным спрашивать, выяснять, они наполняют его ум всякого рода чепухой. Ребенок беспомощен. Естественно, он верит матери, отцу, и, конечно, он верит священнику, которому верят отец и мать. Великое явление сомнения еще не возникло.

А сомневаться – одна из самых драгоценных вещей в жизни, поскольку, если вы не сомневаетесь, вы не открываете.

Вы должны заострить силу своего сомнения так, чтобы отсекал весь вздор и ставить такие вопросы, на которые ни у кого нет ответа. Только ваш собственный вопрос поможет вам прийти к осознанию ответов,

Религиозный вопрос – это не тот вопрос, на который может дать ответ кто-то другой. Никто другой не может любить за вас. Никто другой не может жить за вас.

Вы должны жить своей жизнью, и вы должны искать и отыскивать фундаментальные вопросы жизни.

И если вы не откроете себя, не будет радости, не будет восторга.

Если Бог проста дается вам, готовым к употреблению, то это ничего не стоит, это не имеет ценности. Но именно так и делают.

То, что вы называете религиозными идеями, не является таковыми, они лишь суеверия, пронесенные через века, – на протяжении такого большого времени, что как раз сама их древность сделала их похожими на истину.

Адольф Гитлер в своей автобиографии «Майн Кампф» (Моя борьба) приводит много важных высказываний – Этот человек был сумасшедшим, но иногда сумасшедшие люди говорят такие вещи, которые боятся сказать люди в здравом уме. Одно из самых важных высказываний такое: «Любая ложь может стать правдой, если ее часто повторять, снова и снова подчеркивать, говорить ее всем подряд на каждом углу». Вы идете в школу и слышите о Боге и молитве. Дома вы слышите о Боге и молитве. Вы идете в храм и слышите о Боге и молитве. Так много людей... и всего лишь маленький ребенок против целой толпы.

Сомневаться для него невозможно – неужели все эти люди ошибаются? И это не просто люди. Родители и их родители тысячи лет верили в эти истины. Все они не могут ошибаться:

«И я, маленький ребенок, против всего человечества...» Он не наберется смелости. Он подавляет в себе любую возможность для сомнения. И все остальные помогают ему подавлять сомнение, поскольку: «Сомнение – от дьявола. Сомнение – великий, может быть, величайший грех. Вера – это добродетель. Верьте и найдете; сомневайтесь и на первом же шаге упустите».

Истина как раз в противоположном. Верьте, и вы никогда не найдете, а все, что вы найдете, будет не чем иным, как проекцией вашей собственной веры, – оно не будет истиной.

Что общего имеет истина с вашими верованиями?

Сомневайтесь, сомневайтесь во всем, ведь сомнение – очистительный процесс. Оно удаляет из вашего ума весь хлам.

Оно снова делает вас невинными, снова делает вас ребенком, которого раньше уничтожили родители, священники, политики, педагоги. Вы снова должны открыть этого ребенка. Начинать нужно с этой позиции.

Поэтому – то все мои усилия здесь и заключаются в том, чтобы разрушить все ваши так называемые религиозные идеи.

Это будет ранить вас, поскольку религиозные идеи стали настолько близкими к вам, что вы забыли, что они не ваши открытия, они не ваши переживания. Вы не жили ими; вы даже не любили их.

Кто-то другой заставил вас поверить в них, и, кто бы ни сделал это, он совершил по отношению к вам негуманный акт.

Я не говорю, что люди делают это сознательно. Они сами жертвы того же процесса. С ними делали то же самое их родители, с ними делали то же самое их учителя. Поэтому я не говорю, что нужно гневаться на них. Они делали так, думая, что это добро для вас... но просто от того, что они так думают, ничто не становится добром – просто потому, что они так думают. Они старались помочь вам, но они не знают, что есть вещи, с которыми человек должен быть оставлен наедине;

только тогда он может открыть. Если вы попытаетесь помочь ему, то покалечите его.

Не пытайтесь никому навязывать свою помощь, пока он может справиться сам по себе. Не заставляйте никого смотреть вашими глазами, когда у него есть свои глаза. И по крайней мере, пожалуйста, не закрывайте его глаз своими очками; у вас другие диоптрии. Вы сделаете этого человека слепым. Вы нарушите его зрение. Но не только очки надеваются на вас, поверх ваших глаз люди надевают свои собственные глаза... и все это они делают для вашего блага, для вашего добра. И после двадцати, тридцати лет непрерывного формирования вы начинаете забывать, что сами никогда не задавали вопроса.

Я вспоминаю очень творческого человека, Гертруду Штейн. Она умирала; вокруг нее собрались ее друзья. Внезапно она открыла глаза и спросила: «Какой ответ?» Ее друзья выглядели озадаченными. Неужели перед смертью она сошла с ума? Неужели она потеряла разум? О чем она спрашивает – «Какой ответ?»

Один из них сказал: «Но вы не задали вопроса, мы не можем сказать, какой ответ».

И она сказала: «Ну хорошо, скажите мне, какой вопрос». И она умерла.

Для меня это имеет огромное значение. Это относится почти к каждому человеческому существу. Вы забыли, что не задали вопроса, а ответ уже навязан вам. И, конечно, это просто процесс формирования... Все время говорить человеку, все время говорить человеку одно и то же снова и снова. Вскоре человек начинает повторять, как граммофонная пластинка. Человек забыл, что он не задал вопроса –

Может быть, при самом конце Штейн открыла свое свежее детство. Так случается со многими умирающими. Круг замыкается, они возвращаются к той же точке, откуда начали. Поэтому она спрашивает: * Какой ответ? – ведь давались только ответы. Никто не побеспокоился о вопросах. И когда теперь в этот последний момент кто-то говорит: «Но сначала скажите нам, какой вопрос», – она осознает... но теперь уже слишком поздно.

И ответов было так много, так тяжел их груз, что теперь задать подлинный вопрос стало также невозможно. Поэтому она говорит: «Хорошо, если нужен вопрос, то я спрашиваю вас:

"Какой вопрос?"»

Для меня этот маленький инцидент имеет огромное значение. Это жизнь каждого. Вы говорите о Боге, вы говорите о душе, вы говорите о небе, об аде, но задумывались ли вы, вопросы ли это? Интересуетесь ли вы Богом на самом деле? Каков ваш интерес в Боге? На каких основаниях Бог стал вашим вопросом?

Я родился в джайнской семье. В джайнизме нет веры в Бога; нет Бога, как создателя. Поскольку воспитание в джайнизме не навязывает детям идеи Бога, ни один джайнский ребенок или старый человек никогда не спросит: «Кто создал мир?» Ведь они с самого начала сформированы в представлении, что мир существует от бесконечности до бесконечности;

нет никакого создателя и нет необходимости в нем. Поэтому этот вопрос и не возникает.

Буддист никогда не задаст вопроса: * Что есть Бог, где есть Бог?* – ведь буддизм не верит в Бога, – поэтому и ребенок формируется соответствующим образом. Когда вы спрашиваете о Боге, вы думаете, это ваш вопрос – это не так. Вы могли родиться в индусской семье, в христианской семье, в еврейской семье, и они сформировали бы ваш ум в представлении, что Бог есть. У них есть определенный образ Бога, определенная идея о Боге. И они воспитали вас в страхе о том, что сомневаться опасно.

Маленькую крошечную малышку пугают вечным адом, где вас бросят в огонь и где вы будете гореть и не умирать. Естественно, не может быть ничего настолько значительного, ради чего стоило бы так рисковать. И кроме того, вам предоставляется такая мотивация, что если вы верите, просто верите, то все удовольствия, все радости жизни ваши. Верьте, и вы на стороне Бога; сомневайтесь, и вы на стороне дьявола.

Маленький ребенок вынужден брать всякий хлам, который ему дают.

Он боится. Он боится оставаться один дома ночью, а вы говорите о вечном аде: «Ты падаешь и падаешь во тьму и еще более глубокую тьму, и нет ей конца, и ты никогда не выйдешь оттуда». Естественно, ребенок просто сжимается от мысли о сомнении, пугается так, что вряд ли это стоит того. А верить так просто. От вас ничего не требуется – просто верить в Бога, сына и Святого Духа... просто верить, что Иисус – сын Божий и мессия... и пришел спасти все человечество... он искупит и ваши грехи.

Почему же не спастись так задешево? От вас не просят многого. Просто верить, и все сделается к вашей выгоде.

Так почему же вы должны выбирать сомнение? Вы должны выбирать, естественно, веру. И это происходит в таком маленьком возрасте, а потом вы растете, и вера, и воспитание, и идеи, и философия – все это наваливается на вас сверху, так что трудно докопаться и обнаружить, что был день, когда вы были полны сомнения. Но сомнение было сокрушено, убрано с глаз долой. Был день, когда вы колебались в вере, но вас убедили. Вам были обещаны все возможные вознаграждения.

Маленького ребенка можно убедить, просто дав ему игрушку, – а вы даете ему целый рай.

Если вы преуспели в том, чтобы убедить его верить, то вы не совершили большого чуда. Это очень простая эксплуатация.

Может быть, вы делаете это не сознательно; вы и сами прошли через этот процесс.

И раз закрыв двери сомнения, вы закрыли двери разума, раздумья, вопроса. Вы больше не являетесь настоящим человеческим существом.

Двери сомнения закрыты, теперь вы просто зомби, загипнотизированный, обусловленный, убежденный страхом и алчностью, верящий в то, во что не поверит ни один нормальный ребенок, если не будет всей этой организации.

И раз вы прекратили сомневаться и думать, вы можете поверить во что угодно. Тогда нет вопроса.

Политик хочет этого, ведь если вы верите в какую-то религию, то вы легковерный. Это показывает ваше легковерие. Это достаточное указание. Если вы ходите в церковь, то это достаточный признак того, что вы не тот человек, кто мыслит, кто спрашивает, кто спорит, кто не принимает ничего без логического, рационального, научного доказательства. Вы ходите в синагогу, вы ходите в мечеть – политик счастлив. Он хочет, чтобы все ходили в синагогу, в мечеть, в церковь... не имеет значения, куда вы ходите, лишь бы ходили – они все одинаковы.

Основная структура, стратегия одинакова. Не имеет значения – индуизм вы, мусульмане, христиане или евреи, поскольку основная стратегия в точности та же самая: полностью закрыть двери сомнения, не дать ни одного шанса, не оставить в человеке ни одного вопросительного знака, заполнить его ум всеми видами верований. Если вы посмотрите на эти верования, вы удивитесь. Люди верят в любую чушь.

Если вы джайн, вы будете верить во всю джайнскую чепуху – у вас просто не возникнет вопросов. Мой дедушка очень сильно любил меня по той простой причине, что я был озорным. Даже в своем возрасте он сам был озорным, поэтому у нас была хорошая дружба. И он, бывало, брал меня с собой к джайнским монахам, просто чтобы создать у них суматоху. Он наслаждался этим. Сам он не говорил ни слова, ведь он был старым человеком, уважаемым гражданином. Но он знал, что если я там, то этого достаточно. Он сидел, как если бы был монахом, но незаметно давал мне указания... можешь начинать... это было хорошее время.

Джайны не верят в Бога-создателя. Поэтому нельзя задать ни одного вопроса о Боге; нет такого вопроса, нет Бога. Но тогда они должны верить

в другие вещи. Они верят в души. Я, бывало, спрашивал их: «Как много душ в мире? Их количество увеличивается, уменьшается или остается тем же?»

Джайнский монах не может сказать, что увеличивается, поскольку возникает вопрос, откуда? Кто создает их? Создателя-то нет. Никакого творения не происходит. Они не могут и уменьшаться, поскольку — куда они будут уходить? Они не могут уйти из вселенной, ведь, куда бы они ни пошли, все будет вселенная. И, наконец, он не может сказать, что их количество остается тем же самым, хотя такой ответ дан в священных книгах джайнов: «Число душ остается тем же».

Со мной такой ответ так просто не проходил, поскольку тогда следовал вопрос: «А сколько? Если вы знаете, что остается то же самое число, то должны знать это число; иначе на каком основании вы говорите, что число то же самое? Одна душа могла неожиданно появиться, одна могла неожиданно исчезнуть. Вы должны Дать мне точное число». А число дано ни в каких книгах. И они не могут дать числа по той простой причине, что население на земле увеличивается. Людей становится больше и больше, больше и больше. А джайны верят, что у всего есть душа: дерево, птица, рыба — все имеет душу. «Когда вы так много знаете о душах, почему бы вам не знать и их числа? И вы говорите, что Махавира был всеведущим, знал все. Разве не мог он сказать вам точного числа? Проблема была бы разрешена навсегда».

Монах становился беспомощным и хотел бы, чтобы я замолчал. Но я говорил: «Никто не может заставить меня молчать. Или вы ответите, или вы признаете тот факт, что не знаете ответа. Или вы отвечаете на мой вопрос, или просто говорите: "Простите, я не знаю ответа". Тогда вы будете искренними хотя бы с собой. Вы проповедуете правду. Разве вы не можете сказать: "Я не знаю точного числа?"» Но так говорить они не могут, поскольку это приходит в противоречие со всеведением Махавиры... почему он упустил этот момент, такой значительный?

Джайны верят в вечное путешествие души. Если вы делаете хорошие кармы, вы становитесь лучше — то есть достигаете более высоких ступеней. Поэтому они провели разделение: дерево имеет только одномерную жизнь, паук имеет двумерную жизнь, птица имеет трехмерную жизнь, тигр имеет четырехмерную жизнь, человек имеет пятимерную жизнь. И человек — наивысшая эволюция сознания.

Я, бывало, спрашивал их: «Когда умирает мужчина, то он рождается вновь мужчиной или может родиться и женщиной? Всегда ли он рождается в человеческом мире, или он может родиться деревом, птицей, лошадью или чем-то еще?» Джайны верят, что если ваши кармы плохие, то вы можете соскользнуть назад: стать собакой, рыбой, кошкой, деревом.

Я говорил этим монахам: «Сталкивались ли вы с каким-нибудь фактическим свидетельством того, что кто-нибудь помнил, что в предыдущей жизни был деревом, тигром, собакой? Помните ли вы сами, кем были в прошлой жизни? И будьте искренними, ведь вы сидите в храме Махавиры, в храме правды. Если вы скажете что-то неискренне, помните — вечный ад. Поэтому, если вы не знаете, просто скажите: "Я не знаю"».

А в Индии это самое трудное дело для монаха, Махатмы, которому поклоняются тысячи и тысячи людей, сказать кому-нибудь: «Я не знаю». Я пояснял им: «Если вы лжете, то помните, вы падете вниз. Позади вас статуя Махавиры, как свидетель. И этот храм...» Конечно, эти люди пожертвовали всем, поэтому они полностью закрыли двери сомнения. Они верят, что лгать в храме, перед Махавирой... это опасно. Поэтому они не могут лгать и не могут сказать, что сами пережили что-то или встретили кого-то пережившего. Они просто теряют дар речи.

У джайнов есть теория... ведь они должны были как-то объяснять, сам Махавира должен был как-то объяснять, откуда приходят новые души, ведь народонаселение постоянно растет. Размножаются животные, разрастается жизнь во всех ее формах, так откуда же берутся все эти души? Поэтому у Махавиры была гипотеза. Он назвал ее нигод. Нигод означает, что имеется темная утроба вселенной, бесконечная, полная бесконечного числа потенциальных душ. Поэтому всякая душа, приходящая в точку, где она может расти, исходит из нигода. Теперь посмотрите на хитрость всего этого дела.

Он делает нигод бесконечным, поскольку если сделать его конечным, то вскоре он опустеет. Тогда снова возникнет вопрос, откуда? Теперь утроба пуста – вот он и делает ее бесконечной.

Но он забывает, что всегда есть такие люди, как я. Конечно, меня не было перед ним. Иначе все тогда же и там же разъяснилось бы – ведь в мире не может быть двух бесконечных вещей. Это простая математика. Только одна вещь может быть бесконечной: это вселенная. Если она бесконечна, то никакая другая вещь не может быть бесконечной, поскольку две бесконечности сделают друг друга конечными, их границы встретятся. Где-то они сойдутся вместе, и там будет граница. Эта граница и будет определять их конечность.

Меня не было там, но я мог мучить этих джайнских монахов: «Если нигод бесконечен и вы говорите, что вселенная бесконечна, то вы верите в две бесконечности? Возможно ли это математически? Геометрически?» Это трудно. Две бесконечности невозможны. Любой человек, имеющий хоть какие-то познания в математике, может понять, что две конечных величины возможны, сто конечных величин возможны, но две бесконечности? Невозможно! Только одно может быть бесконечным. Другое обязано стать границей. Где-то на удалении в миллионы световых лет... это не имеет значения. Граница есть граница.

И еще я, бывало, спрашивал этих джайнских монахов:

«Откуда эти души попали в нигод? Они внезапно оказались там, без всякой причины. Почему? Как они умудрились попасть туда?» Каждая религия в основном обязательно сталкивается с такими затруднениями. Когда поднимаются фундаментальные вопросы, каждая религия становится идиотической. Если вы не спрашиваете об основах, то они являются очень ясными в своих ответах на ваши вопросы. Но когда дело доходит до основ, они все начинают изобретать.

Откуда взялся этот нигод, эта вселенная, бесконечная утроба? И откуда попали туда все эти души? И они говорят:

«Они там просто есть». Но это не ответ. Какое злое дело совершили эти души? Они никогда не были вовне, у них не было возможности совершить никакого дела, плохого или хорошего. Почему же они страдают в нигоде? И может ли быть большее страдание, чем пребывание в темной дыре. Они там миллионы и миллионы лет. Почему они страдают?

Они не совершили... они не могут принять, что они совершили что-либо плохое, какое-либо плохое деяние – ведь чтобы «делать», нужно прежде всего находиться во вселенной. Чтобы действовать, нужно «быть». Там они пребывают лишь в виде потенции. Они не находятся там по-настоящему, они лишь семена. И как из семян, которые не были пророщены, могут появиться горькие плоды, сладкие плоды? И вы не объясняете, почему они не были пророщены.

Затем внезапно несколько душ созревают... какова арифметика этого? Кто созревает первым и почему? Должна быть какая-то причина, что эти души. А, Б, В, станут зрелыми сегодня, а завтра станут зрелыми X, Y, Z – но почему сегодня АВВ, а не XYZ. Они все похожи. Или вы признаете какое-то различие между ними? Они не могут признать никакого различия, поскольку для этого вещь должна быть реальной. Только потенция... здесь не может быть никакого различия.

И они покрывались потом и говорили: «Всякий раз, когда ты приходишь... ты странный мальчик. Эти вопросы – их не задает никто. Я путешествовал по всей Индии, но всякий раз, когда я прихожу в вашу деревню, я чувствую страх... что ты обязательно придешь. И я сказал твоему дедушке: "Не приводите этого мальчика". Но он тоже странный человек; он никогда не приходит один, он всегда приводит тебя».

Потом монах пытался проделать трюк. Он переносил свои беседы на время школьных занятий, когда я был в школе. Но моего дедушку нельзя было провести. Он приходил в школу и просил у директора: «Он мне сегодня срочно нужен*». И я снова был там.

И монах спрашивал: «Что, сегодня школа так рано

закрылась? »

Я говорил: «Она не закрылась, мой дедушка привел меня сюда – для вашего благословения. Он никогда не оставляет меня. Он так религиозен, что хочет, чтобы вы благословили меня. Можем ли мы начать сейчас?»

Если дать свободу любому ребенку, он может выставить ваших попов, ваших имамов, ваших монахов абсолютными идиотами. Он может поместить их в категорию идиотов. Даже ваши дети... ничего ненужно, только позвольте им сомневаться. Но им не разрешено сомневаться. Когда вы познакомились с верой, тогда медленно-медленно она начинает отравлять все ваше бытие. Тогда, если кто-то нападает на веру, вам кажется, что нападают на вас. Это было моей проблемой. Я нападал всю свою жизнь.

Если я не буду нападать на вашу систему верований, на вашу идеологию, я не смогу никак помочь вам; я не смогу делиться собой с вами.

Есть стена, толстая стена. Я все время могу кричать; вы не услышите меня. Я должен постоянно бить в стену, стучать по ней молотом, чтобы проделать в ней хотя бы отверстие, через которое я мог бы видеть вас, вы могли бы видеть меня -лицом к лицу. И так я смогу оживить то, что было отобрано у вас.

Я могу снова дать вам ваше невинное детство, и только оттуда начнется настоящее вопрошание об истине. Только оттуда возможна религия. В противном случае вы только будете говорить о религии.

Итак, Шила, это правда. Я абсолютно хочу, чтобы вы полностью освободились от всякого жаргона, данного вам другими. Сам же я не даю вам никакого жаргона. Поэтому постарайтесь понять отличие моей позиции.

Поэтому я и говорю, что это первая религия в мире.

Если вы меняете свою религию с индуизма на христианство, с христианства на ислам, с ислама на индуизм, ничего не меняется. Вы измените лишь поверхностные слова, может быть, одежды, самое большее; это не коснется даже вашей кожи. Вы останетесь тем же человеком. Конечно, у вас будет новый набор верований вместо старого. Должно быть, вы устали от старого набора. Ваши верования не привели вас никуда. Может быть... если христианство не работает, то, может быть, работает индуизм или мусульманство.

Нет, я не даю вам никакого нового набора догм, верований, символов веры, идеологий – совсем нет. Моя функция совершенно иная.

Моя функция в том, чтобы забрать от вас все, что вы получили, и не дать вам ничего взамен.

Ведь если я возьму один камень и положу взамен другой, то я буду еще более опасен, чем тот человек, который положил первый камень, поскольку первый камень уже старый и вы свыклись с ним, он не давал вам никакой поддержки. Это камень – какую поддержку, какое питание он мог бы давать вам? Вы носили этот груз и постепенно осознали, что этот камень лучше сбросить. Но с новым камнем начинается новый медовый месяц. Вы начинаете думать, что новый камень, может быть, является правильным.

Я* не заменяю в вас одну систему верований на другую.

Я просто разрушаю. Вы будете подавлены тем, что я просто разрушаю, – я хочу разрушить все, что было навязано вам. И не нужно никакой замены; созидательность – это ваша неотъемлемая потенция, мне не нужно создавать ее.

Раз препятствия устранены, вы начнете расти и течь. Вы начнете искать себя самого и вскоре приобретете силу и новую энергию, поскольку даже маленькое открытие себя самого дает вам такое огромное счастье, что вы не сможете постичь его.

Лишь маленькое открытие себя самого – и вы другое существо, поскольку в вас родилась истина. Это, возможно, только семя, но начало положено.

Вы почувствуете новое волнение, оно невозможно, если я дам вам новое верование, готовую к употреблению догму, идеологию. Поэтому я не даю вам ничего.

Я лишь забираю прочь все, что у вас есть-

Единственная моя функция – оставить вас наедине с собой. Вас не оставляли ваши родители, ваши учителя, ваши раввины, ваши монахи, ваши священники... вас не оставляли одного. Никто не доверял вам.

Я вам доверяю.

Все они хотели что-то сделать из вас, по своему образу. Я не хочу сделать из вас что-то по своему образу.

Я хочу, чтобы вы просто цвели, подлинно, сами по себе.

Я не знаю, что это будет. Вы не знаете, что это будет. И это хорошо, что мы не знаем, что это будет, ведь тогда это будет очень большой сюрприз, если вам удастся обнаружить бесконечное сокровище.

Я сказал, что я доверяю вам. Поэтому я не даю вам никакой веры, ведь я знаю, что вы обладаете абсолютными способностями к открытию любви, жизни, смеха.

Нужно лишь сбросить все камни, наваленные на вас. Не цепляйтесь за эти камни. Они ваши враги.

Если вы еврей, ваш враг иудаизм. Если вы христианин, ваш враг христианство. Если вы индус, ваш враг индуизм. Кто бы вы ни были, если вы приняли что-то без поиска, без стремления, то это ваш враг.

Скажите: «Прощай». Скажите врагу: «Я покончил с тобой. Теперь я хочу быть один. Я хочу быть абсолютно чистым, неотягощенным».

И вы удивитесь: в тот момент, когда вы сбросили отягощение, вы сможете раскрыть свои крылья в обширный мир, который все ждал и ждал вас.

Но вы не приходите, поскольку вас держит синагога, вас держит храм, вас держит церковь; священник, падре, поп не дают вам идти. Толпа, окружающая вас, виснет у вас на шее. Они не дают вам вырваться из их объятий.

Для них это вопрос политики, политики количества. Они боятся, что если люди начнут ходить сами по себе, то они потеряют свою власть, свои количества. Они хотят вас использовать, как количество, как средство.

И помните: использовать любое человеческое существо как средство для какой бы то ни было цели – это величайший из возможных грехов. Каждое человеческое существо – само по себе цель.

И моя работа здесь – помочь вам открыть присущие вам возможности, потенции, вашу конечную цель – которая не так далеко, которая внутри вас. Все, что вам нужно оставить, – это тот хлам, который навязан вам другими.

Люди думают, что я делаю ту же работу, что и Иисус, что и Будда, или Мухаммед, или Махавира; они абсолютно неправы.

Моя работа, работа, как таковая, только моя. То, что они делали, было в противоположность мне. И то, что я делаю, идет в противоположность им. И для вас должно быть ясно, что я буду стучать молотом по головам всех этих людей.

Будьте бдительны. Не получайте ран без необходимости, ведь я вынужден наносить их; нет другого способа. Это хирургический способ. Я вынужден положить вас на операционный стол и отрезать то, что не принадлежит вам. Но вы восприняли это, как если бы это были ваши конечности, чем они не являются. Они калечат вас. Они убивают вас.

Я хочу отобрать у вас прочь все, что не является подлинно вашим. Все... и тогда взрыв.

Бхагаван, Что такое антихрист? И кто он такой?

Первое, что следует понять: Христа нет. Поэтому как может быть антихрист?

Антихрист может быть только в том случае, если вы принимаете идею Христа. «Христос» – греческий перевод древнееврейского слова «мессия». Давайте использовать слово «мессия», которое делает все более ясным.

Евреи надеялись и ждали, что придет мессия и избавит их от страданий. Евреи страдали больше всех в мире. Но это не причина испытывать по отношению к ним какую-либо жалость. Они сами виноваты. В тот день, когда они объявили себя избранным народом, они создали эту длинную цепь страдания, горя, убийства, концентрационных лагерей, газовых камер.

Я ни разу не встречал того, кто ясно связывал бы эти две вещи: почему евреи так сильно страдали, •– а они страдали чрезмерно, неисчислимо, но

никто, кажется, не связывает это с коренной причиной. Коренная причина заключается в том, что Моисей объявил евреев народом, избранным Богом, главной расой.

Ну вот, и поймите, если вы объявляете себя главной расой, выше и превосходящее всех остальных, то вы создаете себе повсюду врагов.

Если Адольф Гитлер был так непреклонен в уничтожении евреев, то это простое логическое следствие слов Моисея. Моисей говорит, что евреи – народ, избранный Богом, главная раса. А Адольф Гитлер верил, что народ, избранный Богом, – это нордические германские арии, что они главная раса. Двух главных рас быть не может... Одна должна быть упразднена, одна должна умереть, одна должна показать превосходство своего характера над другой. Это не было просто политическим делом; глубоко внутри это была религиозная идея, которую

несли в себе евреи.

У Адольфа Гитлера была другая главная раса – арии, нордические племена, которые призваны править миром, и поэтому евреи должны были быть полностью устранены. Нельзя обвинять во всем только Адольфа Гитлера. Да, он несет ответственность, но игру начал Моисей, а евреи на протяжении веков поддерживали его учение. Для этого была причина. Поскольку они настроили против себя весь мир, всех, они вынуждены были держаться друг друга и становиться фанатиками, иначе они не выжили бы.

Их единственная надежда состояла в том, что придет мессия... «И то будет конец страдания. Это не долгое страдание, это на самом деле испытание, вызов к вашей целостности, это испытание того, сможете ли вы выжить или нет. В тот момент, когда вы сможете выжить в этом испытании и огне и выйдете из него, придет мессия, чтобы освободить вас. И тогда все остальные будут брошены в ад, а вас будут приветствовать в раю – музыкой, песнями и всеми ангелами, поющими "аллилуйя"».

Они отказались признать Иисуса мессией, Христом. Они должны были так сделать. Они не признают никогда и никого мессией, или Христом. Они не могут. Причины очень простые.

Никто не может спасти человечество от страданий. Пока каждый человеческий индивидуум не решит, что он отвечает за свои собственные страдания, и не отбросит всю ту чепуху, которая эти страдания создает, никто не сможет спасти себя.

И как может кто-то другой спасти вас? Вы, а не мессия, создали это страдание. И даже если он искупает ваше страдание, то где гарантия, что вы не создадите его снова? Если вы искусны в создании его, то я думаю, вы создадите его снова. Прежде всего, оно не может быть устранено; даже если оно устранено, вы создадите его снова.

И евреи никого не признают мессией, потому что никто не может спасти все человечество от страдания.

Бедный Иисус был просто фанатичным евреем, которому в его маленькую голову пришла большая идея о том, что он мессия.

И обрести эту идею не так трудно, если вы достаточно членораздельно произносите слова. Он не был образован, но он определенно был способен к ясной членораздельной речи. И иногда необразованные люди, если они обладают ясной речью, говорят с силой, мощью, авторитетом, на которые неспособны интеллектуалы, искушенные, хорошо образованные люди. Очень образованный, очень искушенный всегда колеблется. У него так много «если» и «но». В нем так много сомнений, он знает, что не знает миллионов вещей.

Но человеку, подобному Иисусу или Кабиру, абсолютно необразованному, очень легко быть внушительным и мощно и энергично провозглашать что-либо. Нужно просто собрать вокруг себя компанию дураков, что само по себе является самым простым делом в мире. Просто стойте на голове посреди улицы, и дураки сбегутся. Ничего особенного делать не надо, лишь стойте на голове – дураки бросят свою работу и сбегутся... творится что-то великое, а что на самом деле – все равно.

И когда человек, подобный Иисусу, говорит то, что дает им психологическую поддержку: блаженны кроткие, ибо их есть царствие Божье, – то кому он это говорит? Этим бедным евреям, которых унижали непрерывно,

столетиями, и которых во времена Иисуса унижали римляне. Этим униженным людям говорится о кротости и смирении? Естественно, для них это становится огромным утешением. Они унижены, но думают, что они смиренные... Маленький трюк ума: они слабы, они в рабстве, но думают, что они смиренны.

Когда Иисус говорит: «Если кто ударит тебя в одну щеку, обрати к нему и другую, ибо это единственный путь к Богу. Возлюби врагов своих», — естественно, эти люди чувствуют свое огромное превосходство. Глубоко внутри исполняется их эго. На самом деле они вообще не могли не подставить другую щеку; что за чушь он говорит: «Обрати другую щеку?» Они уже были биты по обеим! Что вы теперь от них хотите — подставить им свой зад?

Я не могу говорить, чтобы были смиренными те люди, которых столетиями держали в рабстве, били, унижали всеми способами. Но это дает утешение. Эти люди начинают думать:

«Это хорошо, что мы бедные, — отсюда наше благословение; что мы кроткие, — отсюда наше благословение; что мы смиренные, — отсюда наше благословение; что нас били по обеим щекам... царство Божье определено наше». Они предпочитают верить в Иисуса, в то, что он мессия, поскольку если они верят в это, то его слова становятся авторитетными, несут утешение. Если они не верят ему, как мессии, то он становится просто обыкновенным человеком.

Поэтому многие не могли понять всю психологию того, что он говорил, и того, кому он говорил. Люди, пошедшие за ним, послушавшие его, — это обыкновенная толпа. А раввины разгневались на него по той простой причине, что он становился главным раввином. Раввины же — образованные люди, весьма образованные в своей древней профессии; а этот человек — ведь он ничего не знает, лишь несколько слов.

Что он говорил? Все эти четыре евангелия — это снова и снова повторение одного и того же, одна и та же история от четырех учеников.

Раввины, священство очень разгневались. Поэтому они сказали: «Если вы думаете, что вы мессия, нужно представить доказательства. И доказательством является распятие. Если вы воскреснете после распятия, мы признаем вас, как мессию. В противном случае вы не мессия, но анти-мессия, антихрист». И евреи никогда не признавали его, поскольку при распятии не удалось убить Иисуса, он сбежал из Иерусалима. Воскрешения не было вовсе. На самом деле распятие не было завершено, какое же может быть воскрешение? Не было смерти, что же говорить о воскрешении?

И ни один еврейский источник того времени не говорит об Иисусе, или его распятии, или его воскресении, или о его учении — ведь те источники написаны раввинами, образованными людьми, а не толпой. Они не думали, что Иисус достоин даже упоминания. Новый Завет — единственное доказательство того, что Иисус существовал, но и он был написан после исчезновения Иисуса — триста лет спустя. И священники на протяжении веков редактировали его, удаляли из него все, что могло быть опасным для них, ведь теперь они были раввинами.

У Иисуса не было понятия о том, что он создает новую религию.

Он никогда не думал об этом. Все, что он хотел, — это чтобы евреи признали его мессией... а евреи отказали ему.

Поэтому, если вы спросите меня, я отвечу, что явления Христа никогда не было. Я имею в виду то, что не было никогда явления мессии. Иисус был, но евреи никогда не воспринимали его, как мессию, на которого люди надеялись, которого они ждали. Эти люди создали идею о том, что придут многие, кто назовет себя мессией, но они не будут истинными мессиями;

они не будут Христом, они будут анти-Христом. Придут многие; вот такая была у евреев идея. В свою очередь эту идею заимствовало христианство.

Странно: Иисус не был признан мессией и был объявлен евреями антихристом — поэтому он и был распят, ведь он объявлял себя тем, кем на самом деле не был. И это было для евреев чрезвычайно важным. Вся их жизнь вращалась вокруг надежды: мессия придет... а этот сын плотника, необразованный, не знающий ничего, провозглашает себя мессией. Он — ложный

мессия, и евреи сказали: «Многие приходили раньше, кто объявлял себя мессией, и они оказывались ложными. Этот человек из того же числа».

Но странно – история движется странными путями. Евреи отвергли его, а этот отвергнутый парень стал основателем новой религии. Не занимаясь построением основ, он стал основателем новой религии. Он и не мечтал об этом. Он отказался бы стать зачинателем новой религии; он был евреем, и он хотел быть признанным евреями в том, что он их мессия. В этом было нечто; в этом было исполнение его эго.

Евреи отказали ему и объявили его антихристом.

Кто основал христианство? Очень странный человек – он не имеет ничего общего с Иисусом.

Его имя было Савл, и он был очень сильно настроен против Иисуса и его учения. И жил он очень далеко от Иерусалима. Поэтому, когда до него дошли многочисленные слухи о том, что: «Мессия пришел и он спасет мир», – а сам он был очень ортодоксальным евреем... Поэтому он направился навстречу Иисусу, чтобы убить этого человека, если удастся его найти, и уничтожить всех главных апостолов, как он называл их, и покончить с этим делом в самом его начале. Иначе позднее это будет трудно сделать, все это слишком разрастется. И он все время думал, как уничтожить Иисуса, как уничтожить этих апостолов, Матфея, Луку, Фому и так далее. Его ум был настроен только на одно, был сфокусирован только на одном: как уничтожить этих людей и Иисуса.

И так случается, что когда вы одержимы одной идеей, вы можете прийти до такой предельной одержимости, что она перевернется на сто восемьдесят градусов. Это психологическое явление, случающееся каждый день. Савл идет на горячем солнце, в пыли по направлению к Иерусалиму, только одна мысль сверлит его ум... горячее солнце... и одна мысль: как уничтожить, как уничтожить... внезапно он видит Иисуса на небе! Это было лишь представление безумного человека, одержимого определенной идеей. И когда он увидел приближающуюся фигуру Иисуса, он, естественно, онемел. Он пал на землю, попросил прощения, попросил отсечения его от старой жизни и обратился. Теперь он стал обращенным, поскольку Иисус явился ему на небе. Он стал Павлом. С Савла он сменил свое имя на Павла.

Этот человек, Павел, этот маньяк, человек с характером убийцы, – вот кто основатель христианства.

Христианство основал Павел. Он – первый священник, первый папа. Вот почему вы найдете много пап, которые, становясь папами, принимают имя Павла. Это самое прославленное имя, имя первого основателя. Поэтому вы найдете много пап... кто-то Иоанн-Павел, кто-то как-то иначе, но Павел используется, поскольку Павел – самое прославленное имя в их истории. На самом деле они не связаны с Иисусом.

И это был Павел, который собирался убить Иисуса и его друзей и теперь обратился на врагов христианства. Он объявил, что Христос пр; -:ет снова: хотя сейчас он стал христианином, на самом деле он был лишь старым евреем, всю жизнь ожидавшим мессию, – но вы можете сменить лишь одежды, вы не сможете так просто сменить идеи. Теперь он представляет себе целую философию и говорит, что Христос придет снова и искупит мир. В этот раз он не смог сделать этого, поскольку евреи распяли его, предали его. Но когда он придет, он найдет своих людей, христиан, которые будут всеми способами поддерживать его, помогать ему искупить прегрешения всего мира, помогать ему превратить все мерзкое в прекрасное.

Теперь всякий, кто провозглашает: «Я Христос», – есть антихрист. Видите, история повторяется. И если человек не станет разумным, история будет продолжать повторяться.

Как раз на днях я получил письмо о том, что я антихрист-Странно... Я говорю, что Христа не было вовсе, так как же я могу быть антихристом? И какое я имею отношение к антихристу?

Я могу быть самим собой, и я абсолютно счастлив быть самим собой; зачем мне нужно быть Христом? Я никогда не провозглашал себя Христом.

Но есть люди, начавшие говорить обо мне, как об антихристе, – те же дураки, что распяли Иисуса. Теперь те же дураки принадлежат религии

христианства, они имеют тот же тип человеческого ума – ничего не изменилось. И если кто-то скажет, что он Христос, они распнут его, как антихриста. Конечно, они не могут распять меня. Я – не Христос. Я не собираюсь играть в их игры.

Я никогда не играл ни в чьи игры. Я играю свою собственную игру, и я создаю свои собственные правила.

Вы удивитесь, но даже когда я играю в карты, я создаю свои правила. Всякий, кто хочет играть со мной, должен следовать моим правилам. Иначе не нужно играть. В университете многие профессора, многие студенты хотели играть со мной в карты или в шахматы, но они должны были следовать моим правилам – почему я должен следовать чьим-то правилам? Теперь никто не знает, кто был тот парень, придумавший правила шахматной игры, – почему я должен следовать им? Всякий, кто хочет играть, должен следовать моим правилам.

Я не Христос, я не мессия, я не паигамбара, я не тиртханкара, я не аватара.

Мне не нравится быть включенным в этот ряд душевно нездоровых людей. Пожалуйста, простите меня – и исключите меня.

Вся идея Христа фальшива. Поэтому идея антихриста фальшива еще более. Сначала вы верите в Христа, потом приходит антихрист – почему бы не обрубить самые корни и не покончить с этим.

Я настаиваю на том, что каждый индивидуум отвечает за то, что он есть.

И те, кто хочет быть со мной, должны принять эту ответственность полностью. Это единственный путь спасения, снятия ваших страданий, преобразования вашего бытия.

Я не могу сделать этого, никто другой не может сделать этого. Поэтому всякий, кто обещает вам, – мошенник. Остерегайтесь! его – он опасен.

Всякого, кто дает вам надежду и обещает: < Верьте в меня, и я сделаю все », – хватайте немедленно и доставляйте в психиатрическую лечебницу. Он нуждается в немедленном лечении, в транквилизаторах. Он сходит с ума –

Он может стать мессией, или он может стать аватарой; и тогда найдутся люди, которые объявят его антихристом. И так происходило на протяжении тысячелетий. Я хотел бы прекратить это.

И я имею в виду именно это, когда говорю, что это первая религия, поскольку до меня никто не имел смелости сказать:

«Я не мессия». Никто, способный легко собирать толпы, не имел смелости сказать: «Я не особенный, я как и вы».

Это первая религия, основанная человеческим существом.

До настоящего времени это была работа сумасшедших людей... больных всеми видами душевных болезней. Я хочу полностью прекратить это.

Беседа 14

Я – ГНОСТИК

12 ноября 1984 года

Бхагаван,

Несколько дней назад вы говорили нам о трех категориях верующих: о теистах, атеистах и агностиках. Что вы скажете о «гностиках» ?

Я не считаю «гностика» верующим. Теист верит в Бога, без знания, без всякого переживания. Его вера – это просто бегство от сомнения.

Чтобы оставаться в сомнении, нужна большая смелость.

Не бежать от сомнения – одно из фундаментальных качеств ищущего, а вера – это бегство. Она скрывает ваше сомнение и дает вам чувство облегчения, ложную уверенность, что вы знаете, хотя глубоко внутри вы по-прежнему знаете, что вы не знаете.

Поэтому верующий разделен на два отдельных слоя. На поверхности лежит вера, которая, как он думает, защищает его. Внизу лежит его реальность, подобная ране, – сомнение, которое он отвергает, но не может полностью устранить. Оно есть, оно часть его реальности.

Поэтому верующий всегда в состоянии конфликта. Он шизофреник. Что-то незначительное пойдет против его веры – и сомнение поднимается.

Как-то раз ко мне пришел человек и сказал: «Я стал твердо верить в Бога». Я сказал: «Что вы имеете в виду под "твердо верить"? Что, есть и не твердо верующие? Само применение слова «твердо» показывает, что внутри вас есть что-то, что удерживается с усилием, «твердо». И я сказал: «Это мы обсудим позже, а сейчас позвольте мне спросить, что сделало вас твердым верующим». Он сказал: «Я иду на поклонение».

В Индии тысячи храмов, посвященных различным богам. Один из наиболее часто встречающихся храмов – очень смешной для постороннего человека – это храм бога-обезьяны Ханумана. Он обезьяна, но является слугой одного из воплощений Бога, Рамы, причем он настолько близок к нему, что он сам стал символом Бога. Теперь полагают, что если удастся убедить Ханумана, то он легко убедит Раму. А убедить обезьяну, конечно, легче. Он такой преданный слуга Рамы, что Рама никогда не скажет ему нет. Убедить непосредственно Раму трудно. Но Хануман, он просто бедная обезьяна. Будет достаточно любого маленького подарка, небольшая взятка – несколько фруктов, сладостей – и можно просить у него:

«Помоги мне».

Поэтому этот человек ходил в храм Ханумана и просил его: «Если в течение пятнадцати дней я не найду работу...» Он был безработным; хорошо образованный, но в Индии есть миллионы безработных образованных людей. Для них нет рабочих мест. «...если в течение пятнадцати дней ты сможешь устроить это дело через Раму, то я дам в твоём храме пир одиннадцати браминам, а для тебя принесу плоды, сладости и цветы. Но запомни, у меня сейчас очень критический момент. Если через пятнадцать дней ты не сумеешь организовать это, моя вера в Бога кончится. Это не только вопрос работы, это вопрос моей веры в Бога. Задумайся над этим».

И он пришел рассказать мне, что в эти пятнадцать дней было так много взлетов и падений... Один день прошел, другой день прошел, нет работы – начало подниматься сомнение, вера поколебалась. «Но на пятнадцатый день я получил заказ – я был принят на работу. Это сделало меня твердым верующим».

Я сказал: «Ваша твердость основывается на чем-то очень поверхностном. Испытайте еще один, два, три раза. Даже ученый перед тем, как объявить о своем результате, экспериментировать многократно, пока не убедится абсолютно, что это действительно верный результат. А вы не испытали даже и двух раз. Испытайте еще один раз».

Он сказал: «Теперь я так твердо верю, а вы предлагаете мне испытать».

Я сказал: «У вас так много проблем, не мне говорить вам. Ваша жена больна», – у нее был туберкулез, – «а вы устали», – он был бедным человеком... не мог со всем справляться... безработный... – «почему бы не устроить Богу еще одно испытание? Просто еще один шанс. Скажите ему, что если в течение пятнадцати дней ваша жена излечится, то вы проделаете снова все то, что собирались сделать в этот раз. А если через пятнадцать дней ваша жена не излечится, то ваша вера в Бога кончится».

Он сказал: «Это представляйся стоящим испытанием». И случилось то, что должно было случиться: жена не излечилась. То было просто совпадение. Что могла эта обезьяна – и к тому же не живая, просто каменная обезьяна, – что она могла сделать? Всего лишь совпадение. Он так рассердился – на меня, не на свою веру. Я сказал ему: «Остыньте, взгляните в смысл. Я просто помог вам увидеть, что то было просто совпадение. Если бы это было реально, Хануман помог бы вам снова. Если я не убедил вас, попытайтесь еще раз. Можете испытывать столько раз, сколько захотите».

«Ваша вера основывается на такой глупой идее: Бог устроил вам заказ из бюро по трудоустройству, и в этом его убедила обезьяна. А теперь вы сердитесь на меня – по какой причине? Я для вас ничего не сделал. Я просто дал вам еще один шанс проверить. И теперь вы узнали, что это было простое совпадение. Теперь есть сомнение – вы дурачили себя, ни Рама, ни Хануман не принимали участия в этом. Вы просто дурачили себя».

Вера – это бегство. Я сказал ему: «Вы сердитесь, потому что я показал вам вашу рану. Вам не убежать от этой раны так просто – И даже если вы убежите, рана не исчезнет. Вы можете повернуться к ней спиной, от этого

будет только хуже; она может стать раком. Что-то нужно делать, побег — это не выход».

Вера — это бегство. Теист притворяется, будто знает. Атеист притворяется, что он также знает, знает, что Бога нет. Ни теист не пытается взглянуть в существование, ни атеист. И работа атеиста даже намного труднее работы теиста. Ведь теист пытается найти что-то — присутствие, существование Бога; у него хотя бы есть гипотеза, над которой можно работать. У атеиста совсем нет гипотезы; он начинает с идеи:

«Бога нет». Тогда что же искать и к чему стремиться? К не-Богу? Трудно иметь идею о том, что есть Бог; еще труднее иметь идею о том, что есть не-Бог.

Может быть, теист сможет случайно натолкнуться на Бога, но атеист случайно на не-Бога не натолкнется, поскольку не-Бог означает просто что-то отсутствующее. Нельзя натолкнуться на отсутствующее. Теист имеет, по крайней мере, возможность преобразовать свою веру в гипотезу о том, что: «Я не верю, что Бог существует, но гипотетически я предполагаю, что он может существовать, и я попытаюсь поискать Его». Какие гипотезы могут быть у атеиста? Он отрицает. Отрицание не может быть гипотезой. Гипотезой может быть положительность. Атеист находится в гораздо более трудной ситуации.

Но, кроме того, при другом подходе он находится в более удобной ситуации, чем теист.

Теист не может избавиться от сомнения. Оно всегда остается под его верой. Он не может отбросить его прочь. Вера и сомнение — две стороны одной монеты. Вы отбрасываете одну, при этом отбрасывается и другая. Вы сохраняете одну, сохраняется и другая. Но атеист при другом подходе находится в более удобной ситуации: Бога нет — поэтому нет и вопроса о сомнении. Нельзя сомневаться в том, чего нет. Можно сомневаться в том, что есть или может быть. Но если вы решили, что нет ничего похожего на Бога, вы не можете сомневаться. Вы не можете верить; вы не можете сомневаться. Но вы не можете и преуспеть в своем поиске.

Атеист отбросил свое сомнение гораздо более полно, гораздо более основательно, чем теист. У теиста сомнение спрятано как раз под верой. У атеиста нет спрятанного сомнения; он отбросил сомнение очень далеко, очень глубоко в бессознательное. Вы не можете полностью избавиться от него; это возможно только в том случае, когда вы не знаете о нем. Но вы можете обмануть. Атеист может обманывать намного легче, чем теист. Поэтому атеизм разрастается, а теизм сжимается.

По мере того, как человек становится более разумным, более образованным, более культурным, атеизм становится более выпуклым, более рельефным, а теизм становится чем-то не в духе времени. Даже те, кто ходит в церкви, храмы, мечети, синагоги, глубоко внутри себя знают, что все это лишь следование социальным условностям. Это хорошо, респектабельно: эти места используются ими просто как клубы. Они не верят; они даже не беспокоятся об этом.

Я был профессором в двух университетах. Последний из оставленных мною университетов имел почти сто пятьдесят профессоров. И общая профессорская комната все время жила в напряженном обсуждении всякого рода слухов, новостей. Я оставался в этом университете почти девять лет и постоянно наблюдал, слушал... Начнет ли кто-нибудь дискуссию о Боге?

Сто пятьдесят профессоров, среди которых, может быть, семь принадлежали факультету философии, пять — факультету психологии, четыре — факультету теологии, — ну хотя бы эти люди? Но нет. Обсуждались актеры, обсуждались актрисы, обсуждались фильмы, обсуждались романы, обсуждались даже любовные делишки среди студентов — была, конечно, и всевозможная политика.

Вы удивитесь, наблюдая этих сто пятьдесят людей:

девять лет я ждал... спросит ли кто-нибудь однажды, есть Бог или нет. Нет, никто. И все они были индусами, мусульманами, христианами, джайнами. Они все ходили в храм, в церковь. Все они отдавали дань уважения Богу, но

это было лишь формальностью. Это ничего общего не имело с внутренним поиском.

На самом деле в этой большой общей комнате, рассчитанной на сто пятьдесят человек, мое кресло оставалось зарезервированным для меня, поскольку меня не интересовали их сплетни, их политика, их любовные дела, их злословие и все в этом роде. Меня это не интересовало. Мое кресло сделалось постоянно закрепленным за мной – постоянных кресел не было ни у кого другого. Всякий раз, когда я приходил туда, оно было свободно для меня, никто не сидел на нем. И постепенно они забрали свои кресла подалее от моего, ведь я не интересовался всеми этими вещами, а они не интересовались тем, что интересовало меня.

Всякий раз, когда я проходил через эту комнату, они замолкали, как будто были детьми, которых застали делающими что-то плохое. И я говорил: «Продолжайте. Не беспокойтесь обо мне. Я не понимаю, почему вы внезапно замолчали, когда я вошел в комнату. Я, насколько это возможно, избегаю заходить сюда, чтобы не доставлять вам неприятностей, но иногда нет другой возможности. У меня два занятия, между которыми одно пустое. Куда я пойду на сорок минут? Поэтому я вынужден прийти посидеть здесь. Просто считайте, что меня здесь нет. Мое кресло всегда пусто. Сажу ли я здесь или нет, вам не нужно беспокоиться. Продолжайте все эти невротические разговоры, которые вам нравятся, – продолжайте; не бойтесь меня».

Даже декан моего факультета, старый человек семидесяти лет, уже ушедший в отставку из одного университета... Но поскольку он был таким авторитетом в своей области, то этот университет попросил его поработать немного еще. Он также говорил обо всех этих вещах. Он смолкал, когда видел меня. Я говорил: «Это заставляет меня почувствовать себя праведником, когда человек семидесяти лет вынужден замолкать, когда видит меня. Есть вещи, о которых я должен говорить. Вы тоже говорите о них. По крайней мере, кто-то говорит о них. Продолжайте».

деисты почти фальшивы; атеисты немного более основательны, поскольку они не закрывают свою рану верой. Если рана есть и она болит, они принимают и эту рану, и эту боль. Они немного смелее, немного ближе к началу поиска – ведь верой и мыслью о том, что вы все знаете, можно обманывать себя всю жизнь, но как долго можно говорить: «Бога нет»?

Один из моих друзей, очень знаменитый приверженец Ганди, был атеистом. Он говорил: «Пока я не пережил сам, Бога нет. По крайней мере, для меня Бога нет».

Однажды его сын, генеральный прокурор штата, прибежал ко мне и сказал: «Отец очень, очень болен, внезапный сердечный приступ. Доктора думают, что он не выживет. Он просит вас».

Я пошел с ним – они жили недалеко, в пяти минутах езды от моего дома. И когда я вошел в комнату, этот старик с закрытыми глазами совершал индуcскую джапу – повторял мантру... Рама, Рама, Рама... я удивился. Этот человек всегда говорил, что Бога нет. Что случилось? Я встряхнул его и сказал: «Откройте глаза. До того, как ваше сердце откажет, позвольте задать вам вопрос. Что вы делаете? Вы забыли, что вы атеист? Вы не должны были бы повторять имя Бога».

Он сказал: «Я знаю, но в этот момент, когда доктора думают, что у меня осталось мало времени – может быть, несколько часов или несколько минут – кто знает? И что плохого в том, что я, лежа здесь, повторяю: «Рама, Рама, Рама...» Если Бог есть, я, по крайней мере, вернулся домой. Если я заблудился утром, то вечером вернулся». В Индии есть пословица о том, что если вы вернулись вечером, то вы не заблудились – вы вернулись в конце концов. «А если Бога нет, то что плохого в том, чтобы повторять: "Рама, Рама, Рама..."»

Я сказал ему: «Это то, что я на протяжении многих лет постоянно говорил вам: вы думаете, что избавились от сомнения, – но это невозможно. Вы просто погрузили его глубоко в бессознательное. Теперь смерть вынесла его наверх».

Этот человек выжил; он и сейчас жив. И снова, когда он выжил и стал в полном порядке, он снова начал говорить об атеизме, но, по крайней мере,

не передо мной. Передо мной он говорил: «Человек слаб, и то был момент слабости».

Я сказал ему: о То был момент, показавший нечто чрезвычайно важное относительно всей вашей личности, показавший, что все, о чем вы говорите, — все фиктивно. Тот момент показал вашу реальность, продемонстрировал вас во всей вашей наготе, и странно... вы снова пытаетесь прикрыть это. И снова случится сердечный приступ, ведь сердечный приступ не та вещь, которая случается только раз. И помните, это был ваш первый приступ. Может случиться, по крайней мере, три приступа».

Он сказал: «Что же вы за друг? Вы говорите, что у меня будет еще два приступа?»

Я сказал: «Конечно. Не обманывайте себя, кого вы пытаетесь обмануть? Себя. В момент смерти вы обманывали себя идеей: "Кто знает, если Бог есть, буду молить его; если его нет, молитва уйдет без пользы, но какой от этого вред?" Вы не заплатили ничем. Вы хитрили даже с Богом. И теперь, когда вы здоровы, вы возвращаетесь на прежние позиции. Передо мной вы не говорите много, но от других я слышал, что вы снова говорите об атеизме. И пусть случится сердечный приступ... а он случится. Он должен случиться с таким человеком, как вы, поскольку вам сердечный приступ помогает». И он случился.

И я пришел к нему и сказал... а он снова совершал свою джапу. Я сказал ему: «Посмотрите! Что вы делаете сейчас?»

Он сказал: «Помолчите. Вам не следует приходить, особенно когда ко мне приходит сердечный приступ. Два приступа подряд — это слишком много».

И я сказал ему: «Помните, я пришел для того, чтобы лишь напомнить вам обо всей той фальшивой философии, о которой вы говорили между двумя сердечными приступами. Вы скоро вернетесь на свои позиции, поскольку третий приступ...»

Он сказал: «Подождите. Я не покончил со вторым, доктора не питают надежды, а вы говорите о третьем».

Я сказал: «Я хочу, чтобы вы знали и глубоко осознавали, что сомнение есть и вы подавляете его. Почему вы прежде всего хотите подавить сомнение? Потому что вы не хотите рисковать, спрашивая».

Спрашивать — это риск. Это движение в неизведанное. Никто не знает, что может случиться.

Тот, кто спрашивает, оставляет все, к чему он привык, с чем ему было удобно, он движется в неизведанное, не будучи совершенно уверенным, есть ли что-то на том берегу и есть ли даже сам тот берег.

Поэтому люди цепляются или за теизм, или — те, кто немного сильнее, интеллектуальнее, интеллигентнее, — они цепляются за атеизм. Но и те и другие бегут от сомнения. А бежать от сомнения — это бежать от вопросов, ведь что такое сомнение? Это лишь знак вопроса. Оно не враг ваш. Это просто знак вопроса внутри вас, знак вопроса, который готовит вас к тому, чтобы спрашивать.

Сомнение — ваш друг.

И я говорил о третьей категории, об агностиках. Теист — самый слабый из трех, менее культурный, менее образованный, менее интеллектуальный — просто посредственность. Вторая категория, атеист, более интеллектуальный, более культурный, и он очень старается, чтобы вопрос его не беспокоил, и говоря, что Бога нет, он откладывает вопрос как можно дальше в той части, которая касается его самого.

В споре теиста и атеиста всегда обязательно побеждает атеист. Теист не может победить. Его аргументы бедны. У него нет достаточных аргументов. Его вера очень проста, а атеист более изощрен. У него также есть вера. Его вера состоит в том, что Бога нет. Можно назвать это неверием, неверой, но это вера. Он борется за это с тем же фанатизмом, что и теист. Поговорите с любым коммунистом — все коммунисты являются атеистами, — и вы увидите, что они такие же фанатики, как и теисты. Агностик из всех трех занимает высшее положение. Агностик говорит: «У меня нет оснований говорить "да", у меня нет оснований говорить "нет". Поэтому в вопросе о Боге я буду держать свой рот закрытым».

Людвиг Виттгенштейн, ученик Бертрانا Рассела... Бертран Рассел – один из значительных агностиков этого века, а Людвиг Виттгенштейн – его лучший ученик. Рассел так хвалил Виттгенштейна, бывшего еще студентом, как редкий учитель хвалит своего ученика. Виттгенштейн был как раз студентом в философской группе Рассела. Рассел преподавал философию в Кембриджском университете, а Виттгенштейн был студентом. У Рассела был пронизательный взгляд, который мог распознать в человеке неординарную личность, если были задатки этого, а Виттгенштейн был чем-то вроде гения.

Виттгенштейн показал ему свои записи. И Рассел сказал:

«Опубликуйте это». Это были просто записи, которые он делал на занятиях, записи всяких идей, которые приходили ему в голову, просто записи, – а Рассел сказал: «Опубликуйте их. Они превосходят любую из моих книг. У меня никогда не будет такого студента, как вы. Я горд и исполнен определенных чувств от того, что вы пришли в мой класс».

Виттгенштейн написал немного, лишь две или три книги, и те состоят из сентенций, небольших высказываний. Одно из высказываний такое: «Не следует говорить о том, чего не знаешь, – ни за ни против. Следует хранить молчание, если нет твердого "да" или твердого "нет" в своем переживании». В другом пассаже он говорит: «Есть вещи, о которых нельзя говорить, поэтому нужно сопротивляться попыткам говорить о них».

Агностик превосходит всех остальных. Он не совершает дел, он остается бездейственным. Лучше оставаться бездейственным, поскольку это сохраняет в вас внимание к тому, что вы еще и не начинали поиска. Теист пришел к заключению, атеист пришел к заключению... а вы даже не начинали поиска. Агностик – лучший из всех троих, он подходит ко мне ближе всех. Теист дальше всех от меня, атеист немного ближе, агностик самый близкий, – но вы можете там и остаться. Нет необходимости в том, чтобы вы двигались в сторону поиска. Вы можете сказать, что это предельный вопрос. Вот это и говорит агностик. На всякий предельный вопрос вы не можете сказать ни «да», ни «нет». Но его молчание – это не молчание гностика.

Я сознательно не включил гностика в эти три обсуждаемые категории. Слово «агностик» происходит от слова «гностик». «Агностик» означает того, кто заявляет: «Я не уверен в том или этом». А кто такой гностик? Гностик – это тот, кто знает. В этом смысл гностика, знающего.

Агностик молчит, потому что не знает, что правильно, что неправильно; что есть «да», что есть «нет».

Гностик также молчит – ведь он пришел к невыразимому переживанию реальности.

Я – гностик.

И я хотел бы, чтобы вы все были гностиками, пришли бы к такому переживанию, когда случаются вещи, стоящие за пределами слов, когда язык остается далеко позади, на расстоянии в световые годы, когда нет возможности выразить свое переживание в понятиях.

Нельзя сказать: «Бог есть» и нельзя сказать: «Бога нет». Нельзя сказать: «Я не могу сказать этого». Можно лишь хранить молчание.

И те, кто может понять молчание, поймут ответ.

Вы можете помочь людям – гностики могут делать это, – вы можете помочь людям достичь безмолвия.

Называйте это медитативностью, осознанностью, это просто названия, но существенное качество – это абсолютное безмолвие, ничего не колеблется в вас, ничего не волнуется в вас.

И в этом состоянии есть божественность.

Это состояние вне места. Оно внутри вас, оно вне вас.

Поэтому я сознательно поставил категорию «гностик» отдельно, ведь гностик не может быть поставлен рядом с тремя другими категориями. Это совершенно другой человек. Он знает – те трое не знают. Один «как будто» знает. Другой «как будто» не знает, то есть знает, что Бога нет. Третий определенно знает, что он не находится в положении, когда может сказать «да» или «нет». Но все они невежественны.

Гностик знает, – но именно потому, что он знает, он находится в затруднении, в котором может быть только знающий. Он не принимает ни одну

категорию, поскольку все категории слишком коротки. Даже сказать: «Бог есть», – недостаточно. Это не переключает всего переживания божественности. Сказать: «Бога нет», – этого тоже недостаточно, ведь определенно нет никакой персоны Бога, и поэтому вы можете сказать: «Бога нет», – но какое-то присутствие есть! Персоны нет, но есть какое-то потрясающее присутствие, так что незачем беспокоиться о персоне. И это присутствие бесконечно, вечно.

Если вы хоть раз ощутите его, оно останется с вами навсегда.

Гностик – вот по-настоящему религиозный человек.

Бхагаван, Если Бога нет, то что такое молитва?

Молитва – следствие теизма. Вы начинаете с веры в Бога, тогда, естественно, между вами и Богом необходим некоторый род связи. Это молитва.

Вы начинаете молиться ему. Конечно, для этого у вас есть некоторые основания, своей молитвой вы просите о чем-то.

Ваша молитва не является чисто любовным делом, нет – это бизнес.

Как следствие этого, вы молитесь, когда у вас неприятности; когда неприятностей нет, вы не молитесь. Когда вы в каком-то затруднении, не можете справиться с чем-то, вы молитесь, поскольку нуждаетесь в помощи Бога. Когда затруднений нет, вы забываете и Бога, и молитву.

Есть знаменитая суфийская история о том, как корабль возвращается в свою родную страну. Внезапно океан сходит с ума... жуткий ветер, корабль на краю гибели. Все начинают молиться. В такой момент, кто не начнет молиться? Даже атеист молит, даже агностик молит, он говорит в своей молитве: «Прости мне то, что я говорил, это все чепуха. Прости мне и позволь добраться до берега».

Один суфий просто сидел там и не молился. Люди разгневались на него и сказали: «Ты религиозный человек, носишь одеяние, зеленое одеяние суфиев. Что же ты за суфий? Ты должен был бы молиться первым. Мы не религиозные люди, мы просто люди бизнеса, для нас эта молитва, как и все наши дела, не что иное, как бизнес. Мы предлагаем Богу: "Мы дадим тебе то, мы дадим тебе это, только спаси нас". Почему ты сидишь в молчании? Почему ты не молишься?»

Он сказал: «Вы уже сказали, почему: я не бизнесмен. Если он хочет покончить со всеми нами, хорошо. Если он хочет спасти нас, хорошо. Я с ним в полном согласии. Почему я должен молиться? Для чего? Молитва означает некоторое несогласие, она означает, что происходит что-то, чего вы не хотели бы. Вы хотите, чтобы Бог вступился за вас, вмешался, прекратил это, изменил обстоятельства».

Суфий сказал: «У меня нет своего бизнеса. Это его дело побеспокоиться о том, чтобы спасти или утопить. Если он хочет, чтобы этот суфий был спасен, то это его дело, не мое. И если он хочет, чтобы я умер, это его дело. Я не просил о рождении; я появился здесь неожиданно. Могу ли я просить о смерти? Если рождение не находится под моим контролем, то почему смерть может быть под ним?»

Те люди подумали: «Этот человек сошел с ума». Они сказали: «Мы займемся тобой позднее. Дай нам только как-то добраться до берега, и мы займемся тобой. Ты не суфий, ты не религиозный человек; ты очень опасный человек. Но сейчас не время беспокоиться о тебе и спорить с тобой».

А на борту был самый влиятельный, самый знаменитый человек страны, он поднялся на борт с миллионами бриллиантов и драгоценных камней. Он нажил очень много. У него в городе был прекрасный дворец – самый прекрасный мраморный дворец. Даже царь завидовал ему. Даже царь много раз просил его: «Отдай мне этот дворец – назови любую цену, и я заплачу».

Но этот безумец говорил: «Это невозможно. Этот дворец – моя гордость». Когда корабль почти уже утонул, этот человек закричал, обращаясь к Богу: «Послушай, я отдам тебе этот дворец. Только спаси меня». И так случилось, что ветер стих, океан успокоился, корабль был спасен. Они достигли побережья.

Теперь этот богач оказался в большом затруднении из-за своих слов. Раньше он был в гневе на суфия – теперь гнев прошел. Он сказал: «Может

быть, ты был и прав, что хранил молчание. Если бы я следовал твоему примеру, я не потерял бы своего дворца. Но я бизнесмен, я найду выход». И он нашел выход.

На следующий день он выставил дворец на аукцион. Он уведомил все ближайшие царства, всех, кто был заинтересован. Пришло много царей, цариц, богатых людей; заинтересованы были все. Все они были озадачены, увидев, что как раз перед дворцом сидел кот, прикованный цепью к мраморной колонне дворца. Богач вышел и сказал: «Этот дворец и этот кот выставляются на аукцион одновременно. Цена кота – миллион динаров», – это были их доллары, миллион долларов, – «цена кота – один миллион долларов, а цена дворца – один доллар:

один миллион и один доллар».

Люди сказали: «За этого кота – один миллион долларов? А за этот дворец – один доллар?»

Бизнесмен сказал: «Не беспокойтесь об этом. Если вы заинтересованы, то знайте, что они продаются вместе. На меньшее я не согласен. Если кто-то заинтересован, то это моя минимальная цена».

Царь этой страны сказал: «Да, я дам вам цену, но скажите мне, пожалуйста, в чек секрет этого кота и дворца?»

И он сказал: «Секрета нет – у меня просто неприятности из-за молитвы; я сказал Богу, что дам ему дворец. А я бизнесмен; если он бизнесмен, то я тоже бизнесмен. Кот – один миллион долларов, – и эту сумму я удержу у себя. А дворец – один доллар, – и эта сумма пойдет в фонд Бога».

Молитва – это просто ваша попытка убедить Бога поступать в соответствии с вами. А это абсолютно ваше воображение. Прежде всего, вы не знаете Бога. Вы не знаете, что ему нравится и что не нравится. Вы не знаете, существует ли он или нет. Но молитесь. Это плохая постановка дела, и так происходит по всему миру.

Я против молитвы, потому что это в основном бизнес.

Это подкуп Бога.

Это надежда на то, что вы можете подкрепить его это: «Ты великий, ты сострадательный, ты можешь сделать все, что захочешь». И все это говорится потому, что вам что-то нужно. За всем этим лежит обоснование – иначе бы вы не молились,

Я против молитвы, я за медитацию.

И есть лишь два измерения: молитва, измерение ложное; медитация, измерение истинное.

В молитве вы прежде всего пытаетесь вообразить Бога, а потом представляете молитву. В медитации вы не представляете себе никакого Бога, вам не нужно верить ни в какого Бога, вам не нужно произносить ни единого слова молитвы. Напротив, вы движетесь внутрь себя. В молитве вы движетесь вовне:

Бог там... и вы строите мост молитвы между собой и Богом.

В медитации нет Бога – там. Вы ищете внутри. Вы ищете внутри, что есть здесь. Кто я? Что есть эта жизненная энергия? Что есть это сознание во мне?

Если я смогу узнать лишь это сознание, эту жизнь во мне, я узнаю жизнь вселенной, я – часть ее.

Попробуйте на вкус океан, где угодно – он соленый-Попробуйте на вкус себя – это самое близкое к вам место, внутри вас, – попробуйте на вкус ваше сознание в тишине и покое.

Молитва будет мирской. Снова вы будете произносить слова, распевать, использовать мантру или что-то еще. Нет, в медитации слова должны быть отброшены, вы должны научиться оставаться без слов, даже на краткие мгновения. Но в эти краткие мгновения нисходит так много благословения. В эти маленькие промежутки вся вселенная начинает изливаться, на вас.

Я за медитацию и против молитвы.

Медитатор познает, он чувствует в себе биение реальности – пульсацию существования. И тогда без всякого обоснования возникает благодарность, признательность не кому-то конкретно, но просто признательность всем за все это.

По-моему, если вам нужно что-то вроде молитвы... но тогда это любовное дело, подлинное дело, не требующее никакого обоснования. Как благодарность, не адресованная никому конкретно, адресованная целому.

Беседа 15

СВЯЩЕННИК И ПОЛИТИК – МАФИЯ ДУШИ

13 ноября 1984 года

Бхагаван,

Почему мир так болен сегодня? Почему возрастают напряженность и страдание?

Это следствие всех тех идиотических идей, которые владели человечеством в прошлом. Так должно было случиться.

За это несут ответственность все религии. То, что они сделали, сознавая это или нет, является причиной несчастья, страдания, боли всего человечества. Давайте одну за другой обдумаем самые основные причины.

Первая. Все религии навязывали идею о том, что мир был создан Богом и что Бог всеведущий, всемогущий, вездесущий. Он знает все. Он всесилен. Он везде.

Эта идея отстраняла человека от того, чтобы делать что-нибудь для улучшения, украшения жизни. Когда кто-то всезнающий, всесильный, вездесущий присматривает за миром, то что можно сделать? Далеко ли можно видеть? Каким может быть ваш вклад? Если Бог – создатель мира, вы не в состоянии исправить его. Если вы что-то сделаете, то только причините вред. Вы не можете указывать миру; вы не можете быть мудрее Бога.

Эта идея – одна из основных причин всей боли, в которой живет человечество и в которой оно может погибнуть. Только подумайте... я так вижу это: нет Бога, создавшего мир и присматривающего за миром. Не перекладывайте эту ответственность на кого-то, кто не существует. Это мы, те, кто находится здесь, со всех точек зрения несем ответственность за появление или исчезновение различных возможностей.

Устраните Бога и поставьте на его место человека, и у вас будет совершенно иной мир.

Страдание абсолютно не нужно. Боль – это наша глупость.

Человек может жить чрезвычайно богатой, блаженной, восторженной жизнью. Но прежде всего он должен принять на себя ответственность.

Все религии учили вас преуменьшать свою ответственность. Переложите ее на Бога... но Бога нет.

Вы ничего не делаете, поскольку думаете, что Бог все сделает, – но нет Бога, который бы все сделал. Чего же еще ждать? То, что происходит, и произошло, и еще произойдет, – все это естественное следствие идеи создателя.

Если бы человеку сказали: «Это твое существование. Ты отвечаешь за то, что ты есть, за то, что ты делаешь, за то, что происходит вокруг тебя. Будь зрелым. Не оставайся в детстве...»

Но это Бог не дает вам становиться зрелыми, Его божественность основывается на вашей незрелости, на вашей инфантильности.

Чем более глупыми, более доверчивыми являетесь вы, тем более великим является Бог. Чем вы разумнее, тем Бог ничтожнее.

Если вы разумны по-настоящему. Бога нет.

Тогда есть это существование, есть вы; тогда создавайте. Но этот создатель не дает стать создателями вам.

Весь мой подход заключается в том, что создателями должны стать вы.

Вы должны освободить свою созидательную энергию. И это возможно только в том случае, если этого Бога, который на самом деле есть не что иное, как божок, удалить, абсолютно удалить из поля зрения вашей жизни.

Да, вначале вы будете чувствовать пустоту, поскольку то место для Бога в вас было заполнено... миллионы лет он был там; священный алтарь вашего сердца был полон идеей Бога. Теперь, внезапно отбросив ее, вы почувствуете пустоту, испуг, потерю. Но чувствовать пустоту хорошо. Хорошо чувствовать испуг. Хорошо быть потерявшим – ведь это реальность, а

то, что вы чувствовали раньше, — это только вымысел. Вымыслы не могут помочь — они могут дать вам утешение, но утешение — это не доброе дело.

То, что нужно, — преобразование, а не утешение. То, что нужно, — лечение от всех ваших болезней, а не утешение.

Поэтому первое, что нужно, — это удалить Бога. Не ждите никакого Бога. Его нет. И никогда не было.

Фридрих Ницше сказал... Я не согласен с ним, но мое несогласие совершенно отличается от несогласия тех других, кто тоже не согласен. Ницше говорит: «Бог мертв». Конечно, с этим не согласны христиане, с этим не согласны мусульмане, с этим не согласны индусы, с этим не согласны буддисты, все встали против Фридриха Ницше. Я тоже против него, но причина, по которой я против идеи о смерти Бога, заключается в том, что он никогда и не был живым. Даже сказать: «Бог мертв», — означает принять то, что он был, а теперь его нет. Нет, прежде всего его никогда и не было здесь. Человек жил вымыслом.

И эта ситуация, это страдание, эта растущая напряженность... Напряженность так велика, что теперь в наиболее развитых странах вторым важнейшим фактором, вызывающим смерть, является не болезнь, а самоубийство. День за днем человек чувствует себя предельно напряженным, и кажется, что из этого нельзя выйти. И боль нарастает. И невозможно даже увидеть причину, из-за которой мы страдаем. Почему мы должны страдать? Что мы сделали?

Жизнь сама по себе представляется бессмысленной. Смысл появляется в жизни разумного человека, когда он видит, что все тщетно, бесцельно.

Зачем же все время отравлять себя? Почему бы не покончить с этим? Это не причиняло вам ничего, кроме боли. Это не причинит вам ничего, кроме боли. Да, это что-то вроде опиума. Надежда... может быть, завтра все переменится. Может быть, если не сегодня, то завтра вы получите мгновение блаженства..

Но даже тогда... это не представляется стоящим делом. Таким долгим был караван несчастий. Может быть, один раз наступит момент, когда вы улыбнетесь, рассмеетесь. Момент наступит и уйдет. Может быть, он был лишь в вашем воображении. Просто, чтобы поддержать себя, вы начинаете мечтать о вещах, которых на самом деле нет; вы лишь хотели бы, чтобы они были. В действительности это было сновидение.

Знаете ли вы... это странное открытие современной психологии. Столетиями мы думали, что сновидения бесполезны, что это просто ночное беспокоество. Считалось здоровым иметь сон без сновидений. На протяжении десяти тысяч лет йога учила, что сон без сновидений — самое прекрасное переживание, но то, что было обнаружено недавно, идет прямо вразрез со всем этим. Можно без всякого вреда для себя отбросить моменты, когда сновидений нет, но сновидения отбросить нельзя.

Если вы спите восемь часов, то почти два часа — в сумме — вы спите без снов, а в течение шести часов видите сны. Это было проверено в экспериментах, теперь мы это знаем. Есть приборы, показывающие, спит человек или нет. Даже без приборов, только взглянув на его веки, можно тут же узнать. Если глаза под веками двигаются, то человек видит сны, поскольку он видит предметы, их движение. Если глаза статичны, не двигаются, не видно движения глаз под веками, то это означает, что сновидение прекратилось. Не нужны изощренные приборы. Но теперь изощренные приборы есть, они позволяют вычерчивать записи сновидений человека, когда он спит, когда он не спит, — что-то вроде кардиограммы.

Спящих будили во время сновидения; будили немедленно, поднимали их. Им разрешали спать только те два часа, в течение которых нет сновидений. Под утро эти люди оказывались совершенно истощенными, лишенными свежести, не имевшими даже желания жить. Это странно, поскольку вся старая йога в Индии, на Тибете, в Китае — различные школы и различные люди, совсем не связанные друг с другом, — все они всегда говорили: «Если у вас будет даже два часа сна без сновидений, этого будет достаточно, достаточно для омоложения вас». Выяснилось, что это не так. .

Но если спящих беспокоили в течение тех двух часов, когда они не видели снов, и позволяли им спать в течение шести часов со сновидениями, то по утрам они вставали такими свежими, такими молодыми, такими омоложенными, такими полными жизни и страстного желания жить.

Когда это было открыто впервые, то явилось шоком. Сновидения абсолютно необходимы для людей, – но по какой причине? Найти причину не смогли. Причину никогда не смогут найти, поскольку эта причина может быть найдена только посредством глубокой медитации, другого способа найти ее нет. Психологическими экспериментами невозможно будет найти, в чем причина.

Но в медитации происходит нечто, что находится вне сна, вне сновидения. Нет ни того, ни другого; нет ни сновидения, ни сна.

Вы находитесь в состоянии полного осознания. Тело крепко спит в глубоком покое, но ваше сознание абсолютно безоблачно.

Сна нет. Внутри себя, подобно пламени, вы все осознаете, вы бдительны, вы наблюдаете, – что нет ничего, что можно наблюдать! Тело спит, и нет ничего, что можно наблюдать. Но наблюдатель есть.

Вы можете наблюдать только наблюдателя. Вы можете смотреть только на смотрящего. Вы можете осознавать только свою осознанность. Но сна нет, нет сновидения. И утром вы свежи настолько, насколько это только возможно.

Поэтому психологи не смогут, они не смогли и никогда не смогут ничего узнать, если только не начнут двигаться в сторону медитации. Но не видно ни одного признака такого движения. На самом деле они очень антагонистичны по отношению к медитации. И я могу понять почему. Они антагонистичны по отношению к медитации потому, что медитация может разрешить все ваши проблемы, может разрешить все ваши психические тревоги, а с ними уходит вся профессия психолога.

Точно так же испуган священник... нельзя сомневаться в Боге; испуган политик: нельзя сомневаться в священнике. Ведь если под сомнением Бог, то священник уходит, уходит вся эта профессия. А в мире миллионы священников: индуисты, католики, иудеи, раввины, миссионеры, брамины, имамы, шанкарачарьи – миллионы священников в мире, зависящих от единственной концепции Бога. Отбросьте эту идею, и всех их не будет. Сейчас у них огромный престиж, власть. Кем будет папа, если Бога нет? Какое у него будет положение? Этот папа, этот поляк, должен будет отправиться обратно в Польшу. А Польша сейчас – коммунистическая страна. Он станет посмешищем.

Бога нет. Вместе с ним исчезает и Дух Святой, исчезает и сын.

Бог – вот главный фокус всего вымысла.

Устраните главную идею, и весь картонный домик просто упадет на землю. Нужен только небольшой кнут.

Психолог боится медитации. Сейчас психолог – огромная профессия. Евреи никогда не делают маленьких вещей. Они создали это глупое христианство и в течение двух тысяч лет выражали недовольство: *Мы упустили шанс. Мы должны были бы создать эту великую профессию, которую создали христиане. Как это мы упустили Иисуса? Это был большой бизнес, а мы упустили его. Мы не сумели разглядеть, что этот человек даст начало такому большому делу». Он основал величайший бизнес в мире. Евреи не могут простить ему этого. Если бы они получили его снова, они снова распяли бы его, на этот раз по другой причине: «Почему ты прежде не сказал нам, что это станет таким большим бизнесом? Мы бы не распяли тебя».

Потом они чуть было не упустили второго, Зигмунда Фрейда. Но на этот раз они были более бдительными, они упустили так немного. Деяносто процентов этой профессии все еще в руках евреев. Все великие психологи, психоаналитики, терапевты, девяносто процентов из них – евреи. Это их монополия. И Фрейд одной рукой создал целую профессию, целую науку. Он очень сильно боялся медитации, потрясаясь боялся.

Юнг, его ближайший ученик и вначале возможный последователь, очень сильно боялся медитации... Когда он прибыл в Индию, то куда бы он ни пошел, – а посещал он и Кхаджурахо, и Тадж-Махал, и Фатепур-Шикри, все древние места, – повсюду ему предлагали: «Вам следует отправиться в

Аруначал на юге Индии, на самом юге – глубоком юге. Там есть человек, Шри Рамана, который может дать вам огромное понимание человеческой природы, дать то, над чем вы работали всю свою жизнь». Но он боялся отправиться туда.

А Рамана был определенно тем человеком, который мог бы дать ему, мог бы поделиться с ним чем-то в медитации. Но он не пошел к нему. Он отвергал такие предложения, говоря:

«Вся эта медитация ненаучна». Все его утверждения ненаучны, потому что никто не попытался исследовать медитацию научными методами. На каком основании он говорит, что вся эта медитация ненаучна?

Я знаю пространство, где нет сна, нет сновидения, а я все еще есть. Конечно, сновидения необходимы, но не для меня.

Возможно, девяносто девять и девять десятых процента людей или даже больше нуждаются в сновидениях, шесть часов сновидений за ночь. И вы думаете, что это все?

Разве вы не видите сны и днем?

В любое время закройте глаза и вы увидите, что сновидения есть, они бегут. Сновидение есть всегда. Вы слушаете меня, и сновидение здесь. Вы идете по дороге, и сновидение движется внутри вас. Конечно, когда вы идете, ваше внимание разделяется. Вы должны быть бдительными по отношению к внешнему миру, иначе люди подумают, что вы потеряли ориентацию в пространстве, находитесь вне пространства. Вы не находитесь вне пространства, вы находитесь внутри! Ваше внимание больше не направлено вовне. Вы омрачены сновидениями и забыли об объективном мире. Шесть часов ночью, а сколько часов днем? Еще никто не измерил, сколько часов днем вы имеете сновидения. Я не думаю, что и днем в течение двух часов, как это имеет место ночью, вы обходитесь без сновидений.

Я не думаю, что у вас есть два часа в день без сновидений, поскольку если вы можете иметь два часа без сновидений, полностью осознанных, то эти два часа станут вашей медитацией. Они откроют вам секреты огромной ценности.

Но обыкновенные люди, средний человек, нуждаются в сновидениях – почему? Потому что жизнь, в действительности, так неудовлетворительна, так безобразна, так омерзительно безобразна.

Эти сновидения замещают ее. Они прекрасны. Они приносят в вашу жизнь благоухание, надежду, вымысел, они помогают вам оставаться душевно здоровыми. Реальность выводит вас из душевного равновесия.

И для меня Бог, Дух Святой, и сын, и папа, непогрешимый папа, – конечно, он должен быть непогрешимым; он представляет мессию, единственного порожденного сына Божьего; как он может быть погрешимым? – непогрешимый папа... И в каждой религии есть подобные вещи. Вам нужны эти люди. Они – вымыслы, созданные вашим несчастьем, хитрецы, пользующиеся вашим несчастьем, чтобы эксплуатировать вас и утверждать свою власть.

Политику тоже нужны эти люди. Даже сумасшедший политик, такой, как Адольф Гитлер, нуждается в благословении Божьем. Если Бога нет, то кто благословит Адольфа Гитлера? И главный христианский священник в Германии благословляет его – посмотрите на это чудо. Адольфа Гитлера благословляет Божий священник: «Вам будет сопутствовать успех». Черчилля благословляет в Англии тот же Божий священник: «Вам будет сопутствовать успех». Бенито Муссолини благословляет сам папа: «Вам будет сопутствовать успех». И никто не видит противоречия, что один Бог, один непогрешимый папа... ведь этот германский священник под властью папы!

Но папа вынужден благословлять Бенито Муссолини, иначе Муссолини выгонит его прочь и поставит на его место кого-нибудь другого, кто будет готов благословить его. Когда Бенито Муссолини при власти, он не является фашистом. Даже папа говорит: Юн самый мудрый человек, самый демократический, самый гуманный», – Бенито Муссолини! И тот же самый папа после свержения Бенито Муссолини объявит его фашистом. И это непогрешимые люди. Теперь есть другой политик, которого надо благословлять, противник Бенито Муссолини; они благословят и его.

Разве вы не видите заговор между священником и политиком? Они дурачат людей. Священник от лица Бога дает санкцию, подтверждает, что этот человек достоин, чтобы быть президентом, этот человек достоин, чтобы быть вице-президентом, премьер-министром. Конечно, политик нуждается в этом, поскольку массы будут слушать священника: священник беспристрастен, он не имеет ничего общего с политикой, он выше политики... Это не так!

Священник в руках политиков.

Далай-лама – это папа на самом деле, он Для буддистов даже выше папы, поскольку он не является представителем Иисуса, он является воплощением самого Будды – не представителем, но воплощением самого Будды. Далай-лама убежал из Тибета, поскольку Китай стал коммунистическим и объявил, что Тибет является его частью. Один раз так было – двести, триста лет назад. Было время, когда китайский император завоевал Тибет, и Тибет был частью Китая. И конечно, тибетцы и китайцы принадлежат одной расе.

Далай-лама вынужден был бежать, поскольку был одновременно и религиозным, и политическим руководителем. И он никогда не думал, что кто-нибудь будет нападать на Тибет. Это такая изолированная страна, на вершине мира, настолько удаленная от всех других мест; там нет железных дорог, там нет автомобилей, там нет автодорог: технология не добралась туда. Люди все еще живут так же, как и пять тысяч лет назад.

Он вынужден был бежать, поскольку у него не было большой армии. Он никогда не думал, его предшественники никогда не думали, что кто-то будет нападать на них, – так трудно нападать, так трудно добраться до Тибета. Но Мао решил захватить его. Это было слишком важное место, чтобы оставить его, ведь его могла захватить Россия и тогда для Китая возникла бы огромная опасность. Поэтому до того, как кто-нибудь другой подумал, – Китай прыгнул. Тибет – маленькая страна, у Далай-ламы были незначительные полицейские силы, может быть, сто полицейских – охрана дворца. Это было все, да больше и не нужно было. Армия? Они никогда не думали об армии.

Но воплощение Будды бежал из Тибета, забыв о людях, которых он эксплуатировал, которых на протяжении тысяч лет эксплуатировали его предшественники. Тибет – бедная страна, но Далай-лама – один из богатейших людей мира. Весь дворец в Лхасе был заполнен золотом и ничем другим. Странно даже подумать... что Далай-лама сбежал со всем золотом из дворца в Лхасе, а не со всеми древними священными книгами – ведь был ясный выбор: можно взять то, можно взять это... Священных книг было так много, что потребовались бы тысячи автомобилей, чтобы увезти их в Индию. А у него было так много золота, и золото должно было быть отправлено первым, поскольку без золота что ему делать в Индии? И беженцам, которые последовали за ним из Тибета, что им делать? Поэтому священные книги были оставлены; золото унесли – и это воплощение Будды.

Китай немедленно посадил на трон его младшего брата, Панчен-ламу, в качестве главы страны. Политики не могли без этого, поскольку массы не послушались бы. Теперь массы совершенно счастливы. Какая разница – Далай-лама или Панчен-лама? Один собирался стать преемником другого, был вторым в очереди. Если Далай-лама умирает или что-нибудь случается с ним, главой становится Панчен-лама. А Далай-лама сбежал. И Китай выставил его на посмешище: «Вы верили ему, а он обманывал вас; и не только это – он украл ваше золото».

Когда Далай-лама прибыл в Индию, там премьер-министром был Джавахарлал Неру. Он приветствовал его. В этом была его политика, поскольку когда-то в Индии буддизм был религией почти всей страны. Но после смерти Будды индусы разрушили все, что только можно. Поэтому все буддийские монахи вынуждены были бежать... так стал буддийским Тибет, стал буддийским Цейлон, стала буддийской Япония, стал буддийским Китай, стала буддийской Корея, стал буддийским Вьетнам, стал буддийским Индокитай, стала буддийской Бирма, вся Азия... за исключением Индии, где родился Будда и где он работал и преобразовывал людей.

В Индии буддизм полностью исчез. Буддийские монахи или вынуждены были покинуть Индию, или были убиты, сожжены заживо, или были низведены до самой низшей индийской касты – до неприкасаемых, шудра. В Индии чамары,

башмачники, все они раньше были буддистами – их низвели, заставили делать только башмаки и ничего другого. В такой стране, как Индия, где вегетарианство почитается одной из основ религии, кто будет убивать животных и делать башмаки и другие вещи из кожи? Буддистов заставили... «Если хотите жить, и жить здесь, тогда выбирайте эту профессию». Все были счастливы; индусы и джайны были счастливы, что буддистов поставили на нужное место.

Но что произошло? После обретения независимости один человек, доктор Амбедкар, начал обращать чамаров, башмачников, обратно в буддизм. Он обратил в буддизм тысячи людей. Он создал огромное движение по возвращению обратно в буддизм, и стало очень вероятным, что к буддизму вернутся миллионы людей. Он умер, но оставил после себя большие буддийские силы.

Неру хотел, чтобы эти силы были с ним. Далай-лама был абсолютно подходящим человеком, поскольку все эти буддисты слушались бы его. А Далай-лама вынужден был слушаться Джавахарлала, в противном случае... «Отправляйтесь обратно или отправляйтесь, куда хотите». Джавахарлал предоставил ему свободу действий – это против Китая. Китай поднял вопрос о том, что: «Это приведет к тому, что мы больше не будем друзьями. Выдайте нам Далай-ламу».

Они хотели заполучить Далай-ламу потому, что Панчен-лама не был так влиятелен. Хотя тибетцы и приняли его, но Далай-лама был их признанным лидером. Эта ситуация была навязана китайцами, она была принята неохотно. Если бы Далай-лама был возвращен в Китай, его заставили бы быть в Тибете, стать снова Далай-ламой... но инструкции поступали бы от Мао Цзе-дуна: «Страна будет под нами». Неру отказался выдать им Далай-ламу.

Вы удивитесь, даже такая страна, как Америка... Четыре года назад Далай-лама был приглашен американскими буддистами. Они пригласили Далай-ламу, поскольку в Америке есть несколько дзэнских монастырей и немного американских буддистов. Американское правительство не разрешило ему въезд в страну, так как это привело бы к обострению отношений с Китаем. И для Америки Далай-лама не имеет большого значения, поскольку не имеют большого значения эти немногие буддисты.

Я говорю вам, что эти политики и эти священники постоянно в заговоре между собой, работают вместе, рука об руку. Политик имеет политическую власть, священник имеет религиозную власть. Политик защищает священника, священник благословляет политика, – а массы эксплуатируются, из них высасываются соки; их кровь сосут и те и другие.

Устраните Бога, и вы устраните политика, устраните политику, устраните священника, устраните заговор между политиком и священником.

И когда эти двое будут устранены, исчезнут пятьдесят процентов ваших несчастий.

Идея Бога дает вам мечту о лучшей жизни... после смерти, может быть, в раю или в ином воплощении. Поэтому не о чем особенно беспокоиться: эта жизнь – лишь небольшая частичка, какое она может иметь значение? Среди миллионов и миллионов световых лет какое значение могут иметь семьдесят лет? Совершенно никакого.

Есть звезды, расположенные так далеко от нас, что их лучи, начавшие свое движение к Земле в день вашего рождения, еще не добрались сюда. Вы умрете, может быть, когда-нибудь – тогда эти лучи доберутся. А лучи движутся с потрясающей скоростью, сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду, триста тысяч километров в секунду. Для такой звезды вы никогда не существовали. От вашего рождения до вашей смерти ни один луч не мог добраться сюда, чтобы посмотреть на вас, коснуться вас. Это то, что касается этой звезды... а там далеко имеются миллионы звезд – Что говорить о вас – есть звезды, лучи которых не достигали Земли с момента ее возникновения. И она может перестать существовать, а те звезды никогда и не узнают, что была такая планета – Земля.

Что же говорить о ваших Александре Великом, Наполеоне Бонапарте, Иване Грозном? Они совершенно не имеют никакого значения во всей этой огромной вселенной. Семьдесят лет... поэтому религии и говорили людям: «Семьдесят

лет не имеют значения. Это несчастье пройдет, и если вы дадите ему уйти, не борясь с ним, то в следующей жизни, в жизни после смерти, вас ждет великая награда».

Эти люди не дают вам менять ситуацию на Земле.

Конкретно, они воспрепятствовали преобразованию человека, поскольку все страдания, которые вы видите повсюду, коренятся в человеке.

И если человек останется тем же, эта напряженность будет нарастать, будет нарастать эта боль.

И очень вероятно, что к концу этого столетия человечество совершит самоубийство путем глобальной войны.

И не так трудно представить себе такую возможность, поскольку люди, находящиеся у власти, люди, владеющие ядерным оружием, это люди третьесортные. Кажется, что для того, чтобы быть успешным политиком, нужно быть абсолютно неинтеллигентным, фанатичным, лживым, нужно постоянно обещать, хорошо зная, что никакие обещания не будут выполнены, нужно мошенничать, прятать мерзкую действительность за красивыми словами.

Сейчас каждая большая, мощная страна переполнена ядерным оружием. Его так много, что если мы захотим, то можем прямо сейчас уничтожить семьдесят таких планет, как Земля. Ядерного оружия так много, что каждого человека можно уничтожить семьдесят раз, хотя этого совсем не нужно, одного раза достаточно; но политики не хотят упустить ни одного шанса. Их лица — это все маски. Они говорят одно, а делают другое. И в руках таких людей власть. Любой чокнутый может нажать на кнопку и покончить со всем человечеством, со всей жизнью на Земле.

Но, может быть, глубоко внутри человечество тоже хочет избавиться от всего этого. Может быть, индивидуально у людей нет смелости совершить самоубийство, но в массовом масштабе они готовы на это.

Всегда помните, отдельные люди не совершают великих преступлений. Великие преступления совершаются всегда толпами, поскольку в толпе отдельный человек не чувствует:

«Я отвечаю за то, что происходит». Он думает: «Я просто вместе с другими людьми». Когда вы что-то совершаете индивидуально, вы должны три раза подумать о том, что совершаете. Что делаете? Правильно ли это? Разрешает ли вам это ваше сознание? Но ничего подобного нет в толпе, в толпе вы можете затеряться. Никто никогда не сможет раскрыть, что вы были ее частью.

Даже такая страна, как Германия, о которой говорили, что она самая разумная, культурная, изощренная, давшая великих поэтов, художников, ученых, философов... во всех измерениях вклад Германии огромен. Но можно только удивляться, что страна Гегеля, Фейербаха, Канта, Маркса, Фрейда, Эйнштейна — эта страна попала под власть Адольфа Гитлера, который был не чем иным, как сумасшедшим.

Что случилось? Даже такой человек, как Мартин Хайдеггер, который был ведущим философом современного мира, поддержал Адольфа Гитлера. Когда думаешь об этом, испытываешь шок... Я всегда высоко ценил этого человека, поскольку его разум был несравненен. Другие философы далеко позади него: Сартр, Марсел Ясперс — далеко позади. Никто не приближается к нему; даже понять его было не просто. Но он поддержал Адольфа Гитлера. И когда Германия проиграла войну и Адольф Гитлер покончил с собой, тогда он как бы проснулся ото сна. Тогда он осознал, что же сделал: «Этот человек был просто сумасшедшим, а я поддержал его».

Это то, о чем я и говорю: вы можете спать даже в том случае, когда ваши глаза полностью открыты. Он спал и воображал в своих снах Адольфа Гитлера, поскольку видел, что у этого человека власть, власть воздействовать на массы, которой не было у Мартина Хайдеггера. Сам же он не мог дать ни одного выступления, поскольку никто не понимал его, все уходило. То, как он говорил, то, о чем он говорил, те сложности, которые он вносил... кто же будет слушать его?

Он был профессором философии в университете, на самом деле, во многих университетах — по той простой причине, что, где бы он ни профессорствовал, студенты прекращали ходить на занятия. Он был намного

выше всех; он был у них над головами. Если такой человек собирается экзаменовывать вас – с вами все кончено. И после двух-трех лет пребывания в одном университете университет просил его: «Уезжайте; никто не хочет идти к нам». Наконец, решили сделать его вице-президентом университета, чтобы он только не учил.

Он не имел власти над массами – и он видел Адольфа Гитлера: массы были просто очарованы им, были почти в состоянии гипноза. Поэтому он представлял себе, что то, о чем он мечтал, каким должен быть мир, что это сможет сделать этот человек. Но сам он был невиновен. Он не понимал, что у этого человека были свои бредовые идеи относительно устройства мира. Он не собирался слушать никаких философов. И уж Мартин Хайдеггер был точно вне его понимания. Он не смог бы даже поддержать разумного разговора с ним.

Религии давали человеку вымыслы, которыми он жил. Теперь все эти вымыслы разбиты, и человеку не осталось ничего, чем можно жить, – отсюда и боль.

Боль – это не обыкновенное состояние тревоги – Тревога, беспокойство всегда концентрируется вокруг определенной проблемы. У вас нет денег – вот и тревога; у вас недостаточно одежды, а наступают холода, вот и определенное беспокойство;

вы больны, и у вас нет лекарств – тревога. Беспокойство по поводу определенной проблемы.

Страдание не связано с проблемой как таковой. Просто все кажется бесплодным, тщетным. Даже дышать представляется ненужной тяготой, потому что – что случится завтра? Вчера вы тоже думали, что что-то случится завтра... сегодня наступило это вчерашнее завтра – и ничего не произошло. И так продолжается годами. А вы все время воображаете себе завтра.

Приходит момент, когда вы начинаете осознавать, что ничего и не должно случаться. Тогда наступает состояние страдания. В состоянии страдания есть, кажется, только одно:

как бы выйти из этого круга жизни – отсюда самоубийства, возрастание интенсивности самоубийств. Отсюда бессознательное желание человечества, чтобы произошла третья мировая война... «Я не отвечаю за свое самоубийство... это война убила всех – и меня тоже».

Но вся эта ситуация может быть изменена.

Мы просто должны изменить все исходные посыпки старого человека: устранить Бога, устранить небеса и ад, устранить идею о будущем вознаграждении – устранить идею о том, что должен прийти какой-то мессия и спасти вас от ваших страданий.

Отбросьте идею о том, что кто-то другой отвечает за ваши несчастья и страдания; отбросьте идею о том, что кто-то другой может дать вам смысл жизни.

Воспримите то, что вы один – рождены один и умрете один.

И вы должны воспринять тот факт, что вы живете один – может быть, в толпе, но вы живете один, может быть, со своей женой, подружкой, другом, но и они одни в своем одиночестве, а вы один в своем, и эти одиночества не касаются друг друга, никогда не касаются друг друга.

Вы можете жить с кем-то на протяжении двадцати, тридцати, пятидесяти лет – не имеет значения – и оставаться незнакомыми.

Вы будете всегда незнакомыми.

Воспримите тот факт, что мы незнакомцы; что мы не знаем, кто вы, что вы не знаете, кто я.

Я сам не знаю, кто я, как же вы можете знать?

Но люди предполагают, что жена должна знать мужа, муж предполагает, что жена знает его. Все действуют так, как будто умеют читать мысли и знают до того, как вы скажете, что вам нужно, в чем ваши проблемы... Он должен знать, она должна знать – и они должны что-то делать. Все это чепуха.

Никто не знает, даже вы, поэтому не ждите, что кто-то другой должен знать вас; это невозможно по самой природе вещей.

Мы все незнакомцы. Может быть, случайно мы встретились и мы вместе, но мы одиноки. Не забывайте этого, ведь над этим надо работать. Только отсюда придет ваше искупление, ваше спасение.

Но мы делаем прямо противоположное – думаем, как бы забыть о нашем одиночестве? Друг, подруга; пойти в кино, на футбол; затеряться в толпе, потанцевать на дискотеке, забыть себя, пить алкоголь, принимать наркотики, но как-то не дать войти этому одиночеству в свой сознательный ум – здесь и лежит весь секрет.

Вы должны воспринять свое одиночество, которого вам никаким образом не избежать. И нет способа изменить свою природу. Это ваша подлинная реальность. Это вы.

А вы бежите от себя. Тогда возникнет несчастье, тогда будут проблемы. И решая одну проблему, вы создадите в десять раз больше, и так далее, и так далее. Вскоре вас будут окружать только проблемы, и вы будете тонуть в своих проблемах. Тогда вы закричите: «Почему возрастает напряженность? Почему так много страдания? Почему так много несчастья?» – как будто у кого-то на этот счет есть готовый ответ. Да, у кого-то он есть – у вас.

Я ведь нашел ответ в себе, поэтому я говорю вам это обоснованно.

Моя обоснованность не имеет под собой никакого Бога, никакого мессии, никаких Вед, никакого Корана, Библии – нет. Эта обоснованность – следствие моего собственного переживания.

Всю свою жизнь я жил среди миллионов людей, но никогда, ни на единое мгновение, я не забывал, что я один, что моя уединенность недостижима для других, никто не может войти в нее.

Она доступна только для меня, поскольку она – это я.

Поэтому в тот момент, когда вы перестанете бежать от себя, топить себя во всех возможных наркотиках, связях, религиях, служении человечеству... сейчас так поступают многие. Это не что иное, как бегство от себя. Их это удовлетворено, ведь они служат человечеству-

Я знаю служителей, великих служителей, и когда я говорил с ними, и обнажал им смысл, и ставил их на колени, они буквально заливались слезами и говорили: «Может быть, вы правы, это наше бегство. Мы думали, что служим этим бедным людям, но, кажется, мы не в состоянии разрешить ни одной собственной проблемы». Видимо, это самый предпочтительный способ бегства. Можно отложить в сторону свои проблемы. Как вы можете быть настолько себялюбивым, чтобы беспокоиться о своих проблемах, когда страдает человечество? Когда страдают все, помогите им. Поэтому вы можете в красивых одеждах отложить в сторону свои проблемы – даже думать о них является себялюбием.

Но с этими проблемами кому вы собираетесь помогать и как? Вы сваливаете все свои проблемы на того, кому собираетесь служить. Муж сваливает на жену, жена – на мужа. Родители сваливают на детей, все сваливают свои проблемы на других, не замечая, что другие тоже пытаются поступать так же.

Хватит сваливать свои проблемы на других.

Вы должны сами решать свои проблемы, и каждый должен сам решать свои проблемы.

А проблем не так много. Есть одна проблема, которую вы не разрешили и которая порождает цепь нерешенных проблем.

И эта проблема в следующем: как войти в свое одиночество без страха?

Тот момент, когда вы без страха войдете в свое одиночество, будет таким прекрасным и восторженным переживанием, что ничто не сравнится с ним.

Это вовсе не проблема. Это, наоборот, решение всех ваших проблем. Но вы сделали из нее проблему, потому что слушали других и следовали за ними: слепой, идущий за слепыми лидерами и священниками. А все они ходят по кругу, и все верят, что человек, идущий впереди, видит, куда идет, но то же думает и человек, идущий впереди. Он держится за чье-то пальто или рубашку, веря, что тот человек знает, куда идет, и все они ходят по кругу; никто никуда не идет. Те, кто идет позади, идут за лидером, лидер идет за идущими позади...

Нужно прекратить эту глупую игру в лидеров и последователей.

Нужно быть просто самим собой и помнить, что вы родились один, поэтому одиночество – ваша реальность; вы умрете один, поэтому одиночество – ваша реальность.

И между рождением и смертью, между двумя этими точками вы абсолютно одиноки, может ли быть жизнь какой-то другой? В каждое мгновение вы одиноки.

Поэтому воспринимайте это с радостью; входите в одиночество так сильно, как это только возможно, столько раз, сколько возможно.

Это храм моей религии.

Он не сделан из камней или мрамора; он сделан из вашего сознания.

Входите в него, и чем глубже вы в него входите, тем дальше проблемы. В то мгновение, когда вы коснетесь сердцевины вашего бытия, вы достигнете дома.

И от этой точки вы можете идти вовне и делать все, что хотели бы делать. Это будет помощь, это будет служение, это будет разделение. Вы не будете ничего ни на кого сваливать.

С одной стороны, священник дал вам желание иного мира, стремление к иному миру, стремление в завтра. Политик дает вам этот мир... вы можете стать президентом. Любой в Америке может стать президентом, все граждане равны. Что за чепуха! Нет двух равных граждан, и не все, а только самый хитрый станет президентом. По крайней мере, не тот, кто помогал кому-либо.

Только амбициозные люди могут достичь наивысшего политического поста в любой стране, поскольку это гонки и нужно быть очень амбициозным, чтобы поставить все на это. И вам не следует беспокоиться о том, что вы делаете, правильно ли это или нет. Вам нужно держать в уме конечную цель и делать все, что вы считаете необходимым для ее достижения; правильно ли это или неправильно, такого вопроса нет. Если вы проиграете, то все было неправильно; если вы выиграете, то все правильно. Успех прав, неудача неправа. Вот чему учат политики.

Отбросьте все, что политики и священники вложили в вас, и когда вы сбросите тяжесть, вы начнете видеть проблески вашего собственного бытия. Это то, что я называю медитацией.

Раз вкусишь ее, и она преобразует навсегда.

Шила, еще один вопрос.

Бхагаван,

Христианская Библия начинается утверждением: «Вначале было слово». Вы согласны?

Не было никакого творения. Как может быть «начало»? Творение – непрерывно; оно есть творчество.

Пойдите назад, вы не найдете начала; пойдите вперед, вы не найдете конца. Это энергия творения без начала, без конца.

Так что, прежде всего, не было начала. Бог никогда не творил мир – нет Бога.

И Библия говорит: «Вначале было слово». Это самое смешное, что можно сказать. Если мы лишь в целях –поддержания дискуссии предположим, что было начало, то я скажу:

«Вначале было безмолвие».

Как вначале могло быть «слово»? Только взгляните на эту идею. Как вначале могло быть слово? Тогда что было до слова? Конечно, должно было быть безмолвие – до того, как слово нарушило его.

И безмолвие означает нечто гораздо большее, поскольку именно безмолвие я пытаюсь многими способами ввести в вас. И именно оно было в начале, есть в середине и будет в конце, поскольку безмолвие пребывает в самом центре всего этого творчества, этого потрясающего творчества, которое творит существование.

